

ЛЕКСИ ЭЛЛИОТТ

Француженка
ПО
СОСЕДСТВУ

ТРИЛЛЕР

Книга месяца по версии журнала
СОСМОРОЛИТАН

Annotation

Приготовьтесь потерять счет времени. *Daily Mail*

Роман полностью овладевает вниманием. *Associated Press*

Эллиотт проделала великолепную работу. *Library Journal*

Умный, захватывающий триллер. *Booklist*

Этот невероятный, взрывной роман расширил жанровые границы романтического триллера – что до сих пор казалось совершенно невозможным...

Шесть молодых друзей-англичан на отдыхе во Франции. И соседка-француженка, ставшая новым источником конфликтов для компании, и так находившейся на грани распада. Внесла сумятицу – и исчезла непонятно куда... Так они думали в течение десяти лет, пока не прогремела новость: скелет француженки Северин найден в колодце неподалеку от места, где они отдыхали. Убийцей может быть только один из них...

- [Лекси Эллиотт](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Лекси Эллиотт

Француженка по соседству

Lexie Elliott
The French Girl

Copyright © 2018 by Lexie Elliott. All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with The Berkley Publishing Group, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Оформление серии и переплета *Андрея Саукова*
Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коробейникова*

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Самое поразительное, что я понимаю, оглядываясь в прошлое: она знала, что не нравилась мне, но ей было наплевать. Подобное самообладание в нежном возрасте девятнадцати лет вообще-то вещь неестественная. Или же вполне во французском духе. Она же была типичной француженкой. Француженкой до мозга костей.

Новость мне сообщил по телефону Том. Возможно, уже это должно было подсказать: тут что-то не так. Я не помню, когда он последний раз мне звонил. Это вовсе не значит, что мы с ним не общаемся: в отличие от большинства моих друзей-мужчин, он частенько пишет мне по электронной почте. Наверное, я тогда подумала, что он хочет сообщить мне радостное известие: например, пригласит на вечеринку или на свадьбу – его свадьбу; в конце концов, они с Дженной помолвлены уже целую вечность...

Но он говорит:

– Кейт, ты помнишь то лето?

Семь лет в Бостоне не изменили его акцент: это по-прежнему моментально узнаваемый продукт лучшего английского образования, какое только можно купить за деньги. У меня в голове тотчас всплывает образ. Я вижу его таким, каким видела в последний раз два лета назад: ярко-голубые глаза на фоне загорелой кожи с веснушками, рассыпанными по крючковатому носу, взлохмаченные темные волосы, длинные, завивающиеся на концах. Вряд ли он выглядит так сейчас, после суровой зимы в Новой Англии, но образ в моей голове отказывается меняться.

Я точно знаю, какое лето Том имеет в виду: лето после окончания университета, когда мы вшестером провели идиллическую неделю на ферме во Франции. Идиллическую, или в основном идиллическую, или идиллическую отчасти... Ее трудно вспоминать объективно, так как Себ и я сразу же расстались. Я сразу выбираю легкомысленный тон:

– Тебе не кажется, что это похоже на шестидесятые годы? «Если вы их помните, значит, вас там не было».

Он игнорирует мое поддразнивание.

– Соседка...

– Северин. – От моего легкомысленного тона не остается и следа. И я больше не жду приглашения на вечеринку. Я закрываю глаза, я знаю, что именно вот-вот услышу. Воспоминание всплывает само, без всякого

приглашения.

Северин, тоненькая и гибкая в крошечном черном бикини, ее загорелая, темно-коричневая кожа, такая гладкая на солнце. Она стоит, с вызовом отставив одну ногу, как будто готова уйти прочь, как только утратит интерес. Северин, которая без малейшего намека на улыбку, смягчившую бы эту ее суровую красоту, представилась как «мадемуазель ваша соседка» и которая бесследно исчезла после того, как мы все шестеро вернулись в Британию.

– Да, Северин. – Том умолкает, и по телефонной линии пробегает короткая пауза. – Ее нашли. То есть ее тело.

Я молчу. Подумай я обо всем этом вчера – я же, разумеется, об этом не думала, – я сказала бы, что ее вряд ли когда-нибудь найдут. Но после резких слов Тома все внезапно кажется predetermined, как если бы все возможные пути вели именно к этому. Я представляю себе ее кости, чистые и белые после десяти лет, усмешку ее безупречного черепа. Она точно ненавидела бы ее, эту неизбежную улыбку смерти. Северин, которая никогда не улыбалась...

– Кейт? Ты меня слушаешь? – спрашивает Том.

– Прости, да. Где они ее нашли? – Ее? Был ли труп еще «ею»?

– В колодце, – говорит он без всякой утайки. – На ферме.

– Бедная девочка, – вздыхаю я. Бедная, бедная девочка... И затем: – В колодце? Но ведь это означает...

– Да. Должно быть, она вернулась. Французская полиция хочет снова поговорить с нами.

– Конечно. – Я тру лоб, но, вспомнив белый череп под своей теплой кожей, поспешно опускаю руку. Колодец. Этого я не ожидала.

– С тобой всё в порядке? – спрашивает Том, и в его голосе слышится тревога.

– Да. Просто я...

– Ты в шоке, – подсказывает он. – Знаю. – Кстати, в его собственном голосе никакого потрясения я не слышу. С другой стороны, у него наверняка уже было время привыкнуть к этой новости. – Ты скажешь Ларе? Я не уверен, что у меня есть ее номер.

– Да, я скажу ей, – говорю я.

Лара – моя самая близкая подруга, одна из тех шестерых. Полиция наверняка захочет поговорить со всеми нами – по крайней мере с пятерыми, что остались. Ведь Тео теперь вне юрисдикции любой полиции. Возможно, Том уже позвонил Себу и Каро или намерен это сделать... Наверное, я должна спросить, как они поживают, но я этого не делаю.

- Тебе придется прилететь из Бостона?
- Вообще-то я уже в Лондоне. Прибыл сегодня утром.
- Отлично! – Наконец-то хоть одно хорошее известие. – И надолго?
- Навсегда.

– Прекрасно. – Хотя есть в его тоне что-то странное, что можно заметить даже по телефону. – Дженна с тобой? – осторожно спрашиваю я, уже начиная подозревать, что знаю ответ.

– Нет. – Том громко выдыхает в трубку и неловко добавляет: – Так будет лучше.

Кстати, я полностью с ним согласна, но сейчас, похоже, этого лучше не говорить.

– Понятно, – решительно заявляю я. – Думаю, тебе стоит как-нибудь вечером появиться перед моей дверью с бутылкой вина.

– Скорее, с бутылкой виски.

– Приноси что угодно, а я приготовлю поесть. Не бойся, не отравлю.

Том смеется в телефон. Мне приятен его голос.

– Договорились.

Мне приходит в голову, что когда-то он смеялся чаще. Но тогда всем нам было по двадцать одному году, мы пребывали в молодости и беззаботности. Еще никто из нас не исчезал загадочным образом. Возможно, мы все тогда смеялись чаще.

* * *

Найдено мертвое тело, но жизнь продолжается. По крайней мере, для большинства из нас. Возможно, время останавливается для наших дорогих и близких, но, кто знает, вдруг оно остановилось для них десять лет назад, когда она внезапно пропала... Для нас, остальных, все как всегда, и для меня сегодня означает встречу с потенциальным клиентом. С весьма важным потенциальным клиентом: контракт с фирмой «Хафт и Вейл» помог бы моему едва оперившемуся бизнесу по подбору юридического персонала крепче встать на ноги. Я стою перед зеркалом в туалете моего офиса в Блумсбери, снятого на короткое время. На мне дорогой брючный костюм и сшитая на заказ шелковая блузка. Густые темные волосы зачесаны назад и собраны в аккуратный узел; неброская, аккуратно наложенная косметика подчеркивает зеленые глаза. Все вместе складывается в приятный портрет деловой женщины. Я улыбаюсь, проверяя, не застряли ли между зубами маковые зернышки от рогалика,

который я ела на ланч. В моей голове тотчас возникает образ улыбающегося черепа Северин. Улыбки в зеркале как не бывало.

Я выхожу из туалета. Моя ассистентка Джулия поднимает голову от компьютера.

– Такси уже ждет, – сообщает она, вручая мне папку. – Всё на месте?

– Да. – Я быстро проверяю содержимое папки. Да, всё на месте. – А где Пол?

Пол – мой деловой партнер, непревзойденный хедхантер – «охотник за головами». Он здесь потому, что верит в меня и еще сильнее – в свою долю доходов, если все у нас пойдет хорошо. Я стараюсь держать в поле зрения его расписание деловых встреч. Если наш бизнес-план себя не оправдает, Пол здесь долго не задержится.

Джулия проверяет по компьютеру – одна рука лежит на мышке, другой она поправляет на носу очки.

– У него встреча с тем кандидатом на Флит-стрит.

– Ах да, – отвечаю я и снова быстро посматриваю папку.

– Кейт, – говорит Джулия, и в ее голосе мне слышится легкая досада. – Там всё на месте.

Я захлопываю папку.

– Знаю. Спасибо. – Делаю глубокий вдох. – Все хорошо. Увидимся позже.

– Удачи тебе. – Она было уже снова повернулась к компьютеру, как вдруг останавливается. – Тебе тут звонили. Думаю, тебе захочется ответить на звонок, когда ты уже сядешь в такси. – Взглядом ищет блокнот с телефонными сообщениями. – Ага, нашла. Каролин Хорридж. «Пожалуйста, перезвони». Она не сказала, по какому поводу звонит.

Каро. Звонила мне. Неужели?

– Ты шутишь.

Джулия смотрит на меня. Лицо ее серьезно.

– Если это шутка, то до меня она не дошла. – Она протягивает мне сообщение.

Я беру у нее листок.

– Мы вместе учились в университете, – поясняю, нахмурившись. – Я бы не сказала, что мы с ней близкие подруги. Последний раз я видела ее лет пять назад, на какой-то вечеринке... – Смотрю на телефонный номер, записанный аккуратным почерком Джулии, и удивленно говорю: – Ой, да ведь это же номер фирмы «Хафт и Вейл». В последнее время я набирала его так часто, что выучила наизусть.

– Может, она задумала спрыгнуть с корабля?

Может быть. Какие еще могут быть у адвоката причины звонить в бюро по подбору юридического персонала? Но я с трудом представляю себе, чтобы Каро просила меня о помощи. Я сажусь в такси и думаю о призраках: о бедной мертвой Северин, о ее косточках, сложенных, словно меха аккордеона, чтобы поместиться в темном колодце; о бедном мертвом Тео, разорванном в клочья на поле боя; о Томе, каким он когда-то был, когда смеялся чаще; обо мне самой, какой когда-то была я; о Ларе, о Каро, о Себе... Всегда, всегда о Себе.

* * *

Мы познакомились с ним летом 2000 года, когда я окончила второй курс в Оксфорде. Мы с Ларой пробыли там уже достаточно времени, чтобы не чувствовать себя юными и наивными, но еще недостаточно долго, чтобы ощутить маячившую перед нами ответственность: никаких экзаменов в течение года, по крайней мере таких, какие шли в зачетку. Никакой необходимости до третьего курса думать о будущей работе. По мнению наших преподавателей, это был прекрасный год для того, чтобы заложить прочные основы знаний, необходимых для успешной сдачи экзаменов в следующем году. Мы же считали, что этот прекрасный год предназначен для того, чтобы подольше поваляться в постели после очередного загула в ночном клубе.

Нашим любимым занятием того лета было на халяву ходить по летним балам. Теперь такое с трудом укладывается в голову: нарядиться в коктейльное платье и без всякого билета прошмыгнуть в зал, чтобы, не заплатив ни пенни, без зазрения совести накачаться всем, что было в баре. Теперь, когда я слишком много размышляю на темы закона и права, я сочла бы это воровством. Тогда же это был своего рода спорт.

В любом случае нашей целью был не бал как таковой – в конце концов, все они были примерно одинаковы. Где-то лучше играл оркестр, где-то чуть короче очереди в баре, но в общем и целом все одно и то же. Нет, главной задачей было проникнуть туда без билета, ощутить приятное волнение от того, что мы обманули охрану, и безнаказанно смяться. Этот кайф значил куда больше, чем незаконно выпитый алкоголь.

В ту ночь, когда я познакомилась с Себом, нашей целью был бал в Линакре. Линакр – не самый богатый из оксфордских колледжей и не самый большой. Не было никаких оснований полагать, что там будет приличный бал. Главная отличительная черта Линакра – это колледж

магистрантов. В этом и заключался главный вызов. Они против нас, магистры против бакалавров, охранники против студентов. К тому же студентов пьяных, ибо перед тем, как брать штурмом этот бал, они уже провели военный совет дома у одного из студентов, жившего по ту сторону спортивного поля Линакра. Потому что на этом совете дешевое вино лилось рекой. Помню, как я пошла в туалет и споткнулась на моих высоченных шпильках. Я бы точно врезалась лбом в стену, но чьи-то незнакомые мне сильные руки поймали меня и не дали упасть. Мне тогда подумалось, что нам стоит отправиться в Линакр до того, как все мы уьемся в стельку, иначе мы не только не перелезем через стену, но и не преодолеем поле.

И тогда мы пошли туда. Гуськом вышли из недавно построенного дома и собрались на спортивной площадке. Темноту время от времени озаряли вспышки света из колледжа, до которого было метров двести. Трава на миг становилась изумрудно-зеленой, а ворота для игры в регби отбрасывали через все поле невероятно длинные тени. Кто-то взялся на военный манер отдавать приказы. Это жутко рассмешило Лару. Захихикав, она споткнулась и, чтобы не упасть, схватила меня за локоть. Повертев головой, я с удивлением увидела, что уже тридцать или сорок наших студентов берут Линакр штурмом. Мы с Ларой оказались в одной группе с теми, кого мы почти не знали. Хотя в темноте было плохо видно, там имелось как минимум двое парней с определенным потенциалом. Лара тотчас переключила на них все свое внимание, а ее улыбка мгновенно прибавила в ваттах.

Впрочем, времени, чтобы пустить в ход ее магию, у нас не было – нам предстоял штурм. План сработал благодаря численности наших рядов. Мы шли на приступ волнами, быстро перебегая поле человек по десять-двенадцать – и как только мы умудрялись делать это на шпильках? Не знаю как, но, видимо, смогли. Если призадуматься, то как Лара умудрилась при этом не порвать свое узкое платье в облипку? Лично я свое была вынуждена задрать едва ли не до трусов. Помню, как по жилам струился смешанный с алкоголем адреналин. Вокруг меня раздавались боевые выкрики и какие-то невнятные вопли. Время от времени огни высвечивали бегущую по полю орду в вечерних нарядах. Добежав до стены Линакра, мы с Ларой сделали передышку, насколько это позволяло хихиканье, с которым мы обе никак не могли совладать. Наверное, это и помогло нам пробраться внутрь. Охранники были заняты тем, что разбирались с первой волной захватчиков, преодолевших стену. Когда мы забрались на стену, я потеряла Лару из виду. Мне жутко мешали совершенно не подходящие для этого

платье и обувь. Я вскарабкалась уже почти до самого верха, когда чья-то протянутая рука и широкие плечи помогли мне преодолеть последние сантиметры. В темноте я сумела разглядеть непослушные темные волосы и блеск белых зубов под горбатым носом. Схватив протянутую руку, которая довольно бесцеремонно дернула меня вверх, я оказалась на стене как раз в тот момент, когда, ослепив меня, блеснула очередная вспышка. Беспомощно заморгав, я попыталась поблагодарить моего помощника, а заодно вернуть себе устойчивость и зрение.

– Прыгай! – крикнул кто-то снизу. Я едва расслышала его из-за бьющей по ушам музыки. – Я тебя поймаю.

Я оглянулась на моего спасителя. Тот кивнул и жестом указал на стоявшего внизу парня в вечернем костюме. На мое счастье, свет вспыхнул снова, и я посмотрела в бездонно-голубые глаза. Себ. Ну конечно, это был Себ.

Я прыгнула. Он меня поймал.

* * *

Примерно посередине моей встречи с мистером Гордоном Фарроу, старшим партнером юридической фирмы «Хафт и Вейл», когда тот, глядя куда-то вправо от меня, в сотый раз перекладывает бумаги, я понимаю, что сделка уплывает из моих рук. Вскоре после этого, пытаясь объяснить ему достоинства моей фирмы перед нашими более именитыми конкурентами, я понимаю, что никаких шансов у меня не было с самого начала. Я нужна ему лишь для отвода глаз – конкурент, приглашенный лишь для сравнения, дабы убедиться: фирма, на которую пал их первоначальный выбор, действительно того стоит. Я умолкаю на середине предложения и вместо этого быстро кладу в рот овсяное печенье. Спустя пару секунд мистер Гордон Фарроу это замечает и впервые пристально смотрит на меня.

– Что-то не так? – спрашивает он.

Я поднимаю вверх палец и дожевываю печенье. Он терпеливо смотрит на меня, вопросительно выгнув брови.

– Нет, – отвечаю я, проглотив печенье. – Просто я только что поняла, что понапрасну трачу и ваше время, и свое, так как вы уже приняли решение. Мне понятны ваши мотивы, вы пригласили меня сюда для сравнения, но если это так, то я лучше угощусь вашим печеньем и выпью вашего чая, чем буду из кожи вон лезть, расхваливая сделку, которой мне никогда не видеть.

В его глазах вспыхивает нечто вроде одобрения. Внешне он ничего собой не представляет: среднего роста, волосы с проседью, не тощий, не толстый, не слишком мускулистый, но для человека, которому хорошо за пятьдесят, в целом в неплохой форме. На нем хорошо сшитый костюм, но ничего яркого или необычного, что бросалось бы в глаза. Говорят, что самое яркое в нем – это его интеллект, но пока что он мне его не продемонстрировал.

– Вы всегда говорите, что думаете? – спрашивает Фарроу пару секунд спустя. Я отмечаю про себя, что он не опроверг того, что пригласил меня лишь для сравнения.

– Все реже и реже, по мере того как становлюсь старше, – отвечаю я с легкой улыбкой. – Слишком рискованная стратегия. И хотя я обязана ей многим самым лучшим вещам в моей жизни, – здесь я морщусь, – но одновременно и самым худшим.

Он улыбается моим словам.

– И что вы считаете одной из самых лучших вещей в вашей жизни?

– Учебу в Оксфорде, – отвечаю я, не задумываясь.

Он вопросительно смотрит на меня. Его глаза снова блестят.

– Это почему же?

– Такие, как я, обычно в Оксфорд не поступают. Учеба в нем открыла для меня новые горизонты. Я имею в виду не только перспективы работы. Оксфорд открыл для меня пути и возможности, о которых я даже мечтать не могла, поступи я куда-то еще.

– Моя дочь училась в Оксфорде, – говорит Фарроу. – Интересно, скажет ли она то же самое?

– Думаю, все зависит от ее социального окружения и ее личности.

Он с кислой улыбкой пожимает плечами:

– Каро попадает в категорию типичной кандидатки в Оксфорд.

Я растерянно моргаю.

– Надеюсь, это не Каро Хорридж? – Ну конечно же нет, ведь его фамилия Фарроу.

– Она, – удивленно отвечает он. – Вы ее знаете?

– Мы вместе учились.

Внезапно он становится весь внимание, что слегка меня нервирует.

– И как вы думаете, сказала бы Каро, что учеба в Оксфорде – одна из лучших вещей в ее жизни?

Каро такой вопрос просто не пришел бы в голову. Потому что для нее Оксфорд – это единственный уготованный ей путь.

– Видите ли... – уклончиво начинаю я. – Мы не были особенно

близки.

Его губы кривятся в улыбке:

– Не желаете следовать рискованной стратегии?

– Как я уже сказала, с возрастом я следую ей все реже и реже, – с улыбкой отвечаю я.

Уголки его рта ползут вверх, но затем он смотрит на часы.

– Что ж, мисс Ченнинг, я уверен, что такой прямолинейный человек, как вы, простит мне мою откровенность. Да, я пригласил вас для сравнения. Мне нравится ваш бизнес, мне понравилась ваша рекламная брошюра, которую вы прислали, и ваши гонорары вполне разумны, однако мне было бы весьма трудно убедить комитет, почему я выбрал именно вас, поскольку вы пока еще не сделали себе имя. Я не уверен, что мне есть смысл ввязываться в эту борьбу.

– А что могло бы заставить вас пересмотреть вашу позицию? Уменьшение гонорара?

Фарроу поджигает губы:

– Возможно, но даже этого, пожалуй, было бы недостаточно. Вы пока...

– ...Не сделали себе имя, – заканчиваю я за него.

Он печально кивает.

– Тем не менее мне было приятно с вами познакомиться. – Его глаза улыбаются, он тотчас делается на десяток лет моложе. Но я не вижу ни малейшего сходства с Каро.

В такси я записываю свои мысли по поводу встречи на карманный диктофон, чтобы Джулия потом их отпечатала для меня. Потом звоню Ларе и в течение пяти минут жалуюсь ей на себя, любимую, – мол, какая же я была дура, бросив хорошо оплачиваемую работу, чтобы основать собственную фирму, которая в любом случае через полгода обанкротится, и никто после такой чудовищной ошибки никогда снова не возьмет меня на работу, и так далее в том же духе. Лара слышала все это и раньше – и даже не считает нужным отвечать мне.

– Всё? Закончила? – спрашивает она, когда из меня наконец выходит пар.

– Пока – да. Приезжай ко мне сегодня. Возможно, я снова начну выносить тебе мозг моими жалобами, но, по крайней мере, обещаю предварительно угостить тебя карри и хорошим вином.

Лара хихикает. Собственно, это все, что мне нужно.

– Извини, – говорит она, зевая. – Но сегодня я никакая. Может, перенесем на завтра?

– Никакая? Живо признавайся, чем это ты занималась вчера вечером! – Я не помню, чтобы она говорила мне про какое-то свидание, но Лара снимает мужчин с той же легкостью, как остальные из нас покупают газеты. Кстати, с той же легкостью она и выбрасывает их, когда они ей надоедают. Она всегда была бесстыдно и беззастенчиво неразборчивой, но... в этом она вся.

– Вчера вечером я познакомилась кое с кем в пабе. Так, разнообразия ради.

– Везет, – говорю я, не в силах скрыть зависть в голосе. Не уверена, знакомилась ли я с кем-то в пабе «разнообразия ради». Да что там, я не помню, чтобы на меня вообще кто-то обращал внимание. Не считая Себа.

– Кейт, – говорит Лара, и я слышу в ее голосе улыбку. – Сколько раз я говорила тебе: к черту твои моральные стандарты. И тогда у тебя все будет, вот увидишь.

– Возможно, – отвечаю я, хотя вовсе так не думаю. С внешностью у меня всё в порядке – хороший рост, стройная, густые волосы и, как мне все говорят, красивые глаза. Но ничто из этого не привлекает мужчин так, как привлекает их цветущая красота шведских кровей, веселая улыбка и отсутствие комплексов по части секса.

– Значит, завтра у тебя? – уточняет Лара.

– Отлично. – Я уже собираюсь нажать на отбой, когда вспоминаю, что еще не сказала ей про тело. Про Северин. – Погоди... мне звонил Том.

– Как он там? Вернулся в Лондон?

– Вообще-то да, но звонил он по другой причине. Дело в том, что... – Я сглатываю комок. – Наконец нашли тело. Я про Северин. Ее нашли в колодце на ферме, – быстро договариваю я.

– О господи! – убитым голосом отвечает Лара. – Какой ужас! Хотя теперь ее родителям, возможно, станет легче. Они считают, что это тот самый бойфренд, о котором она все время говорила?

– Думаю, да. – Это был очевидный вопрос, но я не задумывалась о том, как Северин попала в колодец. Или кто засунул ее туда. Даже сейчас мой мозг избегает таких вещей. – Не знаю. Том говорит, что французская полиция захочет снова допросить всех нас.

– Неужели? – Я почти слышу, как Лара строит гримасу.

– Возможно, такова процедура. В конце концов, мы последние, кто ее видел и разговаривал с ней до того, как она ушла в город и не вернулась. – Похоже, она вернулась, раз ее тело нашли в колодце. Думаю, это и есть новая информация.

– И все же это наверняка ее бойфренд. Не хочу показаться

бесчувственной, но я надеюсь, что это не займет много времени. Мы сейчас так жу-у-утко заняты на работе... – Лара снова зевает в трубку. – Думаю, это объясняет, почему Каро усиленно пытается меня перехватить.

– И тебя тоже? – А вот это неожиданность. Если на то пошло, Каро любит Лару даже меньше, чем меня. – Она оставила мне сообщение, но я ей пока не перезвонила. Не иначе как она знала, что Том сообщит нам. И вряд ли стала бы нам об этом звонить.

– Есть только один способ выяснить это. – Лара зевает в третий раз. – Пистолет. Ты стреляешь первой, – игриво добавляет она.

– Ну хорошо, – неохотно соглашаюсь я. – Я ей позвоню. – Я, как и Лара, не горю желанием разговаривать с Каро, но, возможно, мне есть смысл выяснить, что ей надо, и чем раньше, тем лучше. Если Каро чего-то хочет, то ее уже не остановить.

Глава 2

Северин где-то рядом.

Сначала это не более чем чувство, некое присутствие, которое притаилось внутри меня, вне поля моего зрения. Я объясняю это нежеланными воспоминаниями, которые прорвались к поверхности моего сознания, разбуженные известием о находке ее тела. Но Северин этого недостаточно. Однажды утром я нахожу на кухонном столе ее выцветшие до белизны кости, аккуратно сложенные в кучку, поверх которой будет улыбаться ее череп. Если поморгать, они никуда не денутся, хотя я знаю, что их там нет. В другой раз она дает о себе знать полнокровной версией – загорелая кожа, скрытный взгляд, потрясающее отсутствие улыбки. Вслед за ней накатывается целая волна воспоминаний, зловонных и влажных от долгого лежания. Стоит дать слабину, и они утянут меня вниз, в их гнилостные глубины... Но я нарочно не желаю сдаваться. Вместо этого звоню Каро.

– Каролин Хорридж, – бодро произносит она сразу после первого гудка. Я представляю себе, как Каро сидит за рабочим столом в офисе фирмы «Хафт и Вейл» и ее упругая фигура облачена в строгий деловой костюм. У нее всё знает свое место – каждый волосок на голове, каждая бумажка на столе.

– Привет, Каро, это Кейт. – Молчание. – Кейт Ченнинг, – добавляю я сквозь стиснутые зубы. Это классическая стратегия Каро – вынуждать меня представляться полным именем. Можно подумать, она ждет звонка от какой-то другой Кейт, говорящей с сильным северным акцентом.

– Ах, Кейт! – изображает она радушие. – Господи, как же давно я тебя не слышала... Спасибо, что перезвонила.

– Мне нетрудно. – Я чувствую, как мои щеки сводит от фальшивой улыбки. Кто-то сказал мне, что если улыбаться, разговаривая по телефону, то собеседник поймет это по вашему голосу. По всей видимости, не важно, искренняя улыбка или нет. В мои планы не входит настраивать против себя дочь человека, который мог бы дать мне мой первый крупный контракт. Впрочем, случайно возможно все. – Как твои дела?

– Прекрасно, – бодро отвечает она. – Правда, я жутко занята. Хотя, учитывая состояние рынка, на это грешно жаловаться. А как ты?

– Так же. Все хорошо, куча дел. – Правда, не столько, сколько хотелось бы, что становится очевидно, стоит посмотреть на экран компьютера, на

котором висит мое расписание на неделю – полупустое. Но ей не обязательно это знать.

И вновь молчание. Я жду, когда она перейдет к теме разговора.

– Как я понимаю, Том уже сообщил тебе?

– Да. Не самое радостное известие. – Моей улыбки как не бывало. Череп с пустыми черными глазницами вместо глаз все еще ждет меня где-то на границе сознания.

– Ты имеешь в виду Дженну или ту девчонку?

Я резко втягиваю в себя воздух. Неужели она намекает, что убийство и разрыв помолвки – равнозначные вещи? Но Каро продолжает говорить:

– Это всегда был лишь вопрос времени. Ничего другого никто и не ожидал.

– Северин, – говорю я. Кости требуют, чтобы их назвали по имени. Неплохо было бы, если б они предъявили требования кому-то еще.

– Что?

– Ее звали Северин. – Мы с Каро не поговорили еще и минуты, как я уже теряю терпение. Вновь приклеиваю к губам фальшивую улыбку.

– Да. – Каро вновь на миг умолкает. – В любом случае я звоню тебе вот почему. Мне тут подумалось: а не устроить ли нам для Тома что-то вроде встречи старых друзей? Думаю, после всей этой истории с Дженной ему довольно паршиво на душе. И если мы соберемся всей нашей старой оксфордской компанией и пропустим по поводу его возвращения пару бокальчиков, думаю, это будет самое то. Как тебе следующая пятница у меня дома? Оттуда всегда можно перейти куда-нибудь на Кингс-роуд, если кому-то захочется продолжить это дело и дальше.

– Неплохая идея, – невнятно отвечаю я. Но это действительно неплохая идея. Если честно, я от Каро такого не ожидала.

– Не надо удивляться, – сухо говорит она. – В конце концов, я практически выросла вместе с Томом и Себом. Жду не дождусь, когда увижу в Лондоне обоих.

– Обоих? И Себа тоже? – Слова срываются с моих губ прежде, чем я успеваю поймать их за хвост.

– Разве ты не в курсе? – Теперь я слышу улыбку в ее голосе – насквозь самодовольную. Если Каро пыталась выяснить, поддерживаем ли мы с Себом отношения, то я попала в ее сети. – Себ возвращается. Судя по всему, Нью-Йорк Алине не покатило. – Алина. Его жена. Они женаты как минимум три года. – Но он к пятнице не успеет. Когда вернется, придется устроить еще одну встречу старых друзей.

– Разумеется. Прекрасно. – Я более чем на сто процентов уверена, что

в тот вечер буду занята.

– Так ты придешь? В следующую пятницу?

– Сейчас посмотрю. – Я быстро перелистываю мой электронный ежедневник, хотя отлично знаю, что в тот вечер я свободна. Возможно, это сработает так же, как и фальшивая улыбка. – Так, одну минуточку... Да, я смогу. Спасибо.

– Прекрасно. Можешь сделать мне одно одолжение и передать Ларе? Я все никак не могу до нее дозвониться. Не сомневаюсь, что вы с ней по-прежнему два сапога пара.

– Это точно, и оба на одну ногу, – отвечаю я, после чего спешу добавить прежде, чем она воспримет мой ответ как насмешку, хотя кто знает, может, это и есть насмешка: – Хорошо, я ей передам.

– Отлично. Я по электронной почте пришлю тебе свой адрес. В общем, до следующей пятницы.

Я кладу трубку и пару секунд тупо смотрю на экран компьютера с моим полупустым расписанием. Возможно, Каро просто была любезна со мной и никаких тайных планов у нее нет. Лара, когда я ей об этом скажу, наверняка так и подумает. Но Лара живет в мире, где за углом всегда светит солнышко. Прекрасная идея, как Санта-Клаус или Зубная Фея, однако требует некоторых усилий по подавлению сомнений. Я родилась куда более подозрительной.

Северин по-прежнему где-то рядом.

* * *

В день, когда у Каро назначена вечеринка, происходят две вещи. Мне звонят из фирмы «Хафт и Вейл» – вернее, звонит секретарша мистера Фарроу, – и мне звонят из полиции.

Секретарша Фарроу звонит, чтобы договориться о ланче во вторник, что есть полная бессмыслица, если только фирма, которую он предпочел мне, не отказалась. Я в течение всего дня пытаюсь подавить волнение, поскольку уверена, что из этого все равно ничего не выйдет, и одновременно тщательно просчитываю, насколько можно будет после этого повысить расценки. Меня жутко изматывает это упражнение по примирению двух взаимоисключающих вероятностей.

По сравнению с этим звонок из полиции тревожит меня куда меньше – по крайней мере, пока. На следующей неделе французские детективы на пару дней пересекут Ла-Манш, чтобы поговорить со мной. Будет ли у меня

время для встречи с ними? Я снова смотрю на свое худосочное расписание. В нем слишком много пустого места. Северин запросто может шагнуть туда и, раскинув в стороны свои тонкие загорелые руки, застолбить территорию. Не считая ланча во вторник и еще пары-тройки встреч по поводу двух ничтожных контрактов, свободного времени у меня хоть отбавляй. Что бы я ни делала весь день, его у меня всегда хоть отбавляй, что не может не вгонять в депрессию. К тому моменту, когда мой рабочий день заканчивается, я ловлю себя на том, что не отказалась бы выпить.

Том, Лара и я договорились заранее встретиться в баре недалеко от дома Каро. Вместе веселее и надежнее. Я захожу в бар с дождем, отряхиваю зонтик и выискиваю глазами Тома. Хотя народа много, я тотчас замечаю у стойки его высокую фигуру. Наверняка он тоже вошел недавно. Капли дождя блестят на его темных волосах, словно крошечные кристаллики. Кстати, волосы у него снова слишком длинные и уже начали завиваться на концах. Когда-то он был больше похож на Себа, думаю я. Или же это я нарочно развожу их сейчас в разные стороны.

– Мне водку с тоником, – говорю я, проскальзывая в пустое пространство рядом с ним.

Том оборачивается ко мне и расплывается в счастливой улыбке.

– Кейт! – Он притягивает меня к себе и заключает в объятия. Том не любитель двойных лондонских поцелуйчиков. И – хотя я это прекрасно знаю, это не перестает меня удивлять – он мастер по части объятий. Том обнимает меня, и я чувствую, что тоже улыбаюсь. Причем совершенно искренне.

– Я так рада видеть тебя, – говорю я ему куда-то в шею. Он пахнет смесью дерева и пряностей.

– А я тебя. – Том отстраняется, чтобы посмотреть на меня. Его довольная улыбка по-прежнему на месте. А вот веснушек больше нет, как нет и загара. Похоже также, что в последнее время он стал чаще наведываться в «качалку». Но в целом передо мной тот же Том, и это успокаивает меня. – Ты хорошо выглядишь.

– Десять шестьдесят, – нетерпеливо прерывает нас бармен, ставя рядом с кружкой пива мою водку с тоником.

– О господи, – бормочет Том, вытаскивая бумажник. – Стоит мне приехать в Лондон, как цены сразу удваиваются.

– В таком случае тебе лучше не уезжать отсюда, хотя бы ради моего счета в банке. – Я улыбаюсь и беру свой стакан. – Пойду поищу столик. Кстати, Лара запаздывает.

Бар набит битком, так что найти столик только для нас одних

невозможно, зато я отыскиваю два свободных места в углу бара, и мы, словно заговорщики склонив головы, чтобы нам не мешал шум, за пять минут пытаемся восполнить то, что пропустили за два года. Северин здесь не нравится – тут слишком тепло, тут бурлит жизнь.

– Как жаль, что все так получилось с Дженной, – говорю я спустя какое-то время. Мне действительно жаль, хотя, если честно, они никогда не подходили друг другу. – У меня не было возможности узнать ее лучше, когда мы приезжали к вам в гости, но мне всегда казалось, что она... – Я подыскиваю нужное слово. И не нахожу. – Что она девушка серьезная, – заканчиваю я за неимением лучшего.

Холодные серые глаза Дженны подмечали все. Мы с Ларой всегда были рады видеть Тома снова, нам обоим нравилось в Бостоне, но я была более чем уверена, что легкий прищур в уголках глаз Дженны разглаживался лишь тогда, когда мы уже были на пути в аэропорт.

Том на мгновение кривит губы и вращает в длинных пальцах бокал с пинтой пива.

– Когда вы приезжали ко мне, она была не в лучшей своей форме. Вообще-то она очень милая, просто... – Он умолкает.

– Я знаю. Лара – та еще гостья...

– Лара? – Том недоуменно поднимает глаза от кружки с пивом.

– Она – потенциальная угроза для любой девушки, даже если ваш бойфренд с ней не спал, – сухо добавляю я. Неужели он считает, что, будучи в Бостоне, я не замечала, как они с Дженной уединялись в коридорах и уголках и что-то тихо и быстро говорили друг другу? Я как сейчас вижу их: Дженна резко жестикулирует правой рукой, пальцы Тома нервно пробегают по волосам. – Или ты не ставил Дженну об этом в известность?

Когда-то – во время пресловутой недели во Франции – у Тома с Ларой был роман, легкая интрижка, или как она там это называла. По ее словам, ничего серьезного между ними не было. Том утверждал то же самое, хотя у меня на его счет имелись сомнения. Которые лишь усилились во время нашего приезда в Бостон. Не зря Дженна была такой холодной. Жены и подруги чувствуют такое нутром.

– Нет, я ей не говорил, да и Лара не была проблемой, – отвечает он с легким раздражением и вздыхает: – Да и вообще, какая разница. Просто мы с ней... Как бы это сказать... я не представлял нас вместе через пятьдесят лет. Не знал, как это будет смотреться. Вскоре я поймал себя на том, что вечером спешу в «качалку», а не домой.

– Пятьдесят лет, – язвительно замечаю я. – Лично мне хотелось бы

знать, что будет через полгода. Или даже сегодня вечером. – Я морщусь и делаю очередной глоток.

– А вот это ты зря, – усмехается Том. – Вот увидишь, Каро будет на высоте. Радушная хозяйка и все такое прочее.

– Хотелось бы, – уклончиво отвечаю я. – Кстати, пока не забыла. Ты случайно не знаешь, почему у Каро с ее отцом разные фамилии? Знаю, ее родители в разводе, и все же...

– Там был поток взаимных обвинений. – Том делает глоток пива и отворачивается, вспоминая. – Насколько мне известно, у Гордона был роман на стороне, и Камилла – мать Каро – приняла это слишком близко к сердцу. Она была в ярости, хотя то была такая спокойная, я бы даже сказал, бесстрастная ярость. – Он хмурит брови, пытаюсь подыскать правильные слова. – Камилла была зла на Гордона не столько потому, что он изменил ей, а потому, что нарушил ее идеальную жизнь. Как бы то ни было, Каро встала на сторону матери. Ей тогда было лет тринадцать. Она официально сменила фамилию отца на девичью своей матери. Хотя, по правде сказать, сделать это ее науськала мать. – Том печально кривит губы: – Если честно, мне всегда было жаль Гордона. Будь у меня такая жена, как Камилла, я завел бы роман на стороне даже еще раньше, чем он.

– С ней так трудно?

– Дело даже не в этом. – Он пожимает плечами, подыскивая верное слово. – Она бездушная. Ей невозможно угодить. У Каро такой же острый язычок, но она, по крайней мере, умеет посмеяться. – Том смотрит на меня, вопросительно подняв брови, как будто ждет, что я сейчас отпущу по этому поводу язвительное замечание. Однако я этого не делаю, отчасти потому, что он прав. Каро действительно умеет посмеяться – даже я вынуждена признать, что с чувством юмора у нее всё в порядке. Но того, что поведал мне Том, я раньше не знала. Это слегка меняет картину.

– В любом случае ей тогда пришлось нелегко. Именно поэтому мы с Себом, – Том бросает на меня быстрый взгляд, – начали проводить с ней больше времени. Думаю, ей просто требовался предлог, чтобы не сидеть дома.

Себ. Обычно при мне Том старается не упоминать его имени. Что нелегко, потому что они не только лучшие друзья, но еще и кузены. Однако он пытается. Я делаю каменное лицо.

– Ее отец все еще с той женщиной? Ну, с которой у него был роман?

Том качает головой:

– Нет. Каро заявила, что в таком случае она откажется его видеть. И он был вынужден уступить ей.

Мне требуется пара секунд, чтобы осознать это: ребенок, диктующий условия собственному отцу. Вообще-то детям не положена такая власть, и на это есть причины. Интересно, как он себя чувствовал, вернее, они оба? Но Том продолжает говорить:

– Знаешь, мне до сих пор не дает покоя вопрос: чья это была идея – ее собственная или матери? Мои родители всегда считали это огромной несправедливостью. По их мнению, Гордон и та женщина были бы счастливы вместе. Но Каро была непреклонна, и... – Он пожимает плечами – Продолжение тебе известно.

– Странно, что она работает в его фирме.

– Это точно. Я даже не знал, что и думать, когда выяснилось, что она работает в «Хафт и Вейл». – Том хмурится, как будто силится разгадать головоломку. – Ведь ей наверняка поступали приглашения и от других фирм. – Том одним глотком допивает пиво и смотрит на пустую кружку. – Ну что, еще по одной? И долго нам еще ждать Лару?

– Думаю, что нет. Кстати, вот она.

Лара стоит в дверях и выискивает нас глазами. Половина бара таращится на нее. Я машу ей рукой, чтобы она нас заметила. Наконец Лара замечает. Ее лицо тотчас озаряет улыбка, и она направляется к нам.

– Том! – восклицает она и обнимает его. – Ты только посмотри на себя... У тебя есть работа или ты только и знаешь, что зависишь в «качалке»?

Он смеется и встает с табурета, предлагая ей свое место.

– Ты в своем репертуаре: остра на язык и, как всегда, сногсшибательно хороша.

– У меня как минимум шесть фунтов лишнего веса. Но поскольку он сосредоточен в моих сиськах, то меня это особенно не волнует, – самодовольно заявляет она и опускает пятую точку на предложенный ей табурет.

– Лара, это как понимать? Ты в баре всего полминуты и уже завела разговор о сиськах? – поддразнивает ее Том. Это дружеское заигрывание мне хорошо знакомо, но внезапно я обращаю на него внимание. Изменился контекст. Том теперь холост. Не скажу, чтобы меня это сильно напрягает, но если эти двое станут парой, это многое изменит. Меня же устраивает нынешнее положение вещей.

– В таком случае предлагаю тему пострашнее. Скажите, вам сегодня звонили из полиции? – спрашивает Лара.

Северин мгновенно протягивает сквозь время руку и тянет меня к себе. Одета в длинную черную льняную тунику, она с нарочитой элегантностью

опускается в кресло рядом с бассейном и закидывает одну ногу на другую. За изящной загорелой икрой следует не менее изящная стопа, которую завершают пальчики с выкрашенными розовым лаком ногтями. Северин помахивает ногой, легкомысленно болтая сандалией. Взгляд Себа прикован к этой сандалие.

Я быстро допиваю свою водку с тоником и заставляю себя вернуться в настоящее. Том кивает:

– По поводу беседы на следующей неделе? Да, звонили.

– Мне тоже. Хотя, если честно, даже не представляю, чем мы можем помочь спустя десять лет, – добавляю я едва ли не с вызовом. – Лично я ничего не помню.

– И я тоже, – говорит Лара. – Интересно, он будет тот же? – Ее лицо принимает странное выражение.

– Он – это кто? – спрашиваю я, сбитая с толку.

– Детектив. Правда, их во Франции называют иначе... Следовательно, если не ошибаюсь. Офицер юриспруденции, или как они там говорят.

– Это вряд ли, – отмахивается Том. – Сколько ему тогда было? Под шестьдесят? Он уже наверняка на пенсии.

– Смотрю, вы двое уже допили свое, – говорит Лара, резко меняя тему. – Давайте я закажу нам всем еще по стаканчику?

Я морщусь и качаю головой:

– Так, может, нам пора набраться мужества и двинуть дальше?

– Это из «Макбета»? Ты не находишь, что это слишком пафосно? – со смехом протестует Том. – Не волнуйся. Тем более что вы двое будете вести себя безупречно. – Он смотрит на нас обеих шутливо-грозным взглядом, причем на меня даже строже, чем на Лару.

– Какой, однако, наивный оптимизм, – говорит та, кокетливо помахивая ресницами. – Обожаю таких мужчин.

Любопытно, любопытно...

* * *

Дома у Каро пахнет ванилью. Чуть позднее я замечаю источник запаха – дорогие свечи, расставленные по всей квартире. В таких обычно три фитиля, и стоят они больше, чем обед с вином на двоих в хорошем ресторане. Восхитительный аромат, приятное освещение и уютное тепло после противного дождя на улице – все это, вместе взятое, создает расслабляющую рождественскую атмосферу, хотя на дворе уже март.

Дверь гостям открывает пара девочек-подростков с густо подведенными глазами. Они забирают пальто и наливают шампанское. Все это ужасно по-взрослому.

Когда мы приезжаем к Каро, у нее уже собралось человек двадцать пять. Быстро окинув их взглядом, я узнаю нескольких и еще столько же, чьи лица мне знакомы, но я не знаю их по имени; все они из наших оксфордских деньков. Затем замечаю Каро – на ней строгое черное мини-платье и совершенно отпадные черные замшевые ботильоны до щиколотки. Пепельные волосы зачесаны ото лба назад. Стройная, белокурая, тонкокостная – классический собирательный портрет английской голубой крови. В Оксфорде я едва не утонула в пучине таких, как она, прежде чем научилась плавать. Главное – барахтаться.

– Расслабься, Кейт, – с улыбкой шепчет мне Том.

Я демонстративно набираю полную грудь воздуха и медленно выдыхаю. Глядя на мой мини-спектакль, он щурит голубые глаза – они почти такие, как и у Себа, только, скорее, серо-голубые.

Заметив, что мы вошли, Каро прерывает беседу и, сияя улыбкой, которая распространяется по всему ее лицу, быстро направляется к нам, вернее к Тому. Она еще худее, чем я ее помню, и, конечно, старше – как и все мы, – но у Каро эти годы отгрызли даже последние намеки на мягкость. Она кажется высушенной и хрупкой. Я пытаюсь представить ее тринадцатилетней девочкой, какой она когда-то была, искавшей убежища в дружбе с Томом и Себом, однако у меня никак не получается. И все же слова Тома упорно преследуют меня и даже загоняют в угол, где я понимаю, что моя антипатия к Каро не делает мне чести. Ведь, по идее, я должна ей симпатизировать: это сильная, умная, амбициозная женщина, работающая в той сфере, где по-прежнему доминируют мужчины. Она остроумная, веселая, она нравится Тому, что тоже немаловажно, и все же... и все же... Ее ум слишком острый. Он режет. По крайней мере, так было когда-то.

– Том! Наш почетный гость! – восклицает Каро и целует его в обе щеки. Я замечаю, что он даже не пытается ее обнять. Затем она поворачивается к Ларе и ко мне. Лара достаивается поцелуев первой. – Сколько лет! Ты... ты совсем не изменилась.

Лара бормочет в ответ что-то ни к чему не обязывающее. Затем наступает моя очередь:

– Привет, Каро. – Я послушно подставляю обе щеки. Шпильки ботильонов добавляют ей роста. Тем не менее оба раза ее губы целуют воздух.

– Кейт, – говорит она, ртом изображая улыбку, хотя ее глаза остаются холодными. – Я слышала, ты встречалась с моим отцом.

– Да, – мямлю я. Если честно, я слегка удивлена, что она подняла эту тему. – Вообще-то у нас на следующей неделе запланирована еще одна встреча.

Она слегка щурится, но затем с воодушевлением кивает и говорит:

– Великолепно. Я еще несколько недель назад говорила ему, что он не пожалеет, если даст тебе шанс.

– Спасибо, – растерянно благодарю ее я. – Это так любезно с твоей стороны.

По крайней мере, это было бы любезно, будь это правдой. Я на все сто процентов уверена, что Каро лжет. Ее отец точно бы знал, что мы с ней знакомы, если б она замолвила перед ним словечко.

– Ах, не стоит благодарности, – отмахивается она. – В нынешнем экономическом климате не так-то легко начать свое дело. Скажите лучше, как вы все смотрите на то, чтобы выпить? И – пойдём, присоединимся к компании. – Каро берет Тома под руку и тянет его прочь. Я вижу, как она с хитрой улыбкой привстает на цыпочки, чтобы что-то шепнуть ему на ухо. Том громко смеется в ответ. Вскоре он уже стоит в плотном кольце гостей; следует энергичный обмен дружескими приветствиями и похлопываниями по спине. Лица троих или четверых мужчин мне смутно знакомы, но не более. Десять лет нанесли невосполнимый урон их физическому облику – кто-то полысел, кто-то отрастил брюшко.

Мы с Ларой попиваем шампанское и общаемся с гостями. Чаще всего незнакомые лица – это вторые половины знакомых мне людей. Приходят новые гости. Музыка становится более жизнерадостной. Уровень громкости разговоров и смеха резко идет вверх. Мы снова пьем шампанское, наносим небольшой урон подносам с закусками. Я окидываю взглядом квартиру: такие хоромы, да еще в этой части Лондона, стоят целое состояние. Интересно, это отец помог ей их купить, и если да, то как уживаются между собой отказ взять его фамилию и согласие получить финансовую помощь?

Затем Каро снова присоединяется к нам:

– Жутко извиняюсь, но у меня даже не было возможности поболтать с вами. Но вы и сами знаете, как это бывает, когда устраиваешь вечеринку, – не успеваешь толком поздороваться с человеком, как вас уже тянут прочь. – Она закатывает глаза, как если б это был тяжкий труд, хотя на самом деле она в своей стихии. Вечеринки – это по ее части.

– Смотрю, сколько народу пришло, – говорит Лара и поднимает за нее

бокал шампанского.

– Ты тоже заметила? – Каро обводит взглядом комнату и довольно улыбается. Затем снова поворачивается к нам: – Не хотелось бы говорить о неприятных вещах, но, как я понимаю, на следующей неделе вас тоже пригласили для беседы с французским следователем?

– Да, в понедельник, – отвечаю я.

– Это было так давно... Я подумала, может, нам стоит все заранее обсудить? Чтобы, как говорится, всем петь в один голос?

Лара открывает рот, – скорее для того, чтобы согласиться, так как это путь наименьшего сопротивления, – но я перебиваю ее:

– А что, собственно, нам обсуждать? Вечером накануне нашего отъезда она была жива и здорова, а после этого мы ее не видели.

Каро кивает:

– Верно, а затем она уехала в город. – Хмурит брови. – Странно, что Северин вернулась домой; ведь она сказала Тео, что собирается в Париж.

– Вот как? – Я этого не знала.

– А когда она это сказала? – уточняет Лара.

– Наверное, вечером накануне нашего отъезда. Тео тогда с ней долго болтал.

Да, это я помню. Словно сейчас вижу, как они вдвоем лежат в темноте на шезлонгах рядом с бассейном. На животе у Северин стоит стакан с белым вином, а красная точка кончика сигареты чертит регулярные дуги от ее губ к подлокотнику шезлонга. На ней по-прежнему черная льняная туника, но сандалии сброшены с ног и валяются рядом с шезлонгом. Я не хочу смотреть на Себа, вдруг он упивается этим зрелищем. Вместо этого я смотрю на Северин сама. Спустя какое-то время она поворачивает голову и смотрит на меня. Правда, сейчас слишком темно и она сидит слишком далеко, чтобы я могла разглядеть выражение ее глаз. Впрочем, в ее глазах и днем не многое разглядишь...

Я встряхиваю головой. Каро продолжает говорить:

– Просто я подумала, может, нам стоит сравнить наши воспоминания... Учитывая, сколько я тогда выпила, я почти ничего не помню про тот последний вечер. – Сказав это, она смеется высоким, звонким смехом.

– Добавь к алкоголю наркотики, – спокойно говорю я.

Ее смех тотчас обрывается. Она наклоняет голову и пристально смотрит мне в глаза. Лара смотрит то на Каро, то на меня. Мне видно, как на другом конце комнаты Том то и дело оборачивается, проверяя, что там с нами троими. Его легко заметить благодаря его росту и выдающемуся носу.

И широким плечам, которые он накачал, спасаясь от летящих под откос отношений с Дженной. Сейчас он, наверное, даже мускулистее Себа.

– Всё в порядке, – говорю я. – Я тогда ничего не сказала, не скажу и сейчас.

Каро быстро кивает. Ее короткий кивок означает если не «спасибо», то что-то близкое к этому.

– Да, безумный был вечерок, – с улыбкой замечает Лара.

– Это точно, – смеется Каро, довольная тем, что разговор сдвинулся с мертвой точки. – Если не ошибаюсь, все закончилось тем, что вы с Томом купались голыми?

Лара хитро улыбается.

– Да, что-то такое помнится... Затем разразилась третья мировая война, и мы, все еще голые и мокрые, пытались всех успокоить. – Она хмурит брови: – Правда, я, хоть убей, не помню, о чем вы тогда спорили. – Она изображает полную невинность.

Я резко смотрю на нее, затем на Каро. На щеках последней горят два красных пятна.

Внезапно рядом с моим локтем появляется Том и машет пустой бутылкой из-под шампанского.

– Каро, скажи, больше такой не найдется?

– Да его там несколько ящиков. Сейчас принесу. – Она выхватывает у него из рук бутылку и быстро растворяется в толпе.

Том строго смотрит на нас с Ларой.

– Разве я не говорил вам обеим, чтобы вы хорошо себя вели? – говорит он и снова проводит пятерней по волосам.

– Ты хочешь, чтобы мы хорошо себя вели? – недоверчиво переспрашивает Лара. – Это Каро опасается, как бы мы ничего лишнего не сболтнули полиции. Например, про наркотики... Может, ты и забыл, что она в сумочке Кейт пронесла через таможню наркотики класса «А», а вот я этого точно никогда не забуду. Думаю, и Кейт тоже.

Ничего не могу поделать с улыбкой, которая захватывает большую часть моего лица. Если честно, я не ожидала от Лары такого боевого настроения и в этот момент обожаю ее всем сердцем. Похоже, я ошибалась. Когда дело касается Каро, подозрения возникают даже у Лары.

– Я не забыл, – тихо говорит Том. – Если ты помнишь, я был на нее зол. Но вам нет необходимости вновь щелкать ее по носу. Это было давно, и она извинилась.

– Ага, только на следующий день, – упрямо бормочу я, на время забыв о своем первоначальном намерении быть великодушной по отношению к

Каро. – Что касается ее извинений, то им явно не хватало искренности.

Ее так называемое извинение было принято так же, как и принесено, – совершенно холодно и вынужденно.

– Тебе действительно хочется вновь копаться во всей этой истории? – спрашивает Том и в упор смотрит на меня. У меня не получается определить выражение его лица. Но затем его досада испаряется, и он наклоняет голову. Я стою так близко, что мне видны серые крапинки в его глазах. – Да будет тебе, Кейт. Давай не будем ворошить прошлое, – мягко предлагает он.

Я медленно выдыхаю. Он прав. У меня нет ни малейшего желания ворошить воспоминания о том вечере. Но, похоже, те сами крадучись вылезают наружу, без моего согласия. Я извлекаю на свет божий улыбку, чокаюсь с Томом и говорю:

– За настоящее!

– И за Тома, – добавляет Лара. Она тоже чокается с ним и одаривает его улыбкой. – Как здорово, что голос разума снова с нами.

Том качает головой и улыбается ей в ответ, затем обводит взглядом комнату. Толпа гостей заметно поредела. Я смотрю на часы. К моему великому удивлению, уже второй час ночи.

– Пойдемте, – говорит Том, – я развезу вас обеих по домам.

Мы вместе садимся в такси. С точки зрения географии разумнее всего высадить первой меня. Обняв на прощанье их обоих, я выхожу из такси. Машина отъезжает. Я провожаю ее взглядом, а сама мысленно прокручиваю сцену, когда они в чем мать родила принялись разнимать Себа, Каро и меня. Внушительный бюст Лары гипнотически покачивается перед нами, пока Тео не набрасывает ей на плечи полотенце. Он настолько смущен, что его щеки стали пунцовыми, в тон его рыжим волосам. Когда Том выясняет, что произошло, он набрасывается на Каро. Еще ни разу я не видела его таким злым и таким величественным. Удивлена я и тем, что Каро перед лицом его гнева сохраняет столь ледяное спокойствие. Ошарашенная Лара стоит разинув рот. Я же переполнена обидой, яростью и дешевым вином и потому не в состоянии по достоинству оценить эту сцену. В основном – обидой, поскольку Себ считает, что я принимаю все слишком близко к сердцу. Отсутствие поддержки с его стороны сродни удару под дых. У меня в момент отшибает дыхание и дар речи. От неожиданности я теряюсь. И вынуждена посмотреть в глаза правде: между нами все кончено.

Тогда, в разгар ссоры, я почти не замечала Северин; теперь же она полностью завладела моим вниманием. Сидит в сторонке и курит сигарету,

равнодушно наблюдая за нами. Докурив, берет свои сандалии и неторопливо идет к себе домой, оставляя за спиной нас и наш хаос. Обливаясь слезами, я, однако, шатаясь, вхожу в спальню, которую, по идее, должна делить с Себом. Еще полгода – да что там! – еще два месяца назад он увязался бы следом за мной. Но, увы, это уже в прошлом...

Я возвращаюсь в настоящее. Сейчас я тоже лягу спать одна. Себ, по идее, сейчас тоже в постели с женой, хотя и в другом часовом поясе. Кто знает, с кем сейчас спит Каро. Тео... Тео мертв. Северин – тоже, хотя что касается меня, то смерть постоянно отпускает ее ко мне в гости. А Том и Лара вместе в такси.

Глава 3

Утро понедельника. Я уже с головой ушла в «эксельные» таблицы, изучая здоровье – вернее, недостаток такового – моей фирмы, когда мне звонит Гордон Фарроу. Обмен любезностями длится недолго, но, по крайней мере, голос его звучит искренне. Порядочный человек. Даже не зная я того, что Том рассказал мне про мать Каро, если Каро – это среднее арифметическое между Гордоном и его бывшей женой, честное слово, у меня нет ни малейшего желания познакомиться с ней.

– Так какие у вас планы, Кейт? – спрашивает Гордон. Теперь мы с ним обращаемся друг к другу по имени. Он имеет в виду, кого я наметила на открывшиеся вакансии в его фирме. Я ждала именно этот вопрос и готовилась к нему. Вот только я не совсем готова отвечать на него по телефону в понедельник утром, а не во время ланча во вторник. Тем не менее я выдаю довольно гладкий ответ, типа «у меня уже есть кандидатуры», и мы еще несколько минут обмениваемся репликами на эту тему.

Пока я говорю, в кабинет входит Пол и, ослабив узел на шелковом галстуке, погружается в кресло за своим рабочим столом. Отпивая принесенный в картонном стаканчике кофе, он слушает мою половину разговора, и его светлые брови – скорее, бесцветные, так как их почти не видно, – ползут вверх.

– «Хафт и Вейл»? – спрашивает он одними губами.

Я киваю, а затем мое внимание полностью перехватывает следующий вопрос Гордона, заданный с такой нарочитой небрежностью, что тотчас становится явно: собственно, ради него он мне и звонил.

– Вы не упомянули Доминика Бернса.

– Только не Доминик, – машинально выпаливаю я. Наверное, я поторопилась. Для начала мне следовало выяснить, что на уме у Гордона. Вдруг он во что бы то ни стало задался целью взять его к себе в фирму... Но, увы, слово не воробей. Я вижу, как Пол едва не подавился своим кофе.

– А почему нет? – недоверчиво спрашивает Гордон. – С его опытом он – лучшая кандидатура. К тому же я слышал, что ему надоело сидеть на одном месте, что он хотел бы возглавить серьезный участок работы, попробовать себя в роли главы отдела по работе с частными клиентами.

– Вы собрались на пенсию, Гордон? – спрашиваю я. – Не сейчас, а лет через пять?

Глаза Пола лезут на лоб. Он отчаянно делает мне жесты.

– Боюсь, я не совсем хорошо понял вас, – говорит Гордон, помолчав мгновение.

– Доминик Бернс вовсе не желает возглавить серьезный участок работы. Он метит на ваше место. В качестве соуправляющего.

– Но для этого у него недостаточно опыта, – возражает Гордон.

– Пока – да, недостаточно. Но он амбициозен и через пару лет в вашей фирме решит, что достоин большего. В чем, впрочем, нет большой беды, если вам нужен тот, кому вы вручите бразды правления. Если же нет, то он начнет подыскивать другую фирму, где будет именно такая вакансия, о которой он мечтает. У вас он проработает самое большее три года. – Не в силах усидеть за столом, Пол вскакивает со своего кресла. Судя по тому, как отчаянно машет руками, он приказывает мне замолчать. В противном же случае перережет мне горло. Я игнорирую его и продолжаю гнуть свою линию: – Когда же он спрыгнет с корабля, то прихватит с собой всех ваших новых клиентов, а возможно, также и целую армию ваших молодых, но подающих надежды кадров. – Я показываю Полу палец, жест, который допускает всего лишь одну интерпретацию, и разворачиваю мое кресло к нему спиной. Гордон мне нравится. Я не хочу, чтобы он взял на работу не того человека. – Вы же останетесь ни с чем.

На пару секунд в трубке воцаряется молчание. Затем Гордон подает голос:

– Похоже, вы его неплохо знаете.

– Очень даже. Я работала под его началом у Клиффорда Чанса.

– Интересно... В любом случае вы дали мне пищу для размышлений, Кейт.

Я кладу трубку и разворачиваюсь лицом к Полу. Тот уже стоит у моего стола. На лице его написан ужас.

– Что ты делаешь? – со стоном спрашивает он и одной рукой даже хватается за голову. – Первое правило обслуживающей индустрии: дайте клиенту то, что ему нужно. Этот человек хочет нанять Доминика Бернса. И ты обещаешь ему, что он его получит. Тут даже головой думать не надо.

– Рискованная кандидатура, – возражаю я. – И он должен это знать.

– Неправда! Не должен! Он просто обязан взять Доминика, а нам выписать за это нехилый чек!

Не стану спорить – нехилый чек был бы нам весьма кстати...

Заметив мою слабость, Пол продолжает:

– Кейт, для нас это важно. Ты же только что профукала такой шанс! Зачем тебе понадобилось срывать эту сделку? Если Гордону нужен кто-то

конкретный – мы завсегда пожалуйста; вот он, тот, кого вы просили. Это же просто, как дважды два!

– Зато он станет сильнее уважать нас, если мы сообщим ему наше честное мнение! – выпаливаю я в ответ, задетая его словечком «профукала». Хотя он, разумеется, прав. – Наши дела не настолько плохи, чтобы я забыла о том, что такое хорошо делать свою работу.

– Если мы в ближайшее время не заключим большой контракт, дел просто не будет. Никаких. – Пол сокрушенно вздыхает.

– Неправда, все не так плохо. – Я поворачиваю к нему экран компьютера, чтобы он видел, что на нем. Пол присаживается на край моего стола и пробегает глазами по цифрам. – Видишь, мелкие контракты держат нас на плаву. У нас еще есть в запасе время. Мы успеем сделать себе имя. В противном же случае «Хафт и Вейл» больше никогда не обратятся к нам.

– Мелкие контракты пока покрывают счета за свет и за принтер, – возражает Пол, – зато ничего не дают лично нам. К чему я уже привык, по крайней мере теоретически. – Он проводит рукой по волосам. Вид у него усталый, что совсем не идет ему, учитывая его светлую кожу. – Вряд ли у меня выгорит дело с тем парнем из Фрешфилдса.

– А-а-а, понятно...

– Вот именно. – Он вздыхает, слезает с края стола и поворачивается ко мне: – «Хафт и Вейл» наверняка отменят ланч.

– Не отменят. – Не согласиться с ним меня вынуждает лишь упрямая бравада. Никто не звонит, чтобы разведать обстановку, если приглашение на ланч, который состоится завтра, остается в силе.

– Вот увидишь, – устало говорит Пол.

Днем мне звонит секретарша Гордона Фарроу: нет, ланч не отменяется, а лишь переносится на более позднюю дату в связи с «командировкой мистера Фарроу». Пол тактично молчит.

* * *

В понедельник я возвращаюсь домой гораздо раньше обычного: вечером у меня назначена встреча с мистером Моданом. Вернее, месье Аленом Моданом, следователем *OPJ*, что бы ни означали эти буквы. Смысл их понятен: Модан – детектив-француз. В принципе, я могла бы пригласить его к себе в офис, но я не хочу, чтобы Джулия и Пол об этом знали. Испорченный телефон вскоре превратит *оказание помощи полиции в ходе расследования* в эвфемизм для чего-то куда более зловещего. И кому тогда

нужен хедхантер, да еще подбирающий юридический персонал, если он сам не в ладах с законом?

– Спасибо, что согласились побеседовать со мной, – говорит он, располагаясь в моей гостиной.

– Я не знала, что могу отказаться, – улыбаюсь я, чтобы смягчить резкость.

Модан роется в портфеле. В ответ на мои слова он поднимает голову, и его умное лицо вытягивается в чуть ироничной улыбке. В уголках подвижного рта залегли глубокие морщины. Темно-серый костюм свободно болтается на тощем, костлявом теле. Как ни странно, все эти разрозненные части вместе составляют неожиданно симпатичного мужчину. Я не могу представить британского детектива того же телосложения.

– Выбор есть всегда, не так ли? – говорит он с заметным французским акцентом. – Хотя лично я не счел бы его мудрым. – Модан улыбается и вновь роется в своем портфеле. Наконец он вытаскивает блокнот и быстро перелистывает страницы.

– Чай? Кофе? – предлагаю я, когда затянувшееся молчание, на мой взгляд, делается неловким. Если честно, я предпочла бы бокал вина, что, увы, неуместно, когда вы беседуете со следователем.

– Нет, благодарю, – отвечает он, не поднимая глаз. Наконец поворачивается ко мне: – Заранее прошу извинить меня. Вероятно, я доставлю вам некоторые неудобства, но прошу вас ответить на ряд вопросов. Возможно, вы уже отвечали на них десять лет назад, но такова... как это говорится?.. процедура. – Он разводит руки ладонями вверх и пожимает плечами, как будто ищет моего сочувствия: *мол, такова процедура. Разве с этим можно что-то поделать?*

– Да, это было очень давно, – твердо говорю я. – И я сомневаюсь, что могу хоть что-то добавить. Скорее наоборот. Я уже многое забыла и могу только все перепутать.

Он пожимает плечами:

– Это мы выясним. Согласны?

– Разумеется. Можете начинать. – Он теперь здесь, в моей стране, в моей гостиной. Разумеется, он намерен задать мне вопросы. В свою очередь, я буду вынуждена отвечать на них. И все это время Северин будет искать возможность вновь напомнить о себе. Я надеялась, что после первых нескольких дней, как только я оправлюсь от шока, она оставит меня в покое, – но нет. Она решила задержаться гораздо дольше, чем я предполагала.

– *Вон*, хорошо. Итак, вы уехали с фермы в субботу шестнадцатого

числа?

– Да.

– Все шестеро?

– Да, все. – Шестеро человек на каникулах. На самом деле четверо плюс двое, но не те двое, кого я ожидала. Я думала, что это будем мы с Себом плюс кое-какие друзья. На самом деле же оказалось, что это мы с Ларой плюс Себ и его друзья.

– Вы вернулись в Лондон на машине?

– Да, на моей, – киваю я. Мы планировали взять «БМВ» отца Себа, но там возникли какие-то проблемы. Какие точно, я уже не помню. Остальные довольно грубо отзывались о моей старенькой тачке, пока не выяснилось, что это единственное транспортное средство, которым мы располагаем.

– Понятно. На вашей... – он сверяется с блокнотом, – «Воксхолл Нова». – Снова смотрит в блокнот. – Неужели? – Модан с сомнением смотрит на меня. – Все шестеро? Думаю, вам там было слишком... тесно?

– Четверо. Тео и Том вернулись в Англию поездом. Я высадила их утром на станции, затем вернулась за остальными.

– Ах, Тео. – Модан произносит его имя по-французски, с ударением на втором слогe. – Афганистан, да? Весьма печально. – Его длинное лицо выражает сочувствие, но насколько искренне, трудно сказать. Предполагаю, что он мастер своего дела.

– Да, весьма.

Печально, бессмысленно и еще масса самых разных ощущений, которые я не могу выразить словами. Но даже если б и могла, это ничего не изменило бы. Тео мертв.

– Он был патриот?

– Извините, не поняла?

– Он очень любил свою страну? Всегда хотел стать солдатом? Сражаться за нее?

Я тру рукой лоб.

– Не думаю. Все мы удивились, когда он пошел служить в армию.

Тео не был похож на солдата. Слишком нервный, слишком застенчивый. Лично мне армия казалась этакой взрослой версией интерната для мальчиков. Тео, как известно, ненавидел школу-интернат, в которой учился. Я резко качаю головой:

– Извините, но какое это имеет отношение к...

Модан показывает мне ладонь. У него на все случаи жизни имеется элегантный жест.

– Простите... Да-да, давайте вернемся к делу. Во сколько именно вы

уехали с фермы?

Я пытаюсь вспомнить. Я высадила Тео и Тома на станции где-то около девяти. Остальные планировали выехать вместе со мной в половине десятого, но Каро не была готова. Еще одна причина злиться на Каро... Впрочем, после откровений предыдущей ночи мне уже никакая причина не требовалась.

– Э-э-э... где-то в девять тридцать.

Модан кивает и делает отметку в блокноте.

– Машину вели вы?

– Да. Только у меня имелась страховка.

– И вы вели ее всю дорогу? Или кто-то вас сменял? – Его удивление понятно.

Я отлично помню эту дорогу, хотя мне совсем не хочется ее вспоминать. Кондиционера в машине не имелось. Мне было жарко, я устала, была жутко зла и обижена и не хотела ни с кем разговаривать. Каро сидела на заднем сиденье, бледная и притихшая, что было совсем не в ее духе. Я решила, что это дают о себе знать наркотики, которыми она накачалась накануне. Так тебе и надо, со злостью подумала я тогда. Лара, золотистая от загара, после нескольких дней ее любовных кувырканий с Томом напоминала мне довольную кошку. Она почти всю дорогу спала. Себ... Что касается Себа, то я не хочу даже думать о нем и сглатываю комок.

– Как я уже сказала, страховка была только у меня.

Модан кривит рот и делает очередную пометку.

– *Воп...* итак, «Воксхолл Нова». Скажите, там, на ферме, были другие автомобили?

– Нет. Мы пользовались лишь моей машиной. – У меня звонит мобильник. Лара. – Извините, – говорю я и спешу отключить телефон. Я перезвоню ей позже. Главное – поскорее закончить этот разговор.

– Вы уверены? А в гараже? Тоже ничего?

– Там был старый «Ягуар», принадлежавший отцу Тео, но мы к нему даже не прикасались. Никто не имел права садиться за его руль. – Ферма принадлежала родителям Тео, но после того, как он умер, они ее продали.

Модан кивает. Очевидно, ему известно про «Ягуар».

– Скажите, в то утро вашего отъезда вы видели мисс Дюпá?

– Нет. – Мои мышцы напрягаются, как будто в ожидании удара.

– А накануне?

– Да, – односложно отвечаю я.

– Это было... привычным? – Выбор слов довольно странный, но,

возможно, он просто переводит с французского. – Она часто проводила с вами время в течение всей недели?

Я снова киваю. Полицейский сверлит меня своими темными глазами и молча ждет, когда я что-то скажу. Я вздыхаю: односложными ответами мне явно не обойтись.

– Родители Тео и ее родители были в дружеских отношениях. Обе семьи в течение многих лет проводили вместе большую часть лета. В доме родителей Северин не было бассейна, но родители Тео разрешали пользоваться своим в любое время.

Ага, а вот и Северин ворвалась сюда вместе с потоком слов. В черном бикини, она сидит спиной ко мне на ступеньках бассейна. Ноги по колено в воде. Узкая спина – идеально прямая. Себ, Лара, Каро и я только что приехали, и Тео, который приехал раньше, показывает нам ферму. Внезапно мы застываем на месте. Перед нами бассейн, а у его кромки – девушка.

– Северин! – кричит Тео и бросается к ней. – Не ожидал тебя увидеть!

Она оборачивается, смотрит на нас, затем вылезает из бассейна и, подойдя к нему, трижды целует в щеки, ничуть не смущаясь своего более чем символического наряда. Я не могу оторвать от нее глаз. У нее прекрасные узкие бедра, живот плоский, но мягкий, как у ребенка. Плечи и руки блестят от крема. «Тео, – серьезно говорит она, хотя и с сильным французским акцентом, – я тоже не ожидала увидеть тебя. – Смотрит на нас, словно взвешивая и оценивая. – Я – Северин. Соседка...»

– Вы видели ее каждый день? – спрашивает Ален Модан. Я благодарна ему за вопрос. Он помогает Северин раствориться в воздухе.

– Да. Она приходила к бассейну и часто с нами обедала.

Модан кивает.

– И как она вам? – Его вопрос не совсем мне понятен. Он несколько раз раздраженно щелкает пальцами, пытаюсь подобрать нужное слово. – Ее эмоции, темперамент. Какой она была?

– Она была... – Я умолкаю. Теперь уже я подбираю нужное слово. – Она была... очень сдержанной. Даже если ей что-то и не нравилось, мне это было неизвестно.

– Она была ближе с кем-то из вас, чем с другими? Возможно, она проводила больше времени с Тео, потому что они уже были хорошо знакомы?

– Нет, не с Тео. – Модан резко отрывает глаза от своего блокнота и вопросительно выгибает брови. – То есть особенно ни с кем, – быстро добавляю я.

Его брови так и не вернулись на место, и он продолжает смотреть на

меня. Я изо всех сил пытаюсь выдержать его взгляд и не думать о Себе.

Спустя пару секунд француз пожимает плечами и снова смотрит в свой блокнот.

– Она говорила о своих планах после того, как уедет из Дордони?

– Только не со мной. Хотя, по словам Каро, она якобы сказала Тео, что возвращается в Париж.

Модан на миг наклонил голову и задумался.

– Каролин Хорридж? Это она так сказала?

Я киваю:

– На днях.

Он снова что-то помечает в своем блокноте. Его почерк напоминает крошечных паучков, расплзшихся по всей странице.

– Итак. Колодец. Там... как это по-английски? – шли работы?

– Да, строительные работы. – Уфф, наконец-то он спросил о чем-то менее личном. – Родители Тео хотели сдавать ферму в аренду, и им нужно было кое-что доделать в соответствии с требованиями безопасности.

Модан кивает.

– *Oui*^[1]. Огородить бассейн. Засыпать колодец песком.

– Возможно, – говорю я и пожимаю плечами: – Строители действительно огораживали бассейн... – Внезапно до меня доходит смысл его слов. Колодец. Она... о господи, она могла уже лежать в колодце до того, как туда насыпали песок. Перед моими глазами возникает череп, только уже не белый и блестящий. Глазницы полны песка, он сыплется из оскаленного рта. Я ловлю себя на том, что моя ладонь прижата к губам, и я торопливо опускаю ее на колени. – Так вот почему ее не нашли? Я хочу сказать, тогда?

– Мы не нашли ее, потому что искали не в том месте, – просто отвечает Модан и снова буравит меня глазами, я же толком не могу понять их выражение.

– Вы думаете, это сделал ее бойфренд? В смысле, бывший бойфренд?

– Мы рассматриваем разные версии.

– Да, но к нему нужно присмотреться внимательнее, – нетерпеливо говорю я. Внезапно чувствую, что эта односторонняя беседа сидит у меня в печенках. Хотя, с другой стороны, какой еще ей быть? – Ведь за ним уже что-то водилось, не так ли? Северин говорила, что как-то раз даже была вынуждена вызвать полицию.

– Об этом ничего не известно. – Модан смотрит на меня так, будто ждет продолжения моих слов.

Я в растерянности.

– Ничего не известно?

Значит, Северин лгала. Но зачем ей было это делать? Внезапно я знаю ответ. Чтобы придать себе загадочности, соблазнительности. Стать той, из-за кого мужчины в буквальном смысле теряют голову.

– Ничего, – спокойно отвечает Ален Модан. – И ее бывший бойфренд, он делал научный проект, трудился над диссертацией. В июне он каждый день работал в лаборатории, даже по выходным, наблюдал за своими культурами или чем-то... – Полицейский выразительно машет рукой. – Итак... – Он все еще ждет, что я ему еще что-то скажу. Я же тупо качаю головой. Модан пытается еще раз: – Итак, если колодец был засыпан песком лишь в июле...

Звонит дверной звонок, не давая ему договорить. Он вопросительно смотрит на меня. Я пожимаю плечами и встаю с дивана, чтобы открыть дверь. Я едва могу выпрямиться. Я слишком долго сидела не шелохнувшись.

Еще не открыв дверь, я знаю, что это Лара. Мне слышно, как она роется в сумочке, пытаюсь найти запасную пару ключей.

– Лара, у меня детектив, – быстро сообщаю я, едва приоткрыв дверь, чтобы она не успела шумно поздороваться.

Она испуганно смотрит мимо меня, как будто ей сквозь стену коридора видна гостиная.

– Думала, это завтра, – шепчет она.

– Нет, сегодня. Можешь войти и поздороваться.

– Но я не... я не... – Я недоуменно смотрю на нее. Она набирает полную грудь воздуха и разглаживает подол платья. – Ну хорошо. – Лара входит, бросает быстрый взгляд на себя в зеркало в коридоре и следом за мной идет в гостиную.

Ален Модан встал с дивана и теперь смотрит в окно. Когда мы входим в комнату, он тотчас оборачивается. Лицо его как будто становится каменным. Я не успеваю произнести и пары слов, чтобы вежливо представить их друг другу, как Лара произносит из-за моей спины:

– Это вы.

Я смотрю на нее. Мне не понятны ни сами слова, ни ее тон. Ее щеки вспыхивают румянцем. Она поворачивается к двери, как будто готовясь к бегству. Французский детектив скорее напоминает каменную статую. Я даже не уверена, дышит ли он. Затем, с видимым усилием, оживает и, прежде чем подойти к ней и поздороваться за руку, поправляет рукава костюма.

– Да, Ален Модан.

– Лара Петерсон, – тихо говорит она. – Но вы это уже и так знаете.

Смотрю то на него, то на нее. *Ты думаешь, будет тот же?* Она имела в виду вовсе не главного следователя.

– Как я понимаю, с моей стороны крайне невежливо не узнать вас с предыдущего расследования, – сухо говорю я, обращаясь к Модану.

Он с улыбкой поворачивается ко мне и вскидывает руку, как будто говоря «это не важно».

– Это было давно. Тогда я только начинал работать в полиции. Один из многих. – Он снова смотрит на Лару, затем отворачивается. Передо мной вновь сухарь-следователь. – Мисс Ченнинг, у вас гостя. Если у меня возникнут вопросы, мы можем продолжить в любое другое время.

– Да-да, хорошо. – Знай я, что гости спугнут его, то заранее договорилась бы, чтобы они пришли пораньше, кисло думаю я. Хотя вряд ли. Чем скорее покончить с этим делом, тем лучше.

Модан поворачивается к Ларе:

– *À demain*, мисс Петерсон. До завтра.

– *Oui, à demain*, – отвечает она и что-то добавляет, но так быстро, что я не успеваю разобрать. И как только у меня вылетело из головы, что она неплохо говорит по-французски! Ведь она из этих несносных скандинавов, которые знают по десятку языков.

Я закрываю дверь за месье Аленом Моданом и иду вслед за Ларой в кухню. Она уже достает из моего холодильника бутылку белого вина, упорно избегая смотреть при этом мне в глаза.

– Что это было?

Лара наливает два стакана. Два очень больших стакана. Причем уделяет этому занятию гораздо больше внимания, чем оно заслуживает.

– Ничего. Ты на что намекаешь?

– Только не надо. Вы с ним...

– Нет! – Она испуганно поднимает глаза. – Боже упаси!

Я в упор смотрю на нее. Лара первая отводит глаза и делает глоток вина. Я не спускаю с нее глаз, протягиваю руку и беру свой стакан. Она снова спешит отвернуться от меня.

– Лара! – с нажимом говорю я.

– Ну хорошо. – Как я и ожидала, она идет на попятную и наконец поднимает глаза. – Собственно, ничего такого не было. Он... – Лара делает глоток и выпаливает на одном дыхании: – Он не захотел. Сказал, что это нехорошо. Неправильно. Учитывая обстоятельства. – Она краснеет, причем сильно. Такой я ее еще ни разу не видела.

– О господи, – задумчиво говорю я, чувствуя, как по моему лицу

медленно расплзается улыбка. – Он – то самое загадочное существо. Которое устояло перед Ларой Петерсон.

– Он не... дело не в... Ладно, проехали, – говорит она и морщит свой хорошенький носик. Затем делает невообразимо долгий глоток и печально смотрит на меня. – Оно ведь и сейчас нехорошо. По крайней мере, пока он не закончил расследование. А потом он вернется во Францию.

– Даже не верится, что ты никогда мне об этом не рассказывала. – Я не то чтобы обижена на нее. Просто мне удивительно, как я могла такое пропустить.

Лара виновато опускает голову:

– Как я уже сказала, между нами ничего не было. Вы с Себом только что расстались, и ты помнишь, в каком состоянии находилась. Вот я и не стала выливать на тебя свое собственное дерьмо.

В кои веки упоминание имени Себа проскальзывает мимо меня. Я выбита из колеи ее признанием. Что еще я пропустила, пока зализывала нанесенные Себом раны? Лара делает еще один большой глоток вина. Я задумчиво наблюдаю за ней. Похоже, отказ француза задел ее не только тогда. Задевает и сейчас. Такой Лары я еще не видела.

Бедный Том, внезапно думаю я.

Глава 4

Мне снится Северин, но не только она.

Она не имеет права присутствовать в моих снах, но разве это ее остановит? Я снова на той ферме и пытаюсь что-то найти. Или кого-то? Но что? Кого?.. Я заглядываю в комнаты. Некоторые из них пусты, некоторые – нет. Какие-то из их обитателей даже не являются частью тех злосчастных каникул, но я почему-то не удивлена их присутствию. Я продолжаю поиски. Каро одна в кухне. На ней белый верх от бикини и красный шифоновый саронг. Когда я прохожу мимо, она поднимает глаза и смеется надо мной. До меня доходит, что я в джинсах и толстом зимнем джемпере, но я знаю, что другой одежды у меня нет. Северин курит в саду. Она что-то с серьезным видом говорит мне, но я ее не слушаю – наоборот, со всех ног бегу к сараю. В джемпере жутко жарко. Я открываю дверь сарая и вижу там Себа. У меня тотчас перехватывает дыхание. На нем длинные пляжные шорты, низко спущенные на бедра. Его волосы светлее, чем у Тома. Они почти золотистые на концах и завиваются сильнее. Его мускулистая голая грудь покрыта загаром, и от нее к животу пролегла дорожка упругих черных волосков. Себ – взрослый мужчина, в то время как его сверстники еще совсем мальчишки. Он, совсем как Каро, окидывает меня с ног до головы своими голубыми глазами, которые вполне могли бы принадлежать Тому, затем усмехается. Это вовсе не добрый смех...

Когда я просыпаюсь, сон никуда не уходит. Он давит мне на виски, примешиваясь к головной боли, которую уже оставили стаканы вина, выпитые за компанию с Ларой. Встать с постели – вернее, всё, что несет с собой сегодняшний день, – требует невероятных усилий. Затем я представляю, как Пол и Джулия ломают в офисе головы, думая, куда я пропала, и это моментально дает мне необходимый толчок. К тому времени, когда Том звонит мне на мобильный, головная боль уже притупилась, а вот усилия остались те же.

– Ну как? – спрашивает он. Я слышу на заднем плане голоса. Резкие, отрывистые слова. Причем все голоса мужские. Понятно, он сейчас у себя в банке, в зале, где проводятся торги. Том торгует деривативами^[2]. Сама я нахожусь на Оксфорд-стрит, по пути к потенциальному клиенту. Предполагаю, что шум у него в трубке не меньший.

– Что именно? Только не говори мне, что, разговаривая со мной, ты одновременно не жонглируешь биржевыми ставками.

Он смеется:

– Нет. Я поручил, чтобы это сделали за меня. А поскольку наш разговор записывается, говорю «это была шутка». Ладно, я хотел спросить, как прошел разговор с французским детективом?

– Вообще-то ужасно. – Я оглядываюсь по сторонам, затем снова смотрю на карту в моей руке. Нью-Бонд-стрит – улица большая. Она не могла просто так взять и исчезнуть.

– Это почему? – осторожно спрашивает Том.

– Как бы тебе сказать... Просто мне не хочется думать, что произошло с ней на самом деле. – Мне вообще не хочется про нее думать. Я снова оглядываюсь по сторонам. Как назло, вокруг никаких указателей с названиями улиц. – Господи, где же это? – бормочу я. Заметив что-то отдаленно похожее на указатель, шагаю в его сторону.

– Заблудилась? – спрашивает Том. – И где твое легендарное чувство направления?

– Лара вчера вечером утопила его в вине. Между прочим, сегодня ее очередь беседовать с детективом.

– Знаю. Я разговаривал с ней сегодня утром, – как бы невзначай роняет он. Я останавливаюсь. Лара наверняка дала ему свой номер телефона. – А завтра моя очередь... Послушай, мне нужно закругляться. Тут вроде как наметилось одно соблазнительное дельце. Но я подумал, не хочешь ли ты приехать в воскресенье в Гемпшир на ланч? Мои родители были бы рады тебя видеть.

– Я не против. В воскресенье у меня никаких дел. Звучит заманчиво. – Кстати, так оно и есть. За эти годы я встречалась с его родителями раз пять-шесть, но ни разу не была у них дома. Его отец – весьма эксцентричный джентльмен, а мать – очень милая женщина. – Лара там тоже будет? Или... ой, я забыла, на эти выходные она едет в Швецию.

– Да, я в курсе. – Ага, ему уже известны ее планы на выходные дни. – Я заеду за тобой на машине. Предварительно позвоню в субботу, чтобы уточнить время. – Мне слышно, как кто-то окликает его по имени. – Иду! – кричит Том в ответ, затем говорит мне: – В общем, до субботы.

– До субботы. – Я кладу телефон в карман и снова оглядываюсь по сторонам. Нью-Бонд-стрит там, где и всегда была. У меня же голова по-прежнему раскалывается от боли.

* * *

Воскресенье. Том заезжает за мной в 10.30 на каком-то ретро-автомобиле, белом и приземистом. Видно, что его распирает от гордости. Я равнодушна к машинам, а вот Себ явно ему позавидовал бы. Однако я тотчас ставлю заслон этим мыслям.

– Мне полагается пребывать в благоговейном трепете? – игриво спрашиваю я.

– Продавец обещал мне, что от одного лишь ее вида женщины будут выскакивать из трусов, – невозмутимо отвечает он.

– Я бы рада, но сегодня холодно. Вдруг мне юбку ветер задерет? – Я обхожу машину кругом. Не надо быть знатоком, чтобы с первого взгляда понять, какая это крутая тачка. – Сколько ей лет?

– Она постарше нас обоих. Это «Тойота 2000GT»... по большей части. Правда, некоторые узлы пришлось заменить, что существенно снизило ее ценность. – На несколько секунд из-за туч выглядывает солнце, его лучи отскакивают от безупречно белой поверхности машины. – Я взял ее сегодня утром. – Разговаривая, Том постоянно улыбается. Затем протягивает руку, открывает пассажирскую дверь и, как бы намекая, двигает бровями: – Могу я предложить вам автомобильную прогулку, мисс Ченнинг?

Я смеюсь и устраиваюсь на пассажирском сиденье.

– Я думала, не дождусь приглашения.

Сиденье неудобное, подогрев работает с перерывами, но из-за туч показывается солнце и не торопится обратно. Солнце, машина, веселое настроение Тома – от всего этого в первые полчаса, пока мы едем по Лондону, у меня кружится голова. Наконец город остается позади, и машина катит дальше по все более и более зеленой сельской местности. Наша болтовня сменяется уютным молчанием.

– Может, поставить музыку? – спрашивает Том, оборачиваясь ко мне; уголки его губ слегка ползут вверх. Я знаю: сейчас что-то последует. – Потому что в таком случае можешь заранее начинать петь. Радио не работает.

– Надеюсь, ты потом поставишь новое?

Он пожимает плечами:

– Не знаю. Это снизит стоимость машины. Но я купил ее не ради вложения денег. Иначе бы не ездил на ней, – сообщает он и слегка прищуривается: – Я всегда мечтал иметь именно такую.

– Думаю, психолог нашел бы, что сказать по этому поводу. Учитывая время покупки и все такое прочее.

– И, наверное, он не ошибся бы, – признается Том с глуповатой улыбкой. – Вообще-то я сейчас сижу за рулем депозита, который скопил

для нашего с Дженной дома.

Я невольно смеюсь. Том не спешит составить мне компанию, однако улыбается.

– По-моему, оно даже к лучшему, что ты вернулся в Лондон, – говорю я. – В свою старую квартиру, за свой старый стол на работе... правда, на несколько ступенек выше по служебной лестнице. Скажи, тебе не хотелось остаться в Бостоне?

Он качает головой:

– Бостон великолепен. Но он... так и остался для меня чужим. Возможно, я сам виноват. В мои планы не входило осесть там навсегда. Как только мы с Дженной разошлись, не осталось ничего, что бы меня там удерживало. – Солнце льется прямо в ветровое стекло. Том находит солнечные очки и одной рукой с завидной ловкостью надевает их. – А как твои дела? Что заставило тебя открыть собственную фирму? Тем более когда экономическая ситуация не слишком этому благоприятствует. Я не припомню, чтобы ты упоминала о таком желании, когда приезжала в Бостон.

Я закрываю глаза и, подставив лицо солнцу, упираюсь затылком в подголовник сиденья.

– Ты ведь меня знаешь, – игриво отвечаю. – Такие, как я, никому не нужны.

– Чушь. У тебя оксфордский диплом и лучшее резюме, какое я только читал.

– Небольшое преувеличение. Но в любом случае я не сказала, что меня не берут на работу. Берут. Вот только сама я для нее не подхожу. – Мои глаза по-прежнему закрыты.

– Кажется, я понял, – говорит Том. – Ты хочешь сказать, что больше подходишь в начальники.

– Именно. – Я открываю глаза и, все так же опираясь затылком о подголовник, поворачиваю голову и смотрю на него. Сквозь очки мне не видны его глаза, но я знаю, какие они. У Себа почти такие же, только без крапинок. – Мне надоело, что предпочтение отдается куда более слабым адвокатам лишь потому, что у них нужный акцент и они ходили в нужную школу. – Я слегка морщусь. – Наверное, время от времени я высказывала эти мысли вслух.

– Как узнать уравновешенного северянина? – спрашивает Том и, прежде чем я успеваю ответить, заканчивает за меня: – Он всегда принимает задиристый вид.

Том дразнит меня, но я знаю, что он меня понимает – по крайней мере,

частично. Полученное им воспитание приучило его заглядывать внутрь – например, на Себа, чей отец какой-то там аристократ, маркиз или барон, или граф, точно не помню, – у которого есть поместье и обширные угодья, прилегающие к титулу. Том вырос в сельском доме, расположенном в границах этих владений. Дом этот был подарком графа своей младшей сестре – матери Тома, – когда та вышла замуж за ученого без гроша в кармане.

– В любом случае как-то раз один из партнеров сказал мне, что я лучший кандидат в партнеры, каких он только встречал, но если только я не научусь держать язык за зубами и время от времени делать вид, что не замечаю дерьма, то мне никогда не попасть в список возможных кандидатов. Меня обойдут другие.

– И что ты на это ответила? – спрашивает Том.

– Тогда – почти ничего. Я была слишком зла, чтобы вообще хоть что-то сказать. Но потом я подумала и решила, что он прав. В любом случае партнером мне никогда не стать. Это все равно что сыпать всем вокруг соль на раны.

– А тебе не приходило в голову измениться?

– Я могла бы... но только не для той фирмы. Там все было слишком традиционно, слишком консервативно. Я постоянно думала о том, как важно, чтобы тот, кого вы берете на работу, вписывался в ваши рамки. Им с самого начала не нужно было брать меня к себе. Мне кажется, они просто пытались выполнить какие-то требования по составу кадров: женщина, окончила государственную школу...

Том молчит. Я закрываю глаза и поворачиваю лицо к солнцу. Урчание мотора погружает меня в сон. Время растягивается. Я понятия не имею, как долго мы с ним едем.

– Ты так толком и не рассказала мне про свою встречу с детективом, – говорит Том.

Я неохотно открываю глаза. Не хочу, чтобы Северин испортила мне сегодняшний день. Ей не место в этом солнечном свете.

– Рассказывать особенно нечего. Он лишь хотел уточнить, во сколько именно мы оттуда уехали.

– И больше ничего? – спрашивает он довольно равнодушно.

– Нет, – неуверенно отвечаю я, вспоминая наш разговор. Пожалуй, не стоит говорить ему о том, что Лара равнодушна к детективу. Хотя... если Том будет этим задет, может, все-таки стоит?

– Что такое? – спрашивает он, заметив, что я колеблюсь.

– Ничего, – я пытаюсь подыскать отмазку. – Просто... просто он

сказал, что, по его мнению, ее бойфренд к этому никак не причастен.

Том кивает:

– Да. Отец Тео сказал мне, что он совершенно ни при чем.

– Модан не был столь категоричен. По-моему, все зависит от того, когда колодец был засыпан песком, – на-хмутив брови, говорю я. – Но ведь им наверняка известно, когда это было сделано.

Том качает головой.

– На этот счет существуют различные мнения, – осторожно возражает он. Его взгляд устремлен на дорогу; глаза скрыты солнечными очками, и мне не видно выражение его лица.

– Это как? Неужели нельзя было спросить у строителей? – У меня в голове возникает картинка с двумя рабочими: обоим за тридцать, судя по виду, родные братья. Оба смуглые, темноволосые, с кустистыми бровями. Помню, как они постоянно косились на нас. Помню недовольство в их глазах и чувство неловкости, какое вселяли в меня их взгляды. Впрочем, я легко представляю себе то, что видели они: богатенькие бездельники, задирающие нос по поводу своей исключительности. «Я не такая!» – так и подмывало меня крикнуть им. Но, увы, я была такая, пусть всего неделю.

– Их пока не нашли. Но, по имеющимся у полиции данным, колодец засыпали песком в пятницу, – говорит Том и смотрит на меня. Странно, но у меня возникает то же чувство, что и во время беседы с детективом: он сверлит меня глазами и как будто чего-то ждет. Я тупо качаю головой. – В пятницу, Кейт, – повторяет он. – Накануне нашего отъезда.

– Но ведь это... невозможно! – Мою сонливость как рукой сняло. – Северин была с нами в пятницу вечером.

– Да я знаю, – пожимает плечами Том.

Я выпрямляюсь на сиденье и поворачиваюсь, чтобы взглянуть на его профиль. Он по-прежнему следит за дорогой.

– Но ведь осталась запись камер наблюдения, сделанная на автовокзале в субботу утром. На ней есть Северин, – с жаром доказываю я. – И водитель автобуса тоже помнит, как она садилась на остановке рядом с фермой. То есть очевидно, что тогда ее никто не запихивал в колодец. – Перед моими глазами возникает череп с грязью, песком, насекомыми. Я энергично встряхиваю головой, отгоняя от себя эту картину. Она отказывается исчезать.

– Я знаю, знаю... – Том убирает с руля руку и поднимает ее ладонью вверх. – Я лишь хочу сказать, что имеются нестыковки. В общем, мутная история, что, как ты понимаешь, не обещает нам ничего хорошего. Скорее наоборот, пока правда наконец не всплывет.

Я по-прежнему смотрю на него. Том чувствует на себе мой взгляд и поворачивает голову.

– Кейт, – мягко говорит он. – Все будет хорошо. Я лишь хотел, чтобы ты представляла себе ситуацию. Но обещаю тебе, все будет хорошо.

Он улыбается. По идее, эта улыбка призвана успокоить меня. Но, увы, мне не видны его глаза, скрытые очками.

* * *

Ланч – сплошное удовольствие. Вернее, он должен быть сплошным удовольствием, но я не могу подавить в себе тревогу. Она прячется под каждой беседой, наполняет собой все паузы. Родители Тома этого не замечают. Главное – сын снова дома, пусть всего на пару часов. Его мать светится счастьем. Отец пытается скрыть свою радость за грубоватым приветствием. Но взгляд Тома то и дело останавливается на мне. Я не могу понять, что означает этот взгляд, и от этого моя тревога только усиливается. Отец Тома щедро подливает нам вина. К тому моменту, когда подают десерт, я украдкой стараюсь пить только воду.

– Как поживает ваша мать, Кейт? – участливо спрашивает мать Тома. – Вы часто ездите на север проведать ее?

– Хорошо, спасибо, – отвечаю я. Сочувственно наклонив голову, мать Тома выслушивает меня. Том очень похож на нее. Это делает меня более откровенной, чем обычно. – Думаю, она счастлива. В прошлом году снова вышла замуж... Боюсь, теперь я навещаю ее не так часто, как раньше.

– Вы не ладите с ее новым мужем?

Я качаю головой:

– Я бы не сказала. – Я слышу собственные слова и пытаюсь поправиться: – Вообще-то он очень милый. Да и отец умер уже давно. – Уже почти десять лет назад. Это известие дошло до меня всего через несколько недель после того, как мы с Себом расстались. – Я рада, что она больше не одна. Но... мне кажется, это все равно уже что-то другое...

Том и его мать смотрят на меня. Я опускаю голову и делаю глоток вина.

После ланча родители Тома даже слышать не хотят, чтобы мы помогли им убрать со стола. Вместо этого они выставляют нас на прогулку по поместью, немного проветриться. Мы взбираемся на невысокий холм. Внезапно перед нами открывается чудесный вид на лужайку и главный особняк. Дом Себа. Вернее, дом его отца.

– Ты бы подумал? – говорю я, глядя на внушительное здание с белыми стенами. Если не ошибаюсь, еще эпохи Регентства. Тут и колонны, и флигели. Окон столько, что я сбиваюсь со счета и начинаю считать заново. – Ты бы подумал, что я побываю здесь? – Я смотрю на Тома, но тот отводит глаза в сторону. – Разве тебе так не кажется? – не унимаюсь я. – Разве б ты не думал, что после того, как ты встречаешься с кем-то целый год, что мог бы поехать и посмотреть, как живет этот человек, когда приезжает домой на каникулы? – Том молчит. Я наседаю на него: – Разве бы ты так не подумал?

– Вряд ли он это *нарочно*, – уклончиво говорит он. – Не думаю, что он намеренно не приглашал тебя.

– Может быть. – Я нахожу крупный камень и сажусь. Похоже, я слегка перепила. Вспоминаю Каро, тогда, во Франции. *Ты ведь наверняка встречалась с лордом Харкорттом. Он просто душка!* Она по-птичьки буравит меня глазами, готовая наброситься на любые вкусные крошки. Я честно во всем признаюсь. *Как? Неужели?* – А может быть, и нет.

Том проводит рукой по волосам и вздыхает:

– Послушай, отношения Себа с отцом – вещь сложная. Я уверен, тебя не приглашали вовсе не из-за того, кто ты такая.

– Может быть, – повторяю я. Наклоняюсь, беру пригоршню земли и наблюдаю, как та сыплется между пальцами. – Может быть.

– Прошло десять лет, Кейт, – говорит Том. Резкие нотки в его голосе вынуждают меня поднять голову и посмотреть на него. – Ты когда-нибудь перестанешь травить себе душу?

Я отворачиваюсь. У меня нет слов. Обычно мы с Томом этого не делаем. Мы избегаем «приводить к себе этого слона». Мы можем быть друзьями – при условии, что обходим острые углы. Должно быть, я действительно перепила, раз нарушила это правило. Вряд ли у него имеется тот же предлог, потому что ему еще вести машину.

Внезапно Том опускается передо мной на корточки.

– Кейт, извини. – Он протягивает руку и поворачивает к себе мое лицо. Его глаза печальны, губы кривятся в горькой усмешке раскаяния. – Только, пожалуйста, не плачь. Я не хотел... это всего лишь... прости меня.

Я судорожно всхлипываю, затем смотрю ему в глаза и пытаюсь улыбнуться:

– А ты – меня. Наверное, мне следует быть сдержаннее.

– Да ладно. – Он встает и бережно помогает встать мне. – Давай я отвезу тебя домой.

Моим щекам холодно там, где только что была его рука. Он берет меня

под руку, и мы молча идем назад к его дому.

В машине по дороге домой я засыпаю, не в силах сопротивляться урчанию мотора и алкоголю в крови. Мне снится, что кто-то нежно гладит меня по щеке. Я медленно просыпаюсь. Том ласково смотрит на меня и улыбается. Солнечный день рассыпал по его лицу веснушки.

– Просыпайся, спящая красавица! – говорит он.

В первые мгновения я не могу понять, где я. Мир вокруг меня все еще находится в подвешенном состоянии. На какой-то миг Том – просто Том, а я – просто Кейт, без прошлого и без будущего. Вне всякого контекста.

А затем все вновь становится на свои места.

Глава 5

В понедельник утром мне звонит секретарша Гордона Фарроу, чтобы реанимировать наш опочивший в бозе ланч. Он состоится через два дня. Я бы порисовалась перед Полом, но я уже утратила всякую веру. В любом случае, судя по его виду, еще одной порции разбившихся надежд ему просто не выдержать. Небольшой контракт, на который он так рассчитывал – на который мы оба рассчитывали, – провалился. Пораженческие настроения окутывают его словно холодный, липкий туман. Рядом с ним меня начинает знобить. Я не слишком хорошо его знаю и потому не могу сказать, сколько это продлится. Впрочем, если так дело пойдет и дальше, наверное, так и не узнаю.

Я вновь и вновь возвращаюсь к финансовой «простыне», крошечные клеточки которой содержат мое будущее. Цифры в ней давно не менялись.

Даже ланч с Ларой не способен поднять мне настроение. Мы встречаемся в кафе на полпути между нашими офисами. Как ни странно, она меня уже кое в чем обошла. Перед ней стакан вина со следами губной помады. Мы целуем друг друга в щеку, и я кивком указываю на стакан.

– Отдыхаешь после выходных? – Лара не способна функционировать профессионально даже после капли алкоголя. У нее есть несколько правил, и одно из них – никакого вина за обедом.

Она качает головой:

– Я буду там телом, но не разумом. – Делает глоток вина, ставит стакан, затем берет его снова. – В любом случае мы что-то заказываем? – Снова ставит стакан на стол.

– Конечно. – Мы подзываем официантку и делаем наш привычный заказ. Затем я откидываюсь на спинку стула и смотрю на Лару: – У тебя всё в порядке?

– Конечно, а как иначе, – улыбается она, но улыбка в ее глазах отсутствует, а сама она отводит глаза в сторону.

– Как там Швеция?

– Все так же. У матери новый муж.

– И как он?

– Типичный... швед, – кисло отвечает Лара. – Бородатый. Доброжелательный. Серьезный. Но в целом милый. – Наконец я вижу ее глаза. Они бегают туда-сюда, как будто им больно смотреть в одну точку. – В любом случае как прошел твой уик-энд? Вы весело провели его с Томом?

– Да, все было замечательно, – по привычке отвечаю я и тотчас задаюсь вопросом, а правда ли это. Да, на поверхности все и впрямь хорошо, но у меня такое чувство, будто в глубине затаилось что-то не слишком хорошее. Или же это меня преследует паранойя по поводу того, что Пол готов покинуть наш корабль? Я мысленно встряхиваюсь и снова смотрю Ларе в глаза: – Ну-ка, признавайся честно. Ты весь уик-энд просидела на наркотиках или что-то в этом роде?

– Ну, ты сказанула! – возмущенно восклицает Лара.

– Тогда что с тобой?

– Ничего. Просто я этим утром перепила энергетиков, – признается она, подпирая висок ладонью. – Ты даже не представляешь, какое у меня сердцебиение. – Она взмахом показывает на стакан вина. – Алкоголь ведь депрессант, если не ошибаюсь. Я подумала, что он ослабит действие кофеина.

– Дорогая моя, он лишь его усилит. – Все это было бы смешно, но по Ларе видно, что ей не до смеха. У нее какой-то совершенно лихорадочный взгляд. – Отодвинь свой стакан. Если хочешь, можешь выпить моей воды. Кстати, с чего это ты вдруг перебрала кофеина?

Лара делает долгий глоток из моего стакана и пожимает плечами:

– Мой рейс задержали, и в результате я слишком поздно легла спать, а потом еще долго не могла уснуть. – Она умолкает. Я жду, что за этим последует. В любом случае видно, что она не спешит откровенничать. Кто знает, что чувствует ее вторая половинка. – В аэропорту я наткнулась на Алена. – Она быстро смотрит на меня, затем отводит взгляд.

Алена. Не месье Модана, не французского детектива.

– Какое, однако, совпадение, – замечаю я. – Ты говорила ему, каким рейсом прилетаешь?

– Нет, это была случайная встреча. Он прилетел из дома, проводил выходные на юге Франции. – Лара замечает выражение моего лица и, умоляюще подавшись вперед, кладет мне на руку ладонь: – Да ладно тебе. Неужели, по-твоему, это не может быть совпадением?

– Почему же, может, – соглашаюсь я, хотя сильно сомневаюсь в этом. – И о чем вы говорили?

Она краснеет.

– Ну, ты же знаешь... – Вообще-то я не знаю и вопросительно качаю головой. – Мы просто поговорили. Между нами ничего не было, честное слово.

Честное слово? Теперь мне не дает покоя вопрос, что именно произошло. Ее ладонь все еще лежит на моей руке, в глазах застыла

мольба. Я киваю, хотя до сих пор ничего не понимаю. Впрочем, кивка достаточно, чтобы ее прорвало.

– Я знаю, мы не должны, ведь идет расследование и все такое прочее, но ведь никто из нас шестерых не имеет к тому, что случилось, никакого отношения. Мы с Аленом... ну, мы говорили о том, что можем делать, когда все закончится. Что бы нам хотелось делать... – Ее взгляд молит меня о понимании. Но я качаю головой. Я не понимаю. – Ну, ты знаешь, друг с другом...

Я, разинув рот, смотрю на нее. Она стесняется, но глаза ее горят возбуждением. И кофеин здесь ни при чем. Просто ее распирает и она готова разболтать секрет. Господи. Лара вела грязные разговорчики с французским детективом... Я вновь обретаю голос:

– И все это пока вы ловили свои чемоданы?

– Нет, конечно! Мы... пропустили по стаканчику в баре.

– А, понятно. – Черт, как же мне включить на полную громкость колокола, что тревожно звонят у меня в голове? Лара еще ни разу не приходила в такое волнение из-за мужчины. Думаю, она вряд ли обрадуется, когда я похищу ветер из ее парусов. Но это... Я понятия не имею, что именно происходит, но я точно знаю, что ничего хорошего. Я пытаюсь придать голосу равнодушный тон: – Он... спрашивал про Северин?

Она кивает:

– Немного. Не столько про Северин, сколько про ту неделю в целом. Ну, ты знаешь, про нас всех, как мы познакомились, кто с кем был и все такое прочее. Но это не было похоже на допрос, скорее на дружескую болтовню.

– Ну да, на дружескую болтовню в промежутках между виртуальным сексом.

– Кейт! – хихикает Лара. Нет, она действительно на взводе. – Все было совсем не так.

– Хм. – Дружеская болтовня. Об убийстве. Я думаю об Алене Модане и представляю, как за его темными, ироничными глазами работает его мозг, как он, словно крыса в лабиринте, бежит по коридорам, исследуя все потенциальные маршруты. У меня в голове всплывают слова Тома: *есть кое-какие нестыковки. Кое-что мутное.* – Он говорил тебе, что они выясняют, когда именно колодец засыпали песком?

Лара кивает:

– Он это упоминал. Подозреваю, им нужно поставить галочку в каждой клеточке, но, по мне, это напрасная трата времени и сил, ведь это

явно случилось уже после того, как мы уехали. Но они должны это сделать. Судя по всему, даже намерены выяснить, каким паромом мыплыли до Англии, чтобы подтвердить время нашего отъезда с фермы. Так что на него действительно свалилась уйма работы, – с жаром заявляет Лара и поднимает глаза. Это официантка принесла нам наш заказ. – Спасибо.

Я механически жую. Мои мысли заняты другим. Это и месье Модан, и слова Тома, и Северин... Вечно эта Северин с ее загорелой кожей и скрытным взглядом. Она всегда где-то рядом, за краешком поля зрения.

– А зачем ему вообще было возвращаться в Англию? – внезапно спрашиваю я.

– Что? – Лара отрывает глаза от салата.

– Я про Модана. Он ведь нас всех уже допросил. Почему он до сих пор здесь?

– Ах да, он сказал, что у него еще остались вопросы.

– Для кого?

– К кому, – с улыбкой поправляет меня Лара, гордящаяся тем, что говорит по-английски лучше иных англичан. – Вообще-то, мне кажется, к тебе, – отвечает она и пожимает плечами: – Наверное, это из-за меня. Ведь это я прервала вашу беседу.

Значит, еще один допрос. Я тянусь к стакану с вином.

– И, разумеется, к Себу, – добавляет Лара со слегка виноватым видом. – Похоже, он возвращается на этой неделе. – На миг умолкает, затем осторожно уточняет: – Надеюсь, ты не против? Ну, что он будет здесь?

– Как-нибудь переживу. – Мои слова звучат резче, чем хотелось бы. Лара вздрагивает. Мне тотчас становится стыдно. – Извини, дорогая. Я не нарочно. Просто у меня дерьмовая неделя. – Она сочувственно кивает, принимая мое извинение. Мне по-прежнему стыдно, и я задумываюсь над ее вопросом. – Если честно, я затрудняюсь сказать. Наверное, слишком долго старалась не думать о нем и теперь вообще-то не знаю, что думать...

Лара пристально на меня смотрит:

– Может, оно даже к лучшему, что ты его увидишь.

– Может быть, – отвечаю я и делаю глоток вина. – Но только в идеальном мире, а не посередине недели, когда мой бизнес идет ко дну, а меня допрашивают в связи с убийством.

Лара смеется:

– Ты слишком все драматизируешь. Мы – не подозреваемые. Мы всего лишь помогаем расследованию.

– Это как посмотреть.

– В смысле?

– Все зависит от того, когда колодец засыпали песком. Или, по крайней мере, когда засыпали по мнению полиции.

Лара в упор смотрит на меня. Ее взгляд наконец обретает фокус.

– Ты действительно считаешь... Лично мне он ничего такого не сказал... – Она умолкает, затем как будто встряхивает себя. – Но ведь колодец наверняка был запечатан после того, как мы уехали. Строители это подтвердят.

– Разумеется, – с готовностью соглашаюсь я. – Когда полиция их найдет.

– Когда полиция их найдет, – повторяет она и вновь умолкает, пристально на меня глядя. – Ты думаешь, он со мной играет?

– Не знаю, – нехотя отвечаю я, но, если честно, я хорошо помню, как окаменело лицо Модана, когда он снова увидел Лару. – Я думаю... мне кажется, он с удовольствием сделал бы то, о чем вы с ним говорили... – Настала моя очередь краснеть. – Но что бы ты ни сказала ему про нас шестерых, он не может этого «не услышать». И хотя официально это не допрос, наверняка воспользуется информацией, если она поможет расследованию. – Лара задумчиво смотрит на меня, но ничего не говорит. Не знаю, расстроена ли она, а если да, то из-за меня или Модана? – Я лишь хочу сказать: «Ты с ним поосторожнее». – Я протягиваю к ней руку. – Не хотелось бы, чтобы потом тебе это аукнулось.

Наконец Лара берет мою руку и улыбается:

– Знаю. Я буду осторожна, – отвечает она и тотчас спешит сменить тему разговора. Однако мне видно, что половина ее внимания пребывает где-то в другом месте: то ли она заново переживает словесный секс в аэропорту, то ли мечтает о новых встречах. В любом случае половинка ее «я» беспрестанно твердит *Ален, Ален, Ален*.

Я подозреваю, что ее представление об осторожности не совпадает с моим.

* * *

Среда начинается ясным солнечным утром, однако холодным и ветреным. В такой день дела могут пойти в любую сторону. Как у меня.

В ресторан я прихожу слишком рано. Наш столик еще не готов. Я неловко устраиваюсь на низком диване у входа и листаю газету, которую явно положили для таких, как я. Экономическая ситуация не улучшается, мелкий бизнес едва барахтается и устрашающими темпами идет ко дну. Я

спешу перевернуть эту страницу.

– Кейт?

Я поднимаю глаза и автоматически цепляю на лицо радостную улыбку. Только это не Гордон. Да и голос тоже не мужской.

– Каро! – Я даже не собираюсь скрывать свое удивление и не слишком элегантно поднимаюсь с низкого дивана. На ней безукоризненный темный деловой костюм – с красивыми лодочками он смотрится ультрамодным и ультрадорогим. Ее волосы зачесаны назад и уложены в идеальный узел. Она смотрится именно так, какой я представляла ее в деловом наряде, – то есть шикарно. Мы целуем друг друга в щеку – вернее, делаем вид. – Вот это неожиданность! Ты сегодня здесь обедаешь? – Мне на миг становится страшно, что Гордон пригласил на ланч и ее.

– Нет, я просто пришла по твоему следу, – с хитрой улыбкой отвечает она, замечая растерянность на моем лице. – Успокойся, я просто проходила мимо. Наш офис в двух шагах отсюда. – Все так, именно поэтому Гордон и выбрал этот ресторан. – Я заметила тебя в окно. Как твои дела?

– В общем и целом неплохо. А твои? – Я все еще выбита из колеи. Неужели она действительно заметила меня и решила войти и поговорить?

Каро машет рукой:

– Нормально. Да ты сама знаешь, нескончаемые дела. – Она на секунду умолкает. – Кстати, как прошла беседа с детективом?

– Неплохо. – Я пожимаю плечами: – Правда, нас прервали, и теперь я снова встречаюсь с ним на этой неделе.

– Сочувствую, – говорит Каро, театрально закатывая глаза. – И что он у тебя спрашивал?

– Наверное, что и у всех. Когда мы приехали, когда уехали и все такое прочее. А у тебя?

Каро кивает, правда, слишком быстро:

– То же самое. Кто что и во сколько делал в то последнее утро. И еще про строителей и колодец, и собиралась ли эта девушка уезжать, – отвечает она и, наклонив голову, смотрит на меня и ждет. Мне же не дает покоя вопрос, на какие из ее слов я должна отреагировать.

– Северин, – тихо говорю я. – Ее звали Северин. – Череп с пониманием улыбается мне.

– Господи, у тебя пунктик на этот счет, – с улыбкой говорит Каро, но что-то подсказывает мне, что это лишь маска. – Он показывал тебе записи с видеокамеры?

– Нет, – я качаю головой. – А какие записи? Ты имеешь в виду Северин на автовокзале?

Каро кивает.

– Это не записи, а недоразумение, – говорит она и для пущей выразительности машет рукой. – Там едва можно понять, что это человек. За последние десять лет техника ушла далеко вперед, уж поверь мне. Спасибо водителю, он запомнил, как она садилась в автобус, иначе бы нас всех ждали крупные неприятности. – Смеется высоким звонким смехом, еще менее искренним, нежели ее недавняя улыбка. Ее смех напоминает мне звон бьющегося стекла.

– Каро, – раздается за ее спиной чей-то мягкий голос. Это прибыл Гордон.

– Папа! – Она поворачивается к нему. На мой взгляд, ее улыбка чрезмерно яркая. – Не волнуйся, я не собираюсь похищать у тебя Кейт. – Он не целует ее, а лишь неловко потирает ей руку. Подозреваю, что в рабочее время поцелуи между ними не приняты, чтобы не раздражать других сотрудников.

– Привет, Гордон, – с улыбкой говорю я. Мы обмениваемся рукопожатиями и заверяем друг друга в том, как рады этой встрече. Кстати, что касается меня, так оно и есть.

– Я лишь заглянула сказать Кейт, что по случаю возвращения Себа у нас будет вечеринка, – говорит Каро отцу. Я ощущаю небольшой триумф по поводу того, что для меня это не новость. Каро поворачивается ко мне: – Он возвращается на этой неделе, и мы опять собираемся нашей старой компанией. Может, на этот раз в ресторане, как ты думаешь?

В присутствии Гордона я демонстрирую свое лучшее поведение.

– Отличная идея, – отвечаю я и думаю, чего бы умного добавить. – Меньше народа, что даже лучше для Алины. Не так шумно.

– На твоём месте я бы об этом не беспокоилась, – небрежно отвечает Каро. Непонятно, что она имеет в виду. То, что Алина, с которой я не знакома, любительница шумных компаний? Или же ей просто до лампочки, как будет чувствовать себя Алина? – Я просто подумала, что это было бы приятное разнообразие, потому что во время вечеринки в честь Тома мы только пили. – Смотрит на часы и морщится: – Ой, мне пора. У меня через пять минут видеоконференция, которая может продлиться до пяти. Вздохнуть некогда. – Закатывает глаза. – Желая вам приятно провести время.

Я смотрю на Гордона. Тот, в свою очередь, наблюдает за тем, как она выходит из ресторана. Наверное, я ожидаю увидеть в его глазах любовь или гордость или хотя бы симпатию. Но нет. Вместо этого он... Что? Я не могу понять выражение его лица, хотя он провожает ее глазами чересчур долго.

Чувствуя на себе мой взгляд, Гордон оборачивается и поднимает брови.

– Ну что ж, нам тоже пора. – И как будто сверлит меня глазами.

Сделав заказ, мы начинаем деловой разговор, но не конкретно о моем бизнесе, а в общем и целом. О других фирмах и принятой в них практике, о реструктуризации сферы юридических услуг, о слияниях, о которых ходят упорные слухи. Вот те вещи, которые мы с ним обсуждаем. Я жду, когда он перейдет к делу, но тут перед нами ставят горячее, затем десерт, затем кофе, а мы всё еще ходим вокруг да около.

Гордон тянется за сахаром и роняет кубик себе в чашку. Почему-то он уделяет этому процессу больше внимания, чем тот заслуживает. Ну, наконец-то, думаю я, сейчас мы перейдем к делу.

– Итак, – едва ли не официальным тоном говорит Гордон, что звучит странно после столь непринужденного начала. Я чувствую напряжение в его голосе. – Как я понял со слов Каро, вас тоже втянули в это ужасное французское расследование. Вам наверняка это неприятно.

Я растерянно моргаю, совершенно сбита с толку. При чем здесь это?

– Да... разумеется... я рада помочь следствию. Но не волнуйтесь, уверяю вас, это никак не отразится на способности моей компании выполнить контрактные обязательства...

– Нет-нет, – испуганно перебивает он меня. – Я имел в виду нечто совершенно иное.

Я растерянно смотрю на него. Похоже, Гордон слегка смутился.

– Каро довольно болезненно восприняла всю эту историю, – неуверенно говорит он. – Я лишь хотел спросить, а как вы? Только и всего.

– Понятно. – Я смотрю, как он помешивает уже хорошо размешанный кофе, и понимаю, что должна сказать что-то еще. – Это так любезно с вашей стороны.

Прежде чем я успеваю добавить какую-нибудь ни к чему не обязывающую банальность, вроде «со мной всё в порядке, хотя, конечно, это неприятно», прежде чем успеваю заверить его в моем профессионализме, при этом не производя впечатления полного бессердечия по сравнению с его дочерью, которая «болезненно (неужели?) восприняла» появление французского детектива, череп Северин начинает хохотать надо мной, и из одной его глазницы сыплется песок. Я торопливо хватаю мою чашку и делаю глоток кофе.

– Тогда перейдем к делу, – говорит Гордон. Похоже, ему тоже не терпится поскорее завершить эту небольшую интерлюдия.

Я спешу согласиться с ним:

– Да-да, перейдем к делу.

Дело – это то, что я умею. Дело – это то, что мне нужно.

* * *

Из ресторана я возвращаюсь на метро. Пустые клетки финансовой ведомости упорно твердят мне, что в настоящее время такси мне не по карману. В любом случае мне нравится многолюдная анонимность лондонского транспорта. Это дает мне возможность немного причесать мысли. Сколько людей вынуждены делить тесное пространство, и при этом ни у кого не возникает потребности заговорить. Или хотя бы задать вопросы.

А вот Гордон буквально засыпал меня вопросами. Если честно, я даже устала. Когда я вернусь в офис, Пол спросит, о чем меня спрашивал Гордон. Ален Модан тоже задавал мне самые разные вопросы и, похоже, намерен продолжить это занятие. Каро спрашивала, о чем меня спрашивал Модан. Если задуматься, то же самое делал и Том, – по крайней мере, зондировал почву.

Вопросов мне не задает только Северин. Ее темные холодные глаза вынесли свое суждение еще десять лет назад.

Глава 6

Я снова смотрю на финансовую ведомость. Некогда утешительные темные цифры обрели собственную жизнь: они пересекают границу между моими глазами и компьютерным экраном и злобно стучат мне по лбу. Два небольших изменения – вот и все, что нужно, чтобы вердикт сменился от «пока еще на плаву» до «уже на дне». Изменение в налоговом законодательстве, означающее, что крупный платеж уже никак не оттянуть, – и требование хозяина недвижимости, желающего увеличения арендной платы, на что он имеет полное право, если б не сумма, которую кроме как бессовестным сдиранием шкуры не назовешь. Я, конечно, могу оспорить его требование, и я его оспарю. Вернее, я хочу его оспорить, но это будет стоить мне денег, которых у меня нет. Возможно, он подозревает это и потому решил выжить меня. В иных обстоятельствах я бы даже восхитилась его макиавеллиевской хваткой, но в данный момент восхищение в моем рейтинге чувств занимает отнюдь не верхние строчки. Равно как и спокойствие.

Я зарываюсь лицом в ладони, спасаясь от радиации, которую излучает ведомость. В принципе, можно переехать в офис подешевле – например, в мою гостиную, – а можно и вообще куда-нибудь к черту на кулички, в Кройдон или Таиланд. Но что я буду делать одна, без Пола и команды хедхантеров? О каком рекрутинговом агентстве тогда можно вести речь? Ведь то, что я не одна, что у меня есть пусть небольшой, но штат, – это важная часть моего бизнес-плана: цифры внушают уверенность. Но только не цифры в финансовой ведомости.

– Кейт, с вами всё в порядке? – спрашивает Джулия, входя ко мне в кабинет.

Я быстро поднимаю голову и спешу наклеить на лицо улыбку. В одной руке у нее очки, другой она щиплет себя за переносицу. Кстати, почему она не носит контактные линзы, хочу спросить я, но никак не решаюсь.

– Все нормально, – бодро отвечаю я. Наверное, даже слишком. – Просто слегка болит голова – слишком долго сидела перед компьютером.

– Я тут выскочу на минутку за сэндвичем... Вам что-нибудь купить?

– Нет, спасибо. Чуть позже я сама захочу немного размяться.

– Понятно. – Она смотрит на пустой стол Пола и на миг хмурит брови.

Затем уходит.

– Джулия, кстати, а какой у Пола график на сегодня? – как бы

невзначай спрашиваю я.

Она оборачивается:

– Не знаю. Я думала, он уже на работе. – Ее голосу не хватает уверенности.

– Ммм... – Я постукиваю ручкой по зубам, затем понимаю, что она еще здесь – не знает, можно ли ей уйти или нет. – Всё в порядке, – говорю как можно бодрее. В животе у меня возникает пустота; причем с каждым мгновением она лишь увеличивается в размерах. – Я позвоню ему. Можете идти за своим сэндвичем.

– Хорошо.

Хорошо... Увы, хорошего мало, но я должна продолжать, будто все и впрямь хорошо. Я вздыхаю и в ярости снимаю телефонную трубку. Сейчас пригрожу арендодателю всеми доступными мне исками.

* * *

Ален Модан. Месье Модан. Французский детектив, *investigateur*, *OPJ*, а также любитель нашептывать игривые словечки в идеальное ушко моей лучшей подруги Лары. Ален Модан снова сидит на диване напротив меня, хотя на этот раз мы с ним уютно расположились в уголке «Старбакс», а не у меня в гостиной.

Сегодня у меня дефицит терпения. Я чувствую его внутри себя. Вокруг злокачественной опухоли тревоги по поводу судьбы моего бизнеса бурлит некое бесстрашие. Оно подталкивает меня отбросить все хождения вокруг да около, говорить начистоту и быть готовой смотреть правде в глаза, не бояться худшего и знать, что меня ждет. Прямо сейчас. Наверное, в таком взвинченном состоянии с Аленом Моданом лучше не разговаривать. Тем не менее я сейчас здесь, так же как и он. Мы пьем кофе и обмениваемся любезностями – никаких упоминаний о Ларе – и вскоре переходим к делу.

– *Alors*^[3], – говорит Модан и кладет на стол папку и блокнот.

Он уже снял пиджак, и теперь на нем приталенная бледно-голубая рубашка. Меня же мучает вопрос про его кожу – там, под рубашкой, она такая же нежная, как и на лице? И есть ли под этой безукоризненно чистой тканью заросли волос на груди? Возможно, я думаю об этом потому, что он француз, или же просто пытаюсь смотреть на него глазами Лары. А может, и то и другое одновременно.

Взгляд Модана скользит от блокнота к моему лицу. Я заставляю себя

сосредоточиться.

– Я должен довести до вашего сведения новые факты. – Похоже, он горд собой за то, что употребил столь пафосный оборот речи – «довести до вашего сведения».

Я смотрю на папку. В фильмах папка вроде этой – размера, формы, цвета – всегда содержит фотографии, отвратительные кадры с места преступления, застывшие во времени. Тела в неудобных позах, лужи крови под раскроенными черепами, неживой, остекленевший взгляд. Смерть, увековеченная в веках. Я не хочу заглядывать в эту папку.

– Давайте, – коротко говорю я.

– Вы торопитесь? – спрашивает он, слегка скривив рот.

– Не особенно, но у меня есть работа, и она не ждет. – Я почти смеюсь, когда с моих губ слетают эти слова, хотя, если задуматься, ничего смешного в этом нет.

Модан кивает:

– Разумеется. Итак, мы разыскали одного из строителей месье Касто. Он поднял свою документацию, из которой следует, что колодец был засыпан в пятницу. За день до вашего отъезда.

– Чушь собачья.

– Простите? – Он вопросительно смотрит на меня.

– Чушь. Собачья, – как можно отчетливее говорю я. – У вас есть шесть... – Я резко встряхиваю головой. Тео. – Уже не шесть, шестерых больше не будет, пять человек, которые могут это подтвердить. Пока мы были там, строители занимались забором вокруг бассейна, но я не помню, чтобы они даже близко подходили к колодцу. Документация неверна, а ваш строитель лжет. – Бесстрашие бьет из меня фонтаном, я пытаюсь сдержать его струю.

Впрочем, Модан непробиваем.

– Это было давно, – соглашается он. – И месье Касто считает, что работы с колодцем выполнил его брат. Он не помнит, чтобы занимался им сам.

– А что говорит его брат?

– Мы пока еще не смогли поговорить с ним. У него... – Модан подыскивает нужное ему слово. – А, вспомнил, *miel*, медовый месяц. Я правильно выразился? – Я киваю. – Он в походе. В Гималаях. – Полицейский кривит губы, словно в его глазах блуждания по Гималаям – не лучший способ провести медовый месяц.

Папка по-прежнему лежит на столе. Он так к ней и не прикоснулся.

– В любом случае у вас есть пять человек, которые утверждают, что

колодец не был засыпан. Почему вы уделяете этому столько внимания?

Он слегка выгибает бровь:

– Наша работа – быть тщательными во всем.

– А как же водитель автобуса? – не унимаюсь я. – Он ведь запомнил Северин.

Модан смотрит на меня, и его длинное лицо не выражает ничего, кроме привычной настороженности.

– Водитель автобуса помнит лишь то, что рядом с фермой в автобус села молодая девушка и доехала до станции. По его словам, на ней были темные очки, а волосы скрывал красный шарф.

Я вижу Северин: она курит сигарету в конце сада и быстро разговаривает по телефону. Утро, еще свежо, но примерно через час солнце победит эту свежесть. Северин в своем неизменном строгом черном бикини, на голове тюрбаном закручен красный шифоновый шарф. Она стоит спиной ко мне, и, когда жестикулирует рукой с зажатой в ней сигаретой, мне видно, как движутся ее худые лопатки. Эта сцена жутко напоминает мне пятидесятые годы – гламурные кинозвезды в огромных солнечных очках, отдыхающие на Французской Ривьере. В этот момент, сама не знаю почему, мне страшно хочется, чтобы ее здесь не было. Более того, чтобы ее не было никогда. Но сегодня, разговаривая с Моданом, я лепечу:

– Да, это была Северин.

Он пожимает плечами – странное, несимметричное движение, как будто его конечностями управляет кукловод. Наверное, это неудобно, но только не Модану.

– Возможно.

– Возможно? – Я вопросительно смотрю на него.

Он снова пожимает плечами – сначала правым, затем левым.

– Возможно.

– А как же видеозапись с автовокзала?

Модан протягивает руку к папке и протягивает ее мне:

– *Regardez-vous*. Пожалуйста, посмотрите.

Я беру ее у него и, заставляя себя дышать, открываю. Внутри папки действительно лежит фото: зернистая картинка, не столько черно-белая, сколько разных оттенков серого. Посреди того, что, по идее, является площадью перед автовокзалом, виднеется нечто похожее на стройную девичью фигурку. Голова ее обмотана шарфом, или же это такая шляпа. Она стоит рядом с большой сумкой.

Я неуверенно поднимаю глаза на Модана:

– Это та самая запись?

Модан поднимает два пальца. Этот быстрый жест как будто одновременно говорит: «мы старались» и «*c'est la vie*».

– Это самое четкое изображение, какое нам удалось получить.

Я снова смотрю на фото. Возможно, Каро слегка преувеличила – это все-таки человеческая фигура. Но в целом она права: картинка ни о чем не говорит. Я продолжаю вглядываться в фото, как будто это цифровой снимок и ему требуется пара секунд, чтобы приобрести резкость. Однако размытые очертания так и не складываются в четкую картинку. При этом мои мысли вертятся вокруг одного и того же: колодец, шофер автобуса, видеозапись. Колодец, шофер автобуса, видеозапись. Что-то одно из них противоречит остальным – *колодец, шофер автобуса, видеозапись*, что-то одно...

Я подталкиваю папку назад Модану и внезапно спрашиваю:

– Почему вы до сих пор здесь?

– У меня есть несколько вопросов...

– Да, но почему вы до сих пор здесь? В этой стране? – перебиваю его я. – Я знаю, что от вас требуется тщательность. Но вы ее уже проявили. Вы говорили со всеми нами. Тогда что держит вас здесь? У вас есть пять человек, видевших ее живой в пятницу вечером. У вас есть водитель автобуса, по словам которого похожая на нее девушка в субботу села в его автобус. У вас есть картинка этой самой девушки на автовокзале – кстати, с сумкой. Все это довольно четко указывает на то, что после того, как мы уехали, она еще была жива. – Моя дерзость прорвалась наружу, и теперь ее не унять. – Но вы по-прежнему здесь, и мне непонятно почему, – если вы только не ищете предлог провести в Англии еще какое-то время, подстерегая в аэропортах Лару и ставя под удар свою карьеру... – Полицейский быстро отворачивается и пробегает пальцами по волосам, затем пристально смотрит на меня. Я же отказываюсь сдаваться: – Или же вы нам не верите. Я права? Вы считаете, что мы все пятеро лжем, ведь так? Что на самом деле мы не свидетели, а подозреваемые?

Тут я резко умолкаю. Из моей дерзости вышел дух.

Модан пару мгновений смотрит на меня с каменным лицом. Я не сомневаюсь: он думает, как ему поступить со мной дальше. Затем его лицо смягчается.

– Мисс Ченнинг, – вкрадчиво говорит он. – Это нелегко. Это всегда нелегко. Убийство... *alors*, это очень неприятная вещь. Никто не хочет много думать о таких вещах, потому что это тяжело, это больно и печально. Никому не хочется расстраиваться. Но чтобы найти, кто это сделал, мы должны провести расследование и мы должны задавать вопросы. – Он

делает один из своих элегантных жестов – поднимает руку ладонью вверх, как будто приглашая меня положить сверху мою. При этом губы его складываются в сочувственную улыбку. – Итак... *s'il vous plait*^[4]... мы можем продолжать?

Я пару секунд выдерживаю его взгляд. Мне не видно, что происходит за этими темными, пронизательными глазами. Но я знаю: он умеет это делать лучше, чем я. Лучше, чем кто-либо другой. Внезапно я чувствую себя совершенно обессиленной.

– Продолжайте, – устало говорю я. – Задавайте ваши вопросы.

* * *

Я знаю, что должна вернуться в офис, однако не спешу. Ведь что ждет меня там? Пустое кресло напротив и такая же пустая финансовая ведомость. Вместо этого я бесцельно брожу по улицам. Вскоре ноги приводят меня на многолюдную Риджент-стрит. Туристы-иностранцы определятся с первого взгляда: они увешаны фотоаппаратами, белые носки подтянуты, на ногах удобная обувь. Но что в середине дня делают на этой торговой улице остальные? Это студенты? Или они работают по ночам? Да и работают ли вообще?

Интересно, что буду делать я, когда наконец закрою свою фирму? Вряд ли мне светит карьера в области права. Я не уверена, что смогу убедить какую-нибудь адвокатскую контору, чего мне на самом деле хочется. Я и сама этого толком не знаю. Наверное, я могла бы устроиться в другое рекрутинговое агентство, но после провала моего начинания репутация моя будет подмочена. Может статься, что какое-то время я вообще буду сидеть без работы. Я уже не говорю про ту работу, которая мне нравится. Правда же такова, что та, которая мне нравится, в данный момент ускользает от меня.

Я захожу в магазин «Френч коннекшн», но тотчас выхожу назад. Тут слишком людно, да и вообще я сейчас не в том настроении, чтобы даже смотреть на одежду, не говоря уже о том, чтобы ее примерять. Иду дальше вдоль улицы. Мне видно, как мое отражение перемещается из одной витрины в другую – этаким призраком в темном брючном костюме, незаметно скользящий мимо манекенов, уже заранее нарядившихся в летнюю коллекцию. Наверное, я могла бы... уехать. Купить билет на самолет и улететь куда-нибудь, где пыльно и жарко, зато расходы на жизнь – сущие гроши. Поставить крест на карьере и пойти в официантки или барменши –

на любую работу, отбросив гордость и амбиции, которые прилагаются к оксфордскому диплому и в плену которых вы со временем оказываетесь.

Звонит мой мобильник. Номер скрыт. Я колеблюсь, мне не хочется возвращаться в реальный мир, но телефон продолжает настырно трезвонить. Я вздыхаю и нажимаю зеленую кнопку:

– Кейт Ченнинг.

– Эй, привет! Это Том. Как твои дела?

– На полпути в Южную Америку.

Полсекунды в трубке висит тишина.

– Ты серьезно? – неуверенно спрашивает он.

– Нет, конечно. Это просто мечты. Неудачный день.

– В таком случае я покупаю себе билет рядом с тобой. Для меня тоже неудачный день. – У него и вправду измученный голос. – Не хочешь чуть позже выпить и посочувствовать мне?

Я колеблюсь.

– Боюсь, из меня сегодня кошмарный собеседник, – предупреждаю я.

– Из меня тоже, – мрачно говорит он. – Почему бы нам вместе не набраться, вместо того чтобы отравлять кому-то настроение?

– О господи! – И куда только подевался спокойный, уравновешенный Том, которого я знала. – Что случилось сегодня?

– Потом объясню, – лаконично отвечает он.

Не иначе как Том сейчас на работе. Интуиция подсказывает мне: все эти статьи про плохую экономическую ситуацию и сокращение штатов в ведущих банках... Вряд ли его фирма настолько глупа, чтобы сначала согласиться на его перевод из Бостона в Лондон, а затем уволить. Правда, я знаю: банки могут быть очень даже глупы, да еще как!

– Надеюсь, тебя не уволили? – спрашиваю я.

– Нет, в отличие от других.

– О господи... – Представляю, какая там атмосфера в зале, где проходят торги. – Моя фирма, похоже, окончательно загнулась, так что в моем лице ты имеешь идеального собутыльника, если тебе хочется залить скверное настроение чем-то покрепче. В семь часов в том же пабе, что и раньше?

– Заметано. – Он секунду молчит, а потом спрашивает: – А что, она и вправду загнулась?

– Ага, – смело отвечаю я. – И спасет ее только чудо.

На том конце линии слышится вздох.

– Как жаль... Мое искреннее тебе сочувствие, Кейт. – Похоже, сочувствие Тома и вправду искреннее. Я мгновенно проникаюсь к нему

благодарностью.

– Знаю. Мне тоже жаль. В смысле, твою ситуацию. – Да и мою тоже.

– По крайней мере, один из нас все еще получает свой чек, – грустно шутит он. – Сегодня плачу я. По крайней мере, один раз я точно смогу тебя накормить и напоить.

– Не стану возражать. Увидимся в семь.

Я нажимаю на кнопку отбоя и поднимаю глаза. Передо мной в витрине с купальниками маячит мой собственный призрак, и пока я смотрю на него, улыбка постепенно сползает с его лица. Обещание новой, совершенно иной жизни по-прежнему рядом, достаточно протянуть руку. Но прежде чем я увижусь с Томом в семь, мне нужно сделать кое-какие дела.

Я возвращаюсь к себе в офис.

* * *

Я не смотрю ни на финансовую ведомость, ни на пустое кресло Пола. Вместо этого занимаюсь электронной почтой и решительно делаю те звонки, которые должна сделать. Мною движет не столько боевой дух, сколько мрачный фатализм. У нас все еще есть несколько контрактов, и мы должны их выполнить – вовремя и со вкусом. Чтобы никто потом не сказал, что фирма «Ченнинг и Ко» пошла ко дну по причине своего непрофессионализма.

– Вам звонят из фирмы «Хафт и Вейл»! – кричит мне Джулия.

Пару секунд меня так и подмывает сказать ей, чтобы она сама ответила на их звонок. Я давно жду, что Гордон позвонит мне – сказать, что контракт уходит к моим конкурентам. Лишний гвоздь в крышку гроба мне ни к чему. С другой стороны, зачем оттягивать неизбежное?

– Соединяйте, – говорю я Джулии.

В следующее мгновение передо мной гудит телефон. Я в спешном порядке драпирую губы улыбкой.

– Добрый день, Гордон. Как ваши дела?

– Спасибо, хорошо. Вам удобно говорить?

– Абсолютно. Выкладывайте, что у вас. – *Выкладывайте.* Ну, по большому счету, уволить он меня не может, потому что не нанимал меня, но все равно этот произвольный черный юмор меня забавляет. Надо будет потом рассказать Тому. Я уже вижу, как вокруг его глаз собираются веселые лучики морщин.

– Я звоню, чтобы сказать вам, что вчера вечером заседал рабком. –

Рабком – это рабочий комитет фирмы «Хафт и Вейл». Какое бы рекрутинговое агентство ни порекомендовал им Гордон, окончательное решение за ними. Хотя в целом это довольно формальная вещь. – Мы решили отдать этот контракт фирме «Ченнинг и Ко». – Мой собеседник делает паузу, но у меня, как назло, отшибло дар речи. – При условии, конечно, что мы придем к соглашению по поводу окончательной документации.

Я выпрямляю спину и обретаю голос:

– Что ж, большое спасибо. – Силюсь изобразить профессиональную невозмутимость, как будто контракты с фирмами вроде «Хафт и Вейл» плывут ко мне в руки каждый день. Одновременно я чувствую, как опухоль тревоги моментально начинает растворяться, словно таблетка соды в воде. Да! Да! Да! – Это приятное для нас известие. Я... я очень рада его слышать. Думаю, вы легко можете себе это представить. Рада и... если честно, удивлена.

– Мы подумали и решили, что нам требуется новая кровь. – Я «слышу» в его голосе улыбку. Моя честность ему по душе. – Думаю, мы с вами отлично сработаемся.

– Я тоже очень на это надеюсь, – искренне говорю я. – И с нетерпением жду начала нашего сотрудничества.

– В этой связи я уже поручил составить контракт. Он довольно стандартный и содержит условия, которые мы уже обсуждали. Прислать его вам?

– Да, это было бы идеально, – говорю я и, секунду помолчав, нахально добавляю: – Правда, я бы хотела, чтобы вы ежеквартально делали авансовый платеж. – Если он согласится, фирме «Ченнинг и Ко» банкротство не грозит. Если же нет, то первые три месяца придется немного помудрить с бухгалтерской отчетностью, прежде чем поступит первый платеж. Я ловлю себя на том, что по-прежнему сажу, затаив дыхание.

– Не вижу никакой проблемы. Просто внесите нужные вам поправки.

Да! Приятная щекотка распространяется на все мои конечности. Ноги в буквальном смысле дрожат от волнения.

– Хорошо, так мы и поступим, после чего как можно быстрее отошлем его вам. Хотелось бы, не теряя времени, взяться за дело.

– Отлично. Будем оставаться на связи.

– Абсолютно. И разрешите еще раз поблагодарить вас за это совершенно фантастическое известие.

Я кладу трубку и обеими руками трогаю пылающие щеки. Мои ладони

чувствуют, как по лицу распространяется блаженная улыбка. Я смотрю на пустое кресло напротив.

– Джулия!

– Что? – отзывается она из внешней комнаты.

– Он наш! – Я с ликующим видом поворачиваюсь в кресле.

– Кто он?

– Контракт! – Я вскакиваю с кресла и направляюсь к ней. Она тоже уже по пути ко мне. Мы сталкиваемся в дверях. – «Хафт и Вейл»! Он у нас! – Я ловлю себя на том, что прыгаю от радости.

– Фантастика!

Джулия машинально хватается за руки и начинает прыгать вместе со мной. Судя по тому, какой радостью светится ее лицо, я невольно задаюсь вопросом, а не вынашивала ли она планы последовать примеру Пола.

В следующий миг открывается уличная дверь и внутрь с бумажным стаканчиком латте в руках входит Пол. Содержимое стаканчика капает на пол; он сыплет проклятиями и косо смотрит на нас с Джулией. Мы все еще продолжаем прыгать, а наши лица светятся глуповатыми улыбками до ушей.

– В чем дело? – Пол швыряет протекающий стаканчик на стол Джулии и удивленно смотрит то на меня, то на нее. – Что случилось?

– Он наш! – воркую я. – Он наш! Он наш!

– Контракт с «Хафт и Вейл»? – настороженно спрашивает Пол. – Правда?

Я, сияя улыбкой, киваю ему.

– Ни фиги себе! – буквально рычит он. – «Хафт и Вейл»! Круто!

Затем обнимает нас за плечи, и мы все трое скачем козликами и цветом глупыми улыбками. Я должна запомнить эти мгновения, думаю я. Причем в мельчайших подробностях. Я просто обязана их сохранить. Никогда не знаешь, сколько таких моментов будет в твоей жизни.

Глава 7

Подходя к бару без нескольких минут семь, я уже пьяна. Пьяна главным образом от волнения и радости, но также и от шампанского, которое сбегал и купил Пол и которое мы выпили прямо в офисе. Расположившись прямо на полу, Пол, Джулия и я ели чипсы и пили шампанское из кофейных кружек. Пол время от времени качал головой и с широкой улыбкой повторял: «Хафт и долбаный Вейл!», при этом глядя на меня с чем-то очень похожим на уважение. Когда Джулия наконец встала и ушла, чтобы успеть на свой поезд, она была вся порозовевшая и едва держалась на ногах. Мне же подумалось, что если дело у нас заладится, то эту историю мы будем вспоминать еще долгие годы: анекдот о том, как фирма «Ченнинг и Ко» праздновала свою первую крупную победу.

Но вот теперь я, будучи слегка подшофе, стою в дверях паба и снова ищу взглядом Тома. На этот раз замечаю его за столиком. Он явно сидит здесь уже довольно долго, потому что успел осушить треть пинты пива. Кроме того, на столике стоит нечто похожее на водку с тоником. По всей видимости, это для меня. Внимание Тома приковано к его телефону. Кстати, он успел подстричься. На какой-то миг это выбивает меня из колеи – с короткими волосами его лицо кажется резче и старше. Оно какое-то... *другое*. Но затем он поднимает глаза и замечает меня. Поднимается, чтобы заключить меня в свои знаменитые объятия, и лицо его освещает радостная улыбка. Я также замечаю на носу у него веснушки – передо мной прежний Том.

– Ты какая-то... подозрительно счастливая, – говорит он, отпуская меня, и, наклонив голову, пристально разглядывает мое лицо.

Я киваю и сажусь на стул напротив него. Сегодня вечером моя улыбка не нуждается в понукании, она уже «окупировала» все мое лицо.

– То самое чудо. Оно произошло. Мы только что получили крупный контракт. – Я пытаюсь придать лицу огорченное выражение. – Извини, мне жутко стыдно, что я не чувствую себя несчастной.

– Не глупи! Это же просто здорово! – Том отмечает мои извинения. Я вижу: он искренне рад за меня. – Давай лучше отпразднуем твой успех, чем будем заливать мои беды... И кто же он, твой трофей?

– Фирма «Хафт и Вейл», – с гордостью произношу я и беру в руки водку с тоником, которую он подвигает ко мне. – Да еще с приличным авансом, который некоторое время удержит нас на плаву. Но я более чем

уверена, что мы честно заработаем весь гонорар, а крупный контракт – это также хорошая реклама. Не удивлюсь, если за ним последуют новые интересные предложения...

– Дыши глубже, – ласково поддразнивает он меня.

– Да я знаю... вот только... Я действительно была уверена, что нам хана. – Последние несколько дней берут свое: этот вечный страх, это ощущение неизбежного фиаско... Я делаю глубокий вдох и пытаюсь сбросить с себя навязчивое воспоминание. Однако его эхо держится еще долго.

– Знаю, – совершенно трезво говорит Том. – Это было слышно по твоему голосу в телефоне.

– Конечно, один контракт погоды не делает, и все же...

– И все же это следует отпраздновать, – говорит Том едва ли не яростно. – Каждая победа важна, независимо... независимо от... – Он отворачивается, как будто устыдившись собственного пафоса.

Я делаю глоток водки с тоником.

– За успех! И спасибо тебе. В любом случае расскажи мне про свой кошмарный день. Скольких они выставили за дверь?

– Сотни, – устало произносит Том. – Процентом пятнадцать, самое меньшее. Это просто какая-то резня. Главное в другом: поскольку я начальник отдела, то я...

– О господи! – Я в ужасе закрываю ладонью рот. Теперь мне понятно, что он имел в виду под кошмарным днем. – Ты был вынужден кого-то уволить?

Том уныло кивает:

– Четверых. Трех парней и одну девушку. Я их практически не знал. Господи, да я едва ли не вчера сошел с самолета... Еще не успел ни с кем познакомиться... Хорошо хотя бы то, что не я составлял список. Это уже было решено до меня. – Он делает из кружки глоток и, ссутулившись на стуле и вытянув перед собой руки, пару секунд мрачно на нее смотрит. – Когда я вернулся, тотчас понял: в ближайшее время нас ждет реструктуризация. Но такого я не ожидал. Я узнал детали лишь два дня назад.

– Как ты думаешь, тебе было легче, потому что ты их не знал? Ну, тех, кого ты увольнял? – Я морщусь, произнося это слово.

– Не знаю. – Том пожимает плечами. – С одной стороны – да. Я не знаю, есть ли у них семьи, дети... С другой стороны, неужели все должно быть так обезличено? Я о том, что вот вы работаете на фирму и, разумеется, ожидаете, что вам за это заплатят. Но ведь есть и

эмоциональная сторона. Человек работает среди коллег, обменивается с ними шутками, смеется, иногда даже выпивает с ними... Разве он не заслужил того, чтобы тот, кого он знает, пожал бы ему руку и сказал... бог мой, не знаю, что именно. Спасибо? Мне было приятно работать с тобой? Ты молодец, жизнь на этом не заканчивается?.. – Том качает головой и снова смотрит на свою кружку. – Не знаю, хоть что-нибудь.

– Бедный Том! – вздыхаю я. Ничего другого мне в голову не приходит. Я делаю глоток и с удивлением замечаю, что мой стакан практически пуст. Пару секунд мы сидим молча. Между тем в пабе становится многолюдно и очень шумно. – Послушай, а тебе не приходило в голову, что хотя бы один из них мог оказаться полным дерьмом? – в конце концов изрекаю я с наигранной серьезностью. – Или же у него плохо пахло изо рта?

Уголки его губ робко ползут вверх.

– Один из них был слишком потлив, – соглашается он. – От него даже пованивало. А девушка одевалась как какая-нибудь студентка. Нет, не в джинсы, а в дурацкие пышные юбочки, слишком короткие для зала, где проходят торги. И никаких колготок.

– Вот видишь. Оно даже лучше, что все обезличено.

Том кивает, и по его лицу скользит призрачная улыбка. Он даже слегка распрямляет спину.

– Знаешь, когда-то я думал, что мы получаем то, что имеем в жизни, благодаря упорному труду, потому что мы это заслужили, – задумчиво произносит он, поставив локти на стол. – Нет-нет, пойми меня правильно. Упорный труд тоже важен. Но, похоже, удача играет гораздо большую роль, чем я когда-то думал.

Я думаю о Тео. О Северин. Об удаче или отсутствии таковой. Что и говорить, мысль малоприятная. Обвинять во всем удачу означает, что на их месте мог быть любой из нас, *если б не благодать Господа*.

– Ладно. Хочешь еще? – спрашивает Том, стряхивая с себя задумчивость.

– На этот раз плачú я.

– Нет. В твоём кармане пока пусто. Так что угощаю я, – он улыбается мне. – Вот когда фирма «Ченнинг и Ко» начнет зарабатывать миллионы, тогда и вернешь мне должок. С процентами.

Я улыбаюсь ему в ответ и смотрю, как Том направляется к бару. Пока бармен выполняет его заказ, он снова проверяет свой телефон. Возможно, это его служебный. На какое-то мгновение у меня вновь возникает ощущение, что передо мной вроде как Том и в то же время не Том. Или другой Том – не тот, которого я всегда знала.

Вечер между тем тянется дальше. Мы переходим в соседнюю пиццерию, где к нам присоединяется Лара. Мы с ней вдвоем сидим напротив Тома за столиком на четверых. Мы празднуем, но не совсем. Мы соболезуем, но не совсем. В пабе существовал некий тонкий баланс, и мы с Томом его поддерживали. Теперь же присутствие Лары на глазах уничтожает это равновесие. Том сделался молчаливее. Лара постоянно вертится и ёрзает. Я слишком насторожена, хотя и не настолько трезва, чтобы понять, что происходит на моих глазах. И все это время Северин тоже сидит за столиком, делая вид, что происходящее ей совершенно не интересно, однако я подозреваю, что эти черные глаза впитывают каждый нюанс.

– По крайней мере, Модан от нас отстал, – внезапно говорит Том, или же я что-то пропустила. Возможно также, что я не единственная, кто замечает присутствие Северин. Лара отдирает этикетку с бутылки «Сан-Пеллегрино». На какой-то миг руки ее замирают, а затем она возобновляет свое занятие.

– Он ведь от тебя отстал, я правильно понял? – спрашивает Том, глядя на меня.

– Вроде бы. – Я не смотрю на Лару.

– Он допрашивал Себа? – спрашивает та. Теперь ее очередь избегать наших взглядов. Ее голос неуверенно подрагивает. Мне почему-то кажется, что она уже знает ответ.

Том вопросительно смотрит на меня.

– Да, сегодня, – осторожно отвечает он.

Теперь на меня вопросительно смотрит Лара.

– Всё в порядке, – не без вызова говорю я. – Вы имеете полное право упоминать его имя в моем присутствии. Не волнуйтесь, никакой истерики с моей стороны не будет. – Они по-прежнему вдвоем смотрят на меня. – Я совершенно серьезно, – добавляю, видя в их глазах недоверие. – Всё давно уже в прошлом. В любом случае мы будем жить в одном городе. И что теперь?..

Не закончив предложение, я пожимаю плечами. Действительно, что теперь? *Мы непременно где-то пересечемся? Мы должны вести себя прилично? Теперь у каждого своя жизнь?*

Северин смотрит на меня своими черными глазами, и в кои-то веки их взгляд мне совершенно понятен: презрение. Меня как будто бьет током.

– В таком случае как его дела? – спрашивает Лара у Тома.

– Предательница, – шутливо оскорбляюсь я. Том сначала отвечает на ее вопрос коротким смешком, затем хмурится и смотрит в свой стакан с

красным вином, как будто не знает, что в нем. *Пиво до вина – не болит голова...*

– Если честно, не знаю, – признается он. – Я видел его позавчера вечером, но мельком. Он был с Алиной, так что поговорить не удалось. – Том снова хмурится и еще ниже съезжает со своего стула. – Но есть что-то такое... Мне показалось, он не в лучшей своей форме. Я имею в виду физически, что совершенно на него не похоже. Ну, вы ведь в курсе, он любитель зависать в «качалке»... В общем, не знаю.

Я представляю Себа, вернее, мой любимый его образ: в джинсах, но с голой грудью – словно с рекламы джинсов «Ливайс». Как же он красив! Насколько полон жизненной силы! У меня перехватывает дыхание. Я люблюсь им и одновременно думаю о скоротечности этой красоты. О нашей смертности.

Между тем Том задумчиво продолжает:

– Каро тоже видела его, если не ошибаюсь, пару раз. Надо спросить у нее, что она думает.

Ага, Каро видела его пару раз... Северин в упор смотрит на меня, в уголках ее рта затаилась усмешка. Я думаю, что бы такого сказать, потому что должна как-то на это отреагировать.

– То есть ты еще не успел показать ему свою новую шикарную тачку? – уточняю я. Том улыбается и качает головой. – Он явно позавидует тебе.

– Не вижу причин, – говорит Лара; она все еще возится с бутылкой. – Вряд ли он купил бы себе такую. Для этого ему не хватает оригинальности.

Я смотрю на Тома: мое удивление отражается и на его лице. Мы оба молчим. Лара поднимает голову:

– Разве я не права? Он привык следовать моде, а не диктовать ее.

– Это не совсем справедливо... – начинает Том, но останавливается.

Я по-прежнему смотрю на Лару. Она права: это совершенно справедливо, просто я сама ни разу не задумывалась об этом. Лара девушка умная, этого у нее не отнять. Иное дело, что обычно она не проявляет склонности к психо-анализу.

– Откуда в тебе такая пронизательность? – бормочу я.

Она опускает голову и принимается рвать на клочки салфетку. В моей голове тотчас раздается пронзительный сигнал тревоги, который эхом отдается в животе.

– Ты снова перемывала нам косточки? – спрашиваю я.

Лара поворачивает голову и одаривает меня сердитым взглядом. Я внутренне морщусь, однако тотчас вспоминаю, что мы с ней здесь не одни.

Увы, я опоздала. Том уже выпрямился и наострил уши.

– В чем дело? – спрашивает он, видя, что мы продолжаем молча сверлить друг дружку глазами.

Впрочем, через пару секунд Лара уступает и закатывает глаза.

– Давай, выкладывай, – говорит она и вновь берется терзать салфетку.

Я поворачиваюсь к Тому. Слова даются мне нелегко, но я стараюсь подыскать самые верные.

– Лара... завязала дружбу с нашим любимым французским детективом.

Том и так уже сидит как вкопанный. Но после моих слов кажется, будто даже кровь остановилась в его жилах.

– Понятно, – говорит он спустя мгновение. Лицо каменное, голос лишен всяких эмоций.

– Ничего тебе не понятно. – Лара внезапно на грани слез. – Между нами ничего не было и ничего не будет, пока не закончится это гребаное расследование, а теперь и еще дольше... – Она внезапно умолкает, затем скатывает салфетку в шарик и, отказываясь смотреть на нас с Томом, отталкивает ее от себя.

– А почему теперь еще дольше? – с тревогой спрашиваю я. Она не отвечает. – Лара, почему? – требовательно повторяю я свой вопрос.

Она качает головой. Впрочем, это по-прежнему Лара, жизнерадостная особа, не умеющая хранить секреты – ни от нас, ни от Модана.

– Потому что они разговаривали с братом, – убитым голосом говорит она. – В смысле, с братом того строителя. Он сказал, что засыпал колодец в субботу. В день нашего отъезда.

– Но... – Я резко умолкаю. Наконец появилась официантка с давно заказанными пиццами и ставит их перед нами.

Я хмуро смотрю на Тома. Его лицо ничего не выражает; он как будто опустил жалюзи. Наверное, затем, чтобы я не видела, как он воспринял новость про Лару и Модана. Мне же почему-то кажется, что известие про колодец его не удивило. По большому счету, он вообще ни разу не удивился с той минуты, когда впервые позвонил мне.

– Но... – повторяю я и снова умолкаю; это Том обрывает меня едва заметным движением головы. Он нарочно смотрит на Лару. Та по-прежнему сидит, опустив голову, однако видно, что она уже овладела собой. Красные пятна на ее щеках постепенно бледнеют. Затем Том смотрит на меня и вновь едва заметно качает головой. Мне понятно, что это значит: *только не в присутствии Лары.*

Лара поднимает голову; ее фарфоровые голубые глаза полны тревоги.

– Зря я тебе сказала, – сокрушается она, глядя то на меня, то на Тома. – Пожалуйста, никому не говори, что это я тебе сказала.

– Лара, ведь это мы, – успокаиваю ее я. – Разумеется, мы никому не скажем.

Том кивает в знак согласия. Я же мысленно спрашиваю себя: кому мы можем сказать? И почему Модан стал бы возражать?

– Ну хорошо, – говорит она, слегка успокоившись. – Просто дело в том, что он слегка расстроен тем, что не может исключить нас из числа подозреваемых. Мы с ним планировали на следующих выходных встретиться в Париже, а теперь... – Лара смотрит на свою пиццу. Похоже, она вот-вот расплачется.

В какой-то момент на меня нисходит озарение: я вижу, что Ларе кажется, будто она потеряна. Не просто уик-энд во Франции, полный пьянящего предвкушения срывания одежд и бурного секса с новым партнером. Впечатление такое, будто для нее это был бы первый и последний уик-энд в ее жизни.

Я не помню, было ли у меня так с Себом. Помню лишь фазу срывания одежд. Но в наши дни никто не выходит замуж, учась в университете, да и сразу после его окончания. Мне всегда казалось, что мы играем в долгую игру. Во Франции я поняла: Себ вообще прекратил всякие игры.

– В таком случае тебе просто придется провести выходные с нами, – говорю я и кладу ладонь на ее руку. – Честное слово, обещаю тебе два дня эпического разврата. Совершим набег на магазины Кингс-роуд. Посмотрим какую-нибудь романтическую комедию. И, конечно же, бесконечное декадентское чревоугодие и абсолютный перебор белого вина. – Мои соблазнительные предложения вознаграждаются слезливой, но искренней улыбкой Лары.

– Не имею ничего против романтической комедии, но могу я просить быть избавленным от набега на магазины? – сухо осведомляется Том.

– Ни за что! – пытается восстановить утраченное равновесие Лара. – Ты слишком похож на американца. Тебе в срочном порядке нужно обновить гардероб, если ты хочешь, чтобы тебя принимали за лондонского метросексуала.

– Но хочу ли я, чтобы меня за него принимали? И что вообще это такое, метросексуал?

Я жую пиццу и наблюдаю за их словесным поединком, как то обычно водится между ними. Правда, я не уверена, что это уже как обычно. Они были такими до той недели во Франции, они были такими, когда спали вместе... нет, конечно, что-то, возможно, было не так, я наверняка

пропустила какие-то нюансы. И вот теперь Том понял: Лара влюбилась – или, по крайней мере, увлечена – кем-то помимо него. Разве между ними может быть все как раньше? Наверное, это лишь привычка, усвоенное поведение, которое они даже не замечают? Возможно, я научусь чему-то такому с Себом, и мы, всякий раз встречаясь с ним в Лондоне, будем вместе легко скользить по поверхности. Это так по-британски... Все прекрасно, главное – не упоминайте войну.

Наш ужин подходит к концу. Лара направляется в туалет. Том с каменным лицом провожает ее взглядом. Я не знаю, как мне поступить. Что называется, спросить его в лоб или тактично промолчать. Мы с ним ни разу откровенно не говорили о ней – точно так же, как никогда не обсуждали с ним Себа. Но, может, на этот раз мне стоит растянуть приглашение?

– С тобой всё в порядке?

Он не отвечает... вообще делает вид, будто не слышал вопрос. Но как только она отходит довольно далеко, наклоняется ко мне и шепчет:

– Послушай, Ларе лучше ничего не говорить. Особенно если это как-то связано с расследованием. Потому что все, что ты ей скажешь, тотчас станет известно Модану.

Умоляющие нотки в его просьбе заставляют меня тоже податься вперед. Теперь мы – зеркальное отражение друг друга.

– Знаю. Я все отлично понимаю. Но что такого опасного я могу сказать? Нам ведь совершенно нечего скрывать. – Разве что про Каро и наркотики. Северин снова смотрит на меня. Она почти как живая, лишь ее насмешливые глаза темны, словно глазницы в белом, блестящем черепе.

Том резко машет рукой, как будто что-то отрезает.

– Дело не в этом. Теперь полиция пытается выяснить, вдруг у кого-то из нас имелся мотив.

– Но ведь никто из нас даже не был с ней раньше знаком. Только Тео. Какой мотив они могут придумать? – Если Лара сейчас выйдет из туалета, она увидит, что мы, словно заговорщики, сидим голова к голове. Наверняка это покажется ей подозрительным. Я откидываюсь на спинку стула.

– Стандартный набор. Припадок ревности. Отвергнутую любовь... – Он пристально смотрит на меня.

– Отвергнутую любовь? Но ведь не было никакой... – Я смотрю на него, на веснушки на его крупном носу, и мир начинает вращаться вокруг меня. Том мог вложить в эти слова какой угодно смысл. Я даже не знаю, с какой стороны следует приступить к его распаковке.

Впрочем, я лишена этой возможности, потому что Том вдруг заявляет:

– ... в Штатах не отпуск, а насмешка. Сейчас, когда я снова дома, я

мечтаю наконец о нормальном, длинном-пре-длинном отпуске. – Я удивленно смотрю на него. Он оборачивается через плечо. – А, Лара... мы только что обсуждали отпуск. У тебя есть какие-то планы?

– Наверное, Кейт уже сказала тебе, что мы с ней подумываем о сафари...

Лара садится за стол и продолжает без умолку трещать. Я смотрю на Тома. Он смотрит на меня, но я ничего не могу понять по его лицу. Оно совершенно ничего не выражает. Никогда бы не подумала, что Том на такое способен. Но, опять-таки, ведь это другой Том. Вроде как Том, но уже не прежний. Интересно, неужели все, кого я знаю, тоже не те, кем я их считаю? Что, если никто никого толком не знает?

Но в таком случае знает ли кто-нибудь меня?

Глава 8

Я звоню Тому на следующее утро. Нет, конечно, не первым делом, только-только проснувшись. Да и проснулась я поздно. Вообще-то, когда я беру в руки телефон, утро уже трудно назвать утром.

– Кейт, – отвечает Том после пары гудков. Его голос звучит сонно; он ниже и более хриплый, чем обычно.

– Извини, я тебя разбудила? – На самом деле извиняться мне нет резона. В это время суток я считаю себя вправе звонить кому угодно.

– Нет, я уже был в спортзале. – Возможно, причина хрипоты его голоса – вчерашний алкоголь. В трубке раздается зевок. – Я знал, что ты мне позвонишь. Не хочешь заглянуть в гости? Может, что-нибудь сообразим на обед?

С одной стороны, я рада, что мне не нужно просить его о встрече. С другой стороны, мне обидно, что он считает меня такой предсказуемой.

– Уговорил. – Я смотрю на часы и произвожу мысленные подсчеты. – Половина двенадцатого тебя устроит?

– Отлично. До встречи.

В метро толпы народа. Что поделать, уик-энд есть уик-энд. Туристы, семьи с детьми, подростки, парами или стайками. Впечатление такое, что в субботу и воскресенье никто никуда не ездит поодиночке. Эта линия частично проходит по тоннелям, частично – по поверхности. В окне мелькают то зеленые, поросшие кустарником насыпи, то бледное отражение вагона. Ни то ни другое не дает представления о Лондоне. У меня в голове вертятся слова Тома. Вертятся с той самой минуты, как я проснулась. Возможно, они вертелись там целую ночь, но где-то в глубинах подсознания. *Приступ ревности. Отвергнутая любовь.* Я не даю своим мыслям унести куда-то дальше. Я держу свое воображение в узде. Право на существование дано только этим словам. *Приступ ревности, отвергнутая любовь.* Затем мысли резко обрываются. По идее, Северин сейчас должна быть где-то рядом, злорадно улыбаясь уголками рта. Но ее нет, что не может не настораживать.

Приступ ревности. Отвергнутая любовь. Это ничего не значит. Не должно значить. Но вот я: схватила сумочку, на ходу наспех причесала волосы – ладно, и так сойдет – и опрометью бросилась к Тому, как, кстати, он и предвидел. Удивительно, что его почти ничего не удивляет.

Квартира Тома расположена на тихой зажиточной улице, вдоль

которой выстроились дома эпохи Регентства – с высокими потолками, большими окнами и громадными счетами за отопление. Я нажимаю на дверной звонок верхнего этажа. Спустя пару секунд раздается противное жужжание и входная дверь открывается. Общий вестибюль находится на пути к достойной бедности. Когда-то толстые ковры за долгие годы вытоптаны посередине почти до дыр. Я поднимаюсь по скрипучей лестнице в квартиру Тома. Он уже заранее приоткрыл дверь. В щель шириной в два дюйма мне виден кусок его прихожей. На столике у стены валяется газета. Я толком не помню, когда последний раз была здесь. Помню лишь то, что заявлялась сюда всего раза три-четыре, и то не одна, а всегда с компанией по случаю вечеринки или типа того. И вот теперь, когда я легонько стучу в дверь одна, у меня внезапно сдают нервы.

– Я в кухне, – раздается баритон Тома, пусть еще не совсем бархатный, но уже без охриплости.

Я закрываю за собой входную дверь и иду на голос Тома. И тотчас попадаю в комнату с открытой планировкой – на одном конце кухня, на другом – что-то вроде гостиной, а между ними – огромный стеклянный обеденный стол. В той части комнаты, которая гостиная, высокие, от пола до потолка, окна выходят на небольшую террасу. Том стоит в кухне у плиты и колдует над сковородкой.

– Я что-то этого не припомню, – говорю я, подходя к нему. Пусть я была в его квартире всего пару-тройку раз, этой комнаты я точно не видела.

Том одной рукой заключает меня в объятия, так как вторая занята сковородкой, в которой лежит самый огромный в мире испанский омлет.

– Перед тем как уехать в Нью-Йорк, я сделал перепланировку. Правда, получил от нее удовольствие не я, а арендатор. Ну как, нравится? – небрежно спрашивает он. Но мне видно: мой ответ ему безразличен.

– Потрясающе, – искренне восхищаюсь я. Квартира современная, но без всяких резких линий. Тепло и уютно. В отличие от квартиры Каро. В отличие от самой Каро. – Здорово получилось. Помочь? – спрашиваю я и указываю на плиту. Это не тот вопрос, который мне хочется задать, но я не знаю, как подобраться к тому, что мне интересно, после разговора о ремонте квартиры в залитой солнцем кухне.

– Спасибо, уже почти готово. Ты садись. – Он жестом показывает на барные табуреты по другую сторону стола. – Надеюсь, ты не станешь возражать против омлета.

– Нет, это самое то. Спасибо. – Я забираюсь на высокий табурет и, пока Том орудует у плиты, смотрю на его спину. Похоже, он только что из-под душа. Его волосы все еще влажные. Он в джинсах; рукава рубашки

закатаны. Не знаю почему, но рядом с ним мне мерещится Себ. Себ, каким он был. Адонис среди мальчишек. Какой он сейчас, мне не известно. *Приступ ревности. Отвергнутая любовь.* Том тоже уже не мальчик. Он с быстрой улыбкой оборачивается через плечо. Я инстинктивно отворачиваюсь, как будто он застукал меня за разглядыванием его тела.

– Готово, – сообщает Том и, ловко разрезав омлет пополам, кладет половинки на тарелки. – Вуаля!

– Мерси, – говорю я и вновь умолкаю, натужно пытаюсь придумать, что сказать дальше. – Любишь готовить?

Том устраивается на соседнем табурете.

– Не особенно. Просто люблю есть свежую пищу, – отвечает он и пожимает плечами.

Омлет отменно хорош. По-настоящему хорош. Мы уплетаем его за обе щеки. По крайней мере, Том. Мой аппетит меня подводит. Я ела вместе с Томом не один раз, но сегодня я делаю это впервые в его кухне и ем то, что он сам приготовил. По идее, нас должно объединять дружеское молчание. Ведь так у нас с ним было всегда. Но не сегодня. Сегодня все по-другому. Сегодня мы сами другие. Я смотрю на Тома. Вид у него усталый, морщинки вокруг круглых глаз кажутся резче и глубже, чем обычно. Возможно, он стал даже бледнее, а его веснушки – еще заметнее.

– Значит, – говорит Том, проглотив очередной кусок, – Лара и Модан? У них все серьезно?

Я недовольно морщусь.

– Да, она явно увлечена им, – говорю я так, как будто в этом есть моя вина. Похоже, этот вопрос не давал ему спать всю ночь.

– Ну, это видно с первого взгляда. – Его голос начисто лишен эмоций. Отправив в рот очередной кусок омлета, он задумчиво его жует, уставившись куда-то в пространство. – Это далеко не идеально.

Не идеально. Какая, однако, странная, флегматичная фраза, когда у тебя разбито сердце...

– Пожалуй. Причем по всем фронтам, – говорю я и кладу вилку. Не могу ни есть, ни ждать. Поворачиваюсь на табурете и смотрю на его профиль. – На что ты намекал вчера вечером?

Он поворачивает голову и, слегка наклонив ее, задумчиво на меня смотрит. Затем кладет вилку и нож. Впрочем, его тарелка уже пуста. Огромный омлет съеден в один присест. Том прекрасно понимает, что я имею в виду, и, надо отдать ему должное, не пытается изобразить недоумение.

– Северин была девушка привлекательная, – осторожно произносит он.

Я киваю. Кстати, где она? Ей наверняка было бы интересно послушать наш разговор. – Похоже, Модан отказывается верить, что никто из нас с ней не спал. Поэтому он играет в игру под названием «что, если». Что, если... что, если Том спал с Северин? Но это крайне маловероятно, так как всем известно, что в ту неделю я был с Ларой. Модан же явно считает, что Лары для одного мужчины более чем достаточно. – Голос Тома полон иронии. Затем он умолкает. Мне непонятно, то ли он вспоминает прошлое, то ли смотрит в будущее. В любом случае это явно что-то не слишком радостное. – Но что, если с Северин спал Себ? Это уже делает ситуацию гораздо интереснее.

Он снова умолкает и в упор смотрит на меня. Вопрос, который я сейчас задам – и мы оба это знаем, – буквально повис между нами. Можно протянуть руку и потрогать его.

– Я хочу это знать, – тихо говорю я.

Том отворачивается и проводит рукой по волосам, затем снова пристально смотрит на меня.

– Тебе действительно хочется это знать? – В его голосе слышатся резкие нотки. – После стольких лет? С той недели во Франции минуло десять лет – десять лет плюс свадебные торжества...

– Я хочу знать, считали ли меня круглой дурой. – Мой голос звенит обидой. Мое терпение на исходе. – Я хочу знать, что происходило у меня перед носом, о чем прекрасно знали мои друзья, но ничего мне не сказали.

– То есть все дело в гордости.

– Да. Или нет. Не знаю. Скажи, он трахал ее?

– Да, – просто отвечает Том.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но не знаю что. И закрываю рот. Гордость, думаю я. В этом Том совершенно прав. Моя гордость задета, причем весьма болезненно. И тут наконец появляется Северин. Она смотрит на меня с другого конца кухни, и мои пальцы невольно сгибаются, готовые содрать кожу с этих гладких щек. Это желание такое сильное, что я ужасаюсь самой себе. Бедная девушка давно мертва. Как можно ей теперь завидовать? Северин смотрит на меня. Интересно, она знает, о чем я думаю? Затем она равнодушно отводит взгляд в сторону, как будто мое мнение ей не интересно. Том, нахмутив лоб, также смотрит на меня. Я начинаю соскальзывать с табурета.

– Нет, – строго говорит он и хватает меня за руку. – Даже не вздумай сбежать. Ты хотела знать. Значит, сядь и выслушай все до конца, вместо того чтобы строить в голове разные безумные сценарии. – Он в упор смотрит на меня. – Кейт, пойми, это не какая-то там теория заговоров.

Никто не шептался за твоей спиной. Это было всего лишь раз. Только в последнюю ночь. Об этом вряд ли кто знает. Даже Себ и тот не в курсе, что я об этом знаю.

Я пытаюсь переварить сказанное, одновременно подавляя порыв к бегству. В последнюю ночь.

– То есть после ссоры, – говорю я. Том кивает. Его пальцы отпускают мою руку. Теперь он ее гладит – от плеча к локтю и обратно, в попытке успокоить меня. В последнюю ночь, после ссоры... – Ты сказал, что об этом вряд ли кто знает. Кто еще?

– Точно утверждать не могу, – неуверенно отвечает он. – Может быть... Каро.

– Каро. Разумеется. Кто, как не она. – Из всех, кто там был, это могла знать только она. Я готова спорить на что угодно: Каро была страшно рада разжиться этим секретом, чтобы в нужный момент воспользоваться им с максимальной для себя выгодой. Представляю, какое чувство собственного превосходства он ей дарил. Мои руки невольно сжимаются в кулаки. Я заставляю себя сделать глубокий вдох и разжимаю их. – А как ты об этом узнал?

– Я их видел, – признается Том. – Точно не знаю, но думаю, что Каро тоже. По крайней мере, она быстро сообразила, что к чему.

Мне видно, что он следит за моей реакцией, пытаюсь понять, стоит ли сообщать мне подробности. Впрочем, похоже, идти на попятную Том не намерен. Он отпускает мою руку и снова ерошит себе волосы. Мне почему-то кажется, что он предпочел бы ничего не видеть. Кстати, а что, собственно, видел Том? Я готовлюсь к худшему. Эта ядовитая мысль постепенно разъедает мне мозг. Вскоре я уже не вижу ничего, кроме Себа и Северин, слившихся в объятьях в разных ракурсах, искусно подсвеченных на голливудский манер. Вдруг на меня совершенно неожиданно сваливается внушительная доза прагматизма. Последний вечер нашего отдыха во Франции, тот полный событий вечер... По логике вещей, это могло произойти только после той пресловутой ссоры. Правда, к тому моменту Себ был уже так пьян, что, если хорошенько призадуматься, просто удивительно, как ему это вообще удалось. Я почти уверена: в ту ночь никакой «голливудской подсветки» не было. И все же...

– Откуда тебе известно, что это не происходило всю неделю? Может, ты просто ничего не замечал?

– Да ладно, – говорит Том и выгибает бровь. – Ведь мы говорим о Себе. Увертки и конспирация никогда не были его сильной стороной. – Я никак не реагирую на его слова. Том вздыхает и пристально смотрит на

меня. Он совершенно серьезен. – А ты никогда не задумывалась? Даже после того, как вы с ним расстались? – Я качаю головой, хотя мы оба знаем, что я лгу. – Кстати, почему, по-твоему, вы расстались?

– Господи, Том... Может ли хотя бы кто-то ответить на этот вопрос? Почему расстались вы с Дженной? – Это мой контраргумент. Иного у меня не нашлось.

Том даже бровью не ведет и продолжает в упор смотреть на меня.

– Потому что я ее не любил. Вернее, любил, но не как ту, с кем мне хотелось бы прожить до конца моих дней.

Его жестокая честность лишает меня дара речи. Я будто загнипнотизирована его пронзительным взглядом. Как же он похоже на Себа!.. Вернее, не похож. Теперь мне в глаза бросаются различия, а не сходство...

Я все еще пытаюсь нащупать ответ, когда звонит телефон и от вибрации едва не подпрыгивает на столешнице. Том смотрит на него ровно столько, сколько нужно, чтобы понять, кто звонит, затем берет трубку и строит полную раскаяния гримасу.

– Извини, это с работы. Только никуда не уходи.

Я соскальзываю с табурета и перехожу в ту часть комнаты, которая является гостиной. Кстати, а почему мы с Себом расстались? Я оборачиваюсь на Тома. С телефоном в руке он расхаживает по кухне, этокое ходячее олицетворение деловитости. Я снова отворачиваюсь к гостиной и от нечего делать принимаюсь разглядывать фотографии в рамках, выставленные на полке. Вот он с родителями и младшей сестрой в день окончания универа. Отцовская рука крепко лежит на его плече, а сам старик гордо улыбается. Я тотчас с болью вспоминаю собственного отца. От неожиданности у меня даже перехватывает дыхание. Быстро перехожу к следующему фото. Себ и Том, обоим на вид лет пятнадцать, рядом с парусником некоего джентльмена, который может быть только отцом Себа. Тощая, как щепка, фигура Тома слегка повернута боком, как если б он в момент, когда делался снимок, собирался шагнуть в лодку. Отец Себа положил ему на плечо руку, заставляя повернуться к объективу. Себ стоит по другую сторону от отца и, широко улыбаясь, смотрит прямо в камеру. Это не тот Себ, которого я знала. Когда мы с ним познакомились, он был более «завершенным». Этакий отполированный до блеска продукт. Я довольно долго смотрю на это фото и думаю о разных ипостасях Себа, включая ту, что изменяла мне. При этой мысли меня грозит захлестнуть бездонное море желчи, плещущееся в моем желудке. От обиды, грозя задушить меня, к горлу подкатывается комок тошноты.

Почему мы с Себом расстались? Действительно, почему?

Мне давно пора перестать думать об этом.

Том между тем продолжает говорить по телефону. Вернее, грузить собеседника.

– Вообще-то нет, – авторитетно заявляет он. – Базовый риск значителен. И кто-то должен взять его на себя. И если это делаем мы, то нам за это положено вознаграждение. Но реальная проблема в другом – им требуется совершенно другая структура. И тут мы должны опередить их, сделать презентацию и просветить их на этот счет. – Я ловлю себя на том, что, пока Том говорит, мой взгляд прикован к нему. Он по-прежнему расхаживает по комнате, акцентируя правой рукой свои доводы. Пару секунд я смотрю на него глазами хедхантера, оценивая его словно кандидата, попавшего в сети фирмы «Ченнинг и Ко». И понимаю: передо мной типичный устранитель проблем, что в принципе соответствует его диплому инженера, вот только почему-то раньше я не обращала внимания на эту его сторону. Почувствовав на себе мой взгляд, он поворачивается ко мне, показывает два пальца и одними губами произносит: «Две минуты». Я киваю и делаю вид, что рассматриваю очередное фото. И тут выясняется, что я смотрю на себя, любимую.

Разумеется, на снимке я не одна. Рядом со мной Том, а рядом с ним – Лара. Мы сидим на бортике бассейна во Франции, болтая ногами в воде. Лара почти вываливается из своего бикини и выглядит так, как выглядит всегда, – как будто она только что встала с постели после нескольких часов томного секса и не отказалась бы продолжить это занятие. Том – это Том. То есть тот, кого я знаю лучше всего: спокойный, уверенный в себе, комфортно чувствующий себя в своей коже, но при этом незаметно за всем наблюдающий. Я же – та Кейт, которая мне нравится меньше всего: сижу перед камерой, неловко скрестив на животе руки, на лице – вымученная улыбка. Неудивительно, почему к концу той недели все мои улыбки были вымученными.

Внезапно я понимаю: Том стоит позади меня и из-за моего плеча смотрит на фото. И когда только он успел завершить свой разговор?

– У тебя тут потрясающие ноги, – игриво говорит Том.

Я улыбаюсь, тронутая его словами. Как истинный джентльмен, он решил сделать мне комплимент, хотя явная секс-бомба на снимке, конечно, Лара. Я кивком показываю на фото с парусником.

– Ты в детстве часто ходил под парусом? – Это единственное, что приходит мне в голову.

Том пожимает плечами:

– Парусным спортом увлекался дядя Эдвин. Он учил Себа и меня. – Том смотрит на фото чуть дольше. – Ты в курсе, что, пока я не получил стипендию, он оплачивал все расходы по моему обучению?

Дядя Эдвин. Лорд Харкорт. Я качаю головой:

– Нет, не в курсе. – Я на мгновение задумываюсь об этом: младшая сестра и ее муж-преподаватель без гроша в кармане живут за счет щедрости лорда, хозяина загородного поместья. – Это наверняка должно было как-то отразиться на семейных отношениях.

Том пристально смотрит на меня.

– Нет, это было... – начинает он явно заученную наизусть фразу, но вдруг умолкает. – Вообще-то да, – признается он наконец. – Мои родители никогда не говорили на эту тему, но я видел: как только я получил стипендию, они вздохнули с облегчением. – Он снова смотрит на фото. – Правда, мне было неловко перед Себом, потому что он с ней пролетел.

– Но ведь вы двое вроде бы никогда не соперничали, – говорю я, слегка сбитая с толку.

Том пожимает плечами:

– Себ любит во всем быть победителем. – Прежде чем до меня доходит смысл этой фразы, он отворачивается от фото. – Ладно, на чем мы с тобой остановились?

– Давай не будем возвращаться к той теме.

Его губы кривятся в виноватой улыбке.

– Извини, что раньше не говорил тебе об этом.

– Не смей меня. Себ – твой двоюродный брат. – Как я могу обвинить Тома в том, что он хранил секреты Себа? А вот обвинить Себа в том, что они у него были, я очень даже могу. Что и делаю.

– Да, но... В любом случае ты сама хотела узнать. – Он плотно сжимает губы и снова в упор смотрит на меня: – Теперь, когда ты все знаешь, тебе стало легче?

Я отворачиваюсь и тру ладонями щеки.

– Господи, не знаю... Еще не решила, как к этому относиться. – Неужели Том думает, что я восприняла все слишком болезненно? Или, наоборот, слишком легко? Что я должна расстроиться больше или, наоборот, меньше? Кстати, а в какой степени я расстроена? Как вообще положено воспринимать измену десятилетней давности?

– Кейт, – говорит Том слишком громко, будто обращается ко мне в сотый раз. Хотя кто знает, может, и в сотый... Я поворачиваюсь и вопросительно смотрю на него. – Полиция наверняка попытается повесить это убийство на кого-то из нас, – негромко произносит он. – Отец Тео

говорит, что этот случай имел во Франции громкий резонанс. Газеты наперебой обвиняют полицию в том, что убийца не был найден еще десять лет назад. На полицейских давят со всех сторон, требуя от них результат.

– Но при чем здесь мы? – возмущаюсь я голосом обиженного на весь мир ребенка. Ведь это *несправедливо*. «Жизнь вообще несправедливая штука», – наверняка ответил бы Том. Можно подумать, я этого не знаю. Потеряв сначала Себа, а вскоре за ним – отца, пусть даже иначе, я давно усвоила: жизнь и справедливость не имеют точек соприкосновения.

Том даже не считает нужным спорить со мной по этому поводу. Он уже говорит дальше:

– Думаю, тебе стоит найти адвоката.

– Адвоката? – переспрашиваю я. – Ты серьезно? – Он хмуро кивает. – А у тебя он уже есть?

– Нет. Но моя вторая половинка не спала с девушкой, которая впоследствии была найдена компактно сложенной, словно фигурка-оригами, на дне колодца.

Я вижу, как белый череп Северин ухмыляется мне поверх груды чистых белых костей. У меня перехватывает дыхание.

– Ну, раз ты так выразился...

– Это Модан и французская полиция вскоре так выразятся.

– Но ведь они же не знают, что он с ней...

Том кивает:

– Да. Но еще есть Каро. Я точно не знаю, что ей известно. И я не знаю, скажет ли она им что-нибудь, однако...

Том неопределенно машет рукой. Я понимаю, он пытается подчеркнуть, что нельзя ничего утверждать – *может, да, а может, нет*. Но я знаю правду, и правда такова: *Каро наверняка скажет*. Если только у нее нет некоего корыстного интереса, который я еще не успела разгадать, я не сомневаюсь: Каро скажет. Если уже не сказала. Я смотрю на Тома. И мои мысли бегут по всем этажам мозга.

– У них уже имеются улики, чтобы предъявить нам обвинения? Такие вещи не строятся на одних допущениях.

Том пожимает плечами:

– Я не большой знаток французского уголовного права.

– Я тоже. – В данный момент это кажется мне страшным зиянием в моем юридическом образовании. – Значит, ты на полном серьезе советуешь мне нанять адвоката? – в конце концов говорю я.

– Да. – В глазах Тома нет и тени сомнения.

– Что ж, если надо, значит, найму. – Я все еще смотрю на него, голова

моя идет кругом.

– И прекрати разговаривать на эту тему с Ларой, – все не может успокоиться Том.

– Да-да, хорошо. – Он смотрит на меня, как будто ждет чего-то большего, но я лишь повторяю: – Хорошо.

Он кивает и с облегчением вздыхает:

– Отлично.

* * *

Домой я возвращаюсь на такси – не хочу вновь попадать в шум и давку метро. Мои нервы напряжены до предела. Задень меня случайно кто-нибудь, и я покроюсь трещинами. Водитель пытается заговорить со мной, но, не получив ответа ни на один свой вопрос, тоже умолкает. Пока мы едем, на экране мобильного высвечивается имя Лары, а сам телефон настырно трезвонит. Я смотрю на него и вижу, как от него во все стороны тянутся нити паутины. От Лары – к Алену Модану. От Лары – к Тому. От Тома – к Себу. От Тома и Себа – к Каро, подруге их детства. От Тома и Себа – к Тео, их университетскому приятелю. От Тео – к Северин. От Северин – к Себу. Если потянуть хотя бы за одну нить, ее дрожание почувствуют и все остальные.

Наконец телефон умолкает. Я не перезваниваю.

Глава 9

К понедельнику Северин нашла еще один способ заявить о своем присутствии – газеты. Ее случай произвел во Франции волны, достойные нескольких дюймов колонки европейских новостей в «Телеграфе». Кстати, делу придана легкая политическая окраска, которая мне не совсем понятна – я не большой знаток французской внешней и внутренней политики за последние десять лет. Кстати, еще одна зияющая дыра в моем образовании. В газете даже опубликовано фото Северин. Впрочем, удивляться нечему: в бикини – а на фото она в бикини – Северин смотрится очень даже фотогенично. Она с равнодушным видом лежит на черно-белом шезлонге, глядя в объектив, и ее совершенно не заботит, что со всех сторон ее окружают слова, которые пытаются воспроизвести ее жизнь и смерть, и тот хаос, который они оставили после себя.

Кстати, фирма «Ченнинг и Ко» тоже засветилась в прессе. В офис, размахивая газетой, входит Пол, сегодня являющий собой идеальный шторм, сочетание прекрасно сшитого костюма, энергии и энтузиазма. Он подтягивает к себе свой график деловых встреч, я же беру у него газету и читаю. Статья хорошая. «Хотя фирма “Ченнинг и Ко”, во главе с Кейт Ченнинг, создана совсем недавно, она располагает опытным штатом сотрудников, которые многим дадут сто очков вперед».

– После такой статьи я снова могу взяться за Кэтфилдсов, – говорит Пол. – Тем более что они не ответили категоричным отказом. Попробую их, а затем Уинтерсонов. Мне тут по секрету рассказали, что в «БиПи» по этому поводу созывали специальный военный совет. – Пол захлебывается от энтузиазма. Наша победа, одержанная над фирмой «Хафт и Вейл», вдохнула в него энергии с огромным избытком. Со стороны может показаться, будто он страдает биполярным расстройством.

Я кладу газету на стол, рядом с Северин. Одна статья, где я названа по имени, другая – где я всего лишь «одна из компании англичан, отдохавших тогда на соседней ферме», которые «теперь помогают полиции в расследовании». Две совершенно разные статьи. Северин продолжает смотреть на меня с шезлонга, и я не могу думать ни о чем другом.

Мне нужен адвокат. Что должно быть довольно смешно, потому что я – хедхантер кадров для юридических фирм. Вот только мне ничуть не смешно. Потому что мне действительно нужен адвокат.

И снова Модан.

Он ждет меня, когда я выхожу из кафе со стаканчиком кофе в руке и бутербродами в сумке. Заметив его рядом с фонарным столбом, я останавливаюсь в дверях.

– *Bonjour*, – здоровается он со мной, сопровождая слова кивком.

Я вздыхаю и подхожу к нему.

– *Bonjour*. Боюсь, у меня сегодня не найдется для вас времени. – К тому же у меня пока нет адвоката.

Он пожимает плечами и шагает рядом со мной.

– Всего несколько минут.

– Боюсь, что у меня нет даже их.

– Тогда я могу говорить, а вы будете кушать свой ланч и слушать.

Я возвращаюсь к себе в офис, но тут до меня доходит, что он, по всей видимости, последует туда за мной. Мне же меньше всего хочется, чтобы Пол и Джулия лицезрели обаятельного Алена Модана и слышали его такие невинные на первый взгляд вопросы, какие он мне непременно задаст. Я останавливаюсь и смотрю на него. Он наклоняет голову и улыбается своей самой подкупающей улыбкой. Глубокие морщины на его длинном лице образуют идеальную рамку для его рта.

– Хорошо. Я вас выслушаю. – Я сворачиваю к ближайшему скверику, где наверняка найдется стоящая на солнце скамейка, при условии, что будет само солнце. Сегодня довольно тепло, так что можно перекусить и на улице.

Скамейка, на мое счастье, пуста. Я осторожно шагаю по булыжнику со стаканчиком кофе в руке, что отнюдь не легко, когда ты на каблуках. Тем не менее я без приключений добираюсь до цели и, поставив стаканчик с кофе на подлокотник скамейки, сажусь на ее краешек. Модан тоже садится на другом ее конце и кладет руки на спинку. Внезапно из-за туч выглядывает солнце. Он закрывает глаза и откидывает голову назад, подставляя лицо его лучам. Сегодня у него под пиджаком бледно-розовая рубашка и серебристый галстук; это смотрится стильно и идет ему. Подозреваю, с каким ужасом он смотрит на мою одежду: платье уже как минимум два года. Но, по крайней мере, на мне дизайнерские туфли-лодочки.

– *Alors*, – говорит Модан, выпрямляясь и принимая деловой вид. Я не обращаю на него внимания и вытаскиваю сэндвич с курицей. – Итак, как было обещано, я буду говорить. У нас есть ответ на вопрос, когда был

засыпан колодец. – Модан выжидающе смотрит на меня. Я помню, что мне не положено этого знать, и вопросительно поднимаю брови, одновременно впиваясь зубами в сэндвич. – В субботу шестнадцатого числа.

Иногда полезно иметь набитый рот. Это дает мне время подумать. О том, что сказать, как сказать или же сказать ли что-то вообще.

– Раньше вы говорили про пятницу. Теперь про субботу, – замечаю я, прожевав кусок. – Откуда у вас такая уверенность, что на этот раз вы правы?

Он наклоняет голову: этакое молчаливое *touché*.

Согласие с моими словами.

– По документам это действительно было в пятницу, но месье Касто – тот, который младший брат, – утверждает, что это была суббота. Он помнит, что к нему из города неожиданно приехала подружка, и они с ней... – Модан красноречиво разводит руками. – Он вернулся в субботу, чтобы закончить работу. – Смотрит на меня, явно ожидая, что я скажу. Но я отправляю в рот очередной кусок сэндвича, и полицейский кисло кривит губы. – Он указал в документах пятницу, потому что так было записано в договоре, а за выполненную в срок работу ему полагалась премия. В пятницу. Вам понятно?

Мне понятно, почему Модан верит месье Касто-младшему. Даже я верю, хотя слышу это не из первых уст.

– И теперь отец Тео потребует, чтобы он вернул премию? – шутливо спрашиваю я.

Модан усмехается:

– Вряд ли для него это является приоритетом: – Последнее слово он произносит с сильным французским акцентом.

Я отправляю в рот очередной кусок и задумчиво жую. Суббота. День, когда мы уехали. Модан снова подставляет лицо солнцу. Прожевав и проглотив кусок, я пытаюсь подтолкнуть наш разговор дальше:

– А во сколько в субботу?

Модан явно ждал мой вопрос. Для него это игра, и он – мастер по ее части. Француз вновь наклоняет голову вперед и несколько раз моргает.

– Он точно не помнит, однако считает, что где-то ближе к полудню.

Ближе к полудню. Северин вполне могла вернуться с автовокзала, и... Что «и»? Стать жертвой убийцы или нескольких убийц, засунувших ее в колодец? У меня перехватывает дыхание. Это не игра. И мне не хочется в нее играть. Сэндвич с курицей внезапно не лезет мне в рот.

– Надеюсь, вы рассматривали в качестве подозреваемого месье Касто, – выпаливаю я, – младшего или старшего.

– *Bien sûr*. Разумеется. – Модан хмуро сжимает губы и наклоняет голову то так, то этак, как будто пытается взглянуть на что-то под разным углом. – Но они... не подходят.

– Как и мы.

Я даже не прячу своего раздражения. Модан пожимает одним плечом. Я встаю, чтобы выкинуть остатки сэндвича в ближайшую урну, злая на себя и на Модана. У меня нет адвоката. Я не должна сидеть здесь с ним. Я беру сумочку и картонный стаканчик с кофе.

Француз наблюдает за моими сборами, однако сам не встает. Его длинные руки лежат вдоль спинки скамьи. Не полицейский, а этакое воплощение спокойной элегантности.

– Не доверяйте незнакомцам, – задумчиво произносит он. – Кажется, вы так говорите, *n'est-ce pas*^[5]? И учите этому в школе детей? Что же касается убийств, то чаще всего... это *bof*, полная чушь. Чаще всего убийца в вашем доме, или на вашей улице, или он ваш коллега. Он рядом. И вы хорошо его знаете.

– Спасибо, что просветили, – нарочито вежливо говорю я. – На этой бодрой ноте я должна вернуться на работу и провести остаток дня, опасаясь своих коллег и соседей.

– Ха! – Похоже, ему действительно смешно, так как его длинное лицо расщепляет улыбка. – Желаю вам приятно провести остаток дня.

* * *

Увы, остаток дня трудно назвать приятным. Дел по горло, так что мне не приходится маяться бездельем. В иной ситуации это был бы вполне обычный остаток рабочего дня, но только не в этом мире, не после этих событий. Когда надо мной нависла тень Модана, а призрак Северин порхает по моему офису, как у себя дома.

Звонит Каро. Я прошу Джулию принять сообщение. Каро звонит или по поводу вечеринки в честь возвращения Себа, или чтобы накачать меня информацией. Скорее всего, и то, и другое. У меня же нет сил ни для чего.

* * *

После работы я встречаюсь с Ларой в баре. Идет расследование или нет, это не повод избегать лучшую подругу. Я вообще не помню, было ли

когда-нибудь так, чтобы я нарочно что-то скрывала от Лары. *Себ переспал с Северин*. Эти слова бьются внутри меня в поисках выхода. Они буквально рвутся наружу, но я загоняю их обратно. И тогда они оседают тяжелым грузом у меня в животе.

Однако Лара, похоже, ничего не замечает – она усиленно хранит собственные секреты. Не спрашивает меня, видела ли я Модана. Вообще не задает ни единого вопроса о ходе расследования. Наоборот, всеми силами старается обойти эту тему стороной. Мне же интересно, встречалась она с ним или хотя бы разговаривала по телефону. И воплотили ли они в жизнь то, о чем перешептывались в аэропорту. Мы болтаем с ней о всякой ерунде, и груз в моем животе делается все тяжелее.

– Мне позвонила Каро, – внезапно сообщает Лара и брезгливо морщит свой хорошенький носик. – Она уже запланировала вечеринку в честь возвращения Себа на четверг. – С мольбой в глазах смотрит на меня: – Ты ведь придешь? Ну пожалуйста...

Приду ли я? Если честно, таких планов у меня не было, но я подумаю.

– Думаю, да. – Все равно я рано или поздно встречу Себа. Так почему бы не пережить этот неприятный момент как можно быстрее?

– Отлично! Потому что без тебя там будет скучища. Каро силой вырвала у меня согласие. Думаю, в какой-то момент она наехала бы и на тебя. Ну, ты знаешь, – задумчиво добавляет Лара. – Хотя мне неприятно это признавать, но с ее стороны очень мило, что она все взяла на себя. Думаю, Себ будет искренне тронут. – Лара делает глоток вина и почти слово в слово повторяет вопрос, который Том задал мне в субботу: – Ты все еще переживаешь? После стольких лет?

Я смотрю на наши стаканы с вином. На стакане Лары с одной стороны виден яркий отпечаток ее помады. На моем – лишь намек на легкое прикосновение губ. Что представляется мне символичным, учитывая мое мрачное интроспективное настроение: нарочитый мотив, призванный проиллюстрировать, что мое существование в этом мире почти не оставляет после себя следов, как будто меня не было вообще.

– Не знаю, – отвечаю я, помолчав. В голове у меня возникает следующий вопрос Тома – *почему, по-твоему, вы расстались?* Я вижу глаза Себа, когда он сказал мне, что между нами все кончено, вижу, как он отводит взгляд в сторону. Тогда я подумала, что ему стыдно. Стыдно по сотне причин, но особенно по одной: что, несмотря на все его заверения, что социальное происхождение не играет роли, в конечном итоге он был вынужден признать, что предпочел кого-то из своего мира. Теперь же у меня иная гипотеза на этот счет, но я не собираюсь делиться ею с Ларой.

– Трудно сказать. Вообще-то я не видела его с тех пор, как он... как он бросил меня.

Лара делает большие глаза:

– Правда? Ни разу? Как такое может быть?

Я пожимаю плечами:

– Сначала я не хотела его видеть, затем заболел отец, и я на какое-то время застряла в Йоркшире. – У отца был рак поджелудочной железы. Я помню, как мне позвонила мать, помню безнадежность в ее голосе, когда она произнесла эти страшные слова, помню, как я первым же поездом вернулась домой. Как молча проплакала все три часа, пока сидела в вагоне на одиночном сиденье напротив багажной полки. К тому времени, когда приехала в больницу, я сама была бледна как смерть и выплакала все глаза. – В любом случае к тому моменту, когда я вернулась, банк отправил его работать в Сингапур или куда-то в этом роде.

– По-моему, в Гонконг. Том и Каро ездили к нему туда. – Лара делает глоток вина; губы оставляют на стакане очередной след ее присутствия на этой земле. – Да, если с тех пор ты ни разу его не видела, тебе трудно *подвести черту* под вашими отношениями.

Ее руки чертят вокруг последней фразы вереницу вопросительных знаков, а голос придает ей легкую американскую гнусавинку.

– Подвести черту, – повторяю я, подражая ей. – Подвести черту. – Делаю долгий глоток из моего стакана, затем произношу эти слова уже собственным голосом, катаю их во рту, пробую на вкус. – Подвести черту. – Я качаю головой: – Нет. Это полная бессмыслица.

Лара хихикает:

– Это в тебе говорит британский дух.

– Скорее, северный. Мы не улыбаемся и терпим, а только терпим и даже не думаем улыбаться.

– А мы, скандинавы, даже не терпим. Просто живем себе дальше.

Мы улыбаемся друг дружке, получаем удовольствие от легкости нашего общения, и груз в моем животе постепенно давит все меньше. Все будет хорошо, думаю я. Когда все это закончится, все будет хорошо.

Это чувство не покидает меня, пока я не сажусь в такси, чтобы ехать домой. Оказывается, Северин уже поджидает меня. Ощущение такое, как будто мне вlepили пощечину. Или грубую оплеуху, чтобы я вернулась на землю. Я тотчас же прихожу в чувство. *Все будет хорошо*. Господи, какая избитая, затасканная фраза... Хорошо не будет. По крайней мере, не всем. И как только я умудрилась временно забыть, что уже давно не верю в счастливые концовки? Когда-то, с Себом, мои чувства по отношению нему,

а его чувства ко мне (по крайней мере, мне хотелось в это верить) напоминали морской прилив, который держал меня на плаву, помогая преодолевать любые преграды. Когда же приливная волна внезапно покатила назад, неизбежное крушение разнесло мою жизнь вдребезги, тем более что я должна была это предвидеть. Впрочем, я и предвидела. Оксфорд дал мне не только академическое образование. Например, я узнала, что свои тянутся к своим. С умной, искренней девушкой из простой семьи можно весело провести время, но во внутреннее святилище мира, в котором обитают Себы, их никогда не допустят. И тем не менее, даже зная это, даже имея все доказательства того, что я заблуждаюсь, я позволила себе уверовать в то, что наши отношения будут иными, что все будет хорошо.

Слава богу, я уже не прежняя наивная дурочка. Я не позволю обмануть себя во второй раз. Мне срочно требуется адвокат.

* * *

– В восемь часов, – настойчиво говорит в трубку Каро. – Знаю, тебе будет нелегко, но я не потерплю никаких отговорок, тем более в последний момент. Тем более что в «Бордерелло» не так-то просто получить столик. – Тон ее голоса представляет собой нарочитую смесь легкомысленной игривости и сочувствия. Но Каро не такая. Не в ее привычках сплетничать, сочувствовать и сострадать. Под видом искрящихся остроумием реплик обычно скрываются понукание и пинки.

– Разумеется, я приду, – спокойно отвечаю я. – Более того, с нетерпением жду этого дня. – На какой-то миг меня посещает мысль: а не появиться ли мне там под руку с любящим Адонисом? Вот только где его взять... Тем более за такое короткое время... Ладно, приду, хотя бы ради Лары и Тома. Фокус с Адонисом был бы слишком очевидным.

– Как здорово вновь собраться старой компанией, – бодро заявляет Каро. – Как в старые добрые времена. – Старые добрые времена. При этой мысли я вздрагиваю. Наверняка мои старые добрые времена и старые добрые времена Каро – это совершенно разные вещи. Пока я пытаюсь удалить из потенциального ответа иронию, она продолжает гнуть свою линию: – В последние дни я только об этом и говорю. А все виновато это расследование. Модан все никак не может уговориться и продолжает задавать вопросы... Кстати, ты его тоже видела?

– Мельком. Он зашел ко мне в понедельник, но я была слишком занята.

Он провел у меня минут пять, не больше.

– А я совершила ошибку – уделила ему целых полчаса. Сама не знаю зачем. Он лишь пытался выяснить, кто с кем спал и спал ли кто с Северин.

– Уж точно не я, – легкомысленно говорю я. – Девушки меня никогда не интересовали. А тебя?

Каро смеется – похоже даже, что искренне.

– И меня тоже нет. В этом плане я жуткая буржуазная ханжа. Но если серьезно: если кто-то с ней все-таки спал, это многое меняет.

– Это почему же? – спрашиваю я как можно более равнодушным тоном. Что, если она действительно в курсе про Себа и Северин и пытается выяснить, что известно мне? Знает ли она, что я знаю, что она знает, что...

– Думаю, это создает мотив – преступление страсти или что-то в этом роде. Господи, я рассуждаю, как следователь по уголовным делам... – Она смеется. – Согласись, мало приятного в том, что посторонний человек вроде этого Модана копается в наших запутанных любовных отношениях, – говорит Каро и тут же меняет тему: – В любом случае до вечера. В восемь часов в «Бордерелло».

– Хорошо, до встречи.

Я кладу телефон. В голове вертятся ее слова «в наших запутанных любовных отношениях». Я была с Себом. Лара – с Томом. Кроме измены Себа, где здесь запутанность? Если задуматься, Каро вообще не была с кем-либо. Почему тогда она говорит о «наших любовных отношениях»? Я запускаю программу, с помощью которой начисляю зарплату Джулии и Полу. Увы, мои мысли витают где-то совершенно в другом месте. Я закрываю программу и снова хватаю телефон.

– Привет, Кейт, – голос Тома звучит не слишком приветливо.

– Я не вовремя? – Смотрю на часы. Без десяти три. – Черт, извини... И правда не вовремя. – Опционы зарубежных бирж обычно завершаются в три часа.

– Да. Могу я потом тебе перезвонить?

– Конечно.

Он отвечает не сразу.

– У тебя всё в порядке?

– Да, все нормально. Перезвони мне потом. – Мой голос неестественно бодр.

– О'кей.

Я кладу свой мобильник и пару секунд таращусь на него. Затем, стряхнув с себя оцепенение, с мрачной решительностью запускаю программу расчета заработной платы. Я плохо знакома с этой программой,

поэтому, чтобы достичь хоть каких-то успехов, должна сосредоточиться только на ней. Как ни странно, это меня успокаивает. Когда мой мобильник звонит снова, от неожиданности я даже вздрагиваю.

– Кейт? – Это Том. Реальный мир возвращается назад и на миг лишает меня дыхания. – Кейт? Ты меня слышишь? – спрашивает он.

– Да-да. Я здесь. Слушаю тебя.

– У тебя всё в порядке?

– Да. Вообще-то нет. Скажи, Себ спал с кем-то еще?

– Что? – Похоже, Том искренне растерян. – Это ты с чего взяла?

– Просто Каро обмолвилась, и я подумала... – Я чувствую, что обливаюсь холодным потом. Как же унизительно, что я вынуждена его об этом спрашивать! Унизительно даже просто задаваться таким вопросом. Со временем я буду зла на Себа, что он поставил меня в это унизительное положение, но в данный момент я готова сгореть со стыда.

– погоди. Такие вещи лучше не обсуждать в зале, где ведутся торги. Я сейчас перейду к себе в кабинет... – Том умолкает. Мне слышны лишь какие-то приглушенные звуки, но затем в трубке вновь возникает его голос: – Давай, выкладывай.

– Просто я... Возможно, я неправильно ее поняла, но мне кажется, что Каро спала с Себом. Или с тобой, – добавляю, секунду подумав. Тео я даже не рассматриваю в качестве возможного кандидата.

– Я спал с Себом? – искренне недоумевает Том.

Я невольно усмехаюсь:

– С Каро, болван.

– Положа руку на сердце, я могу поклясться тебе, что ни разу не спал ни с Каро, ни с Себом. И не имею такого желания, – в его голосе слышатся теплые, шуточные нотки.

– А Себ? Я имею в виду, с Каро?

Его молчание говорит само за себя.

– Вряд ли, – наконец произносит он. Шуточных ноток я почему-то не слышу. – Мне кажется... Каро всегда была к нему равнодушна. Да ты и сама это знаешь.

Пожалуй, он прав. Я всегда это знала.

– И?..

– Никаких «и». Думаю, это было безответное чувство. То есть он об этом знал, но этим все и заканчивалось. Ни о какой взаимности не могло быть даже речи. Учитывая, насколько близки были наши семьи, если он хотя бы раз трахнул ее, вышел бы скандал. – Иное дело я, девушка из простой, рядовой семьи, которую можно трахать, не опасаясь никаких

скандалов. – По крайней мере, я так считаю, – добавляет Том. Меня же не отпускает впечатление, что он о чем-то задумался.

– Ты думаешь, он тебе сказал бы? Знаю, вы с ним близки, однако он не сказал тебе про Северин.

– Тоже верно. – Том шумно вздыхает. – В общем, не знаю, – с неохотой признается он. – Пока в его жизни не появилась ты, я бы сказал – да, он мне все рассказал бы. Но после... не знаю. – Меня так и подмывает спросить у него, что, собственно, изменилось. Однако я воздерживаюсь от вопроса. Вдруг он решит, что мне требуется подтверждение собственной значимости в жизни Себа, я же не хочу выглядеть в глазах Тома наивной и жалкой. – А зачем тебе это вообще?

– Не знаю. Просто я меня такое чувство... в общем, не знаю. Не знаю, что за фигня творилась в течение всей той недели. Модан задает мне вопросы, я же не могу ответить ни на один из них, потому что там все было не так, как я думала... и... и... – внезапно я готова разреветься.

– Эй, давай только без слез, – пытается успокоить меня голос Тома в трубке. – Всё в порядке.

– Неправда.

Он пару секунд молчит.

– Неужели? Послушай, давай сегодня встретимся где-нибудь перед рестораном. Выпьем и все хорошенько обсудим. Я мог бы приехать на Найтсбридж где-то около шести. Идет?

Я шумно втягиваю в себя воздух.

– Да. Хорошо. Спасибо. Извини, что докучаю тебе.

– Тебе не за что извиняться. Кстати, ты уже обзавелась адвокатом?

– Да, у меня на завтра назначена встреча.

– Отлично. – Похоже, Том искренне рад. – Увидимся в шесть.

Я кладу телефон и на пару секунд прижимаю к глазам ладони. Когда же снова поднимаю голову, то вижу, что Северин наблюдает за мной. В кои-то веки в ее взгляде нет никакой враждебности. Она просто смотрит на меня.

– Тебе больше некуда податься? – спрашиваю я у нее. Впервые я заговариваю с ней. Неудивительно, что она ничего мне не отвечает. Поэтому я отвечаю за нее: – Нет. Наверное, в данных обстоятельствах больше некуда.

В дверях, поправляя на переносице очки, появляется Джулия:

– Вы меня звали?

Я улыбаюсь и качаю головой:

– Нет, извини. Просто говорила сама с собой.

Но она уже возвращается на свое место, бросая через плечо:
– Между прочим, первый признак помешательства.
Эта мысль уже посещала и меня.

Глава 10

Вечер начинается неудачно.

Когда я прихожу в паб, на часах несколько минут седьмого. Как я и ожидала, Том – надежный, пунктуальный Том – уже там. Но не один. Рядом с ним Лара. Судя по виноватому выражению его лица, выбора у него не было. Я заставляю себя изобразить радость и даже целую Лару в щеку.

– Какой приятный сюрприз!

– Я была уверена, что тебе захочется встретиться заранее, но я весь день не могла до тебя дозвониться и поэтому позвонила Тому, – радостно сообщает она.

– Неужели? Не иначе как мой телефон вновь взялся за старое... Я не видела, что ты звонила. – Чем чаще лжешь, тем легче дается ложь. Но чувство вины остается. Я поворачиваюсь, чтобы обнять Тома.

– Извини, – шепчет он, и его дыхание поглаживает мне ухо. Том уже успел побывать дома и переодеться. На нем джинсы и рубашка, и от него приятно пахнет лосьоном после бритья. Я по-прежнему в своем рабочем наряде, но это намеренный выбор. Мне кажется, что сочетание этого платья с высокими шпильками выставляет мои ноги в самом выигрышном свете. Жаль, конечно, что рядом со мной нет Адониса, но на данный момент это самое большое, на что я могу надеяться.

– Вот, возьми. Том уже заказал тебе выпить. – Лара пододвигает ко мне водку с тоником.

– Спасибо. Кстати, ты сегодня в потрясающем платье.

Я ловлю себя на том, что слишком усердствую с комплиментами. Но Лара действительно выглядит сногшибательно. На ней потрясающее облегающее платье цвета осенних листьев, а ее шпильки как минимум на дюйм выше тех, что она обычно надевает на работу. Когда Лара садится и закидывает одну свою бесконечную ногу на другую, весь бар смотрит на нее, разинув рот.

– Да, решила слегка принарядиться, – небрежно говорит она, однако я замечаю на ее щеках румянец. Я уверена: принарядиться она решила не ради меня и не ради Тома. Даже не ради Каро и Себа. Готова спорить на что угодно, что после нашей вечеринки у нее свидание с неутомимым месье Моданом.

– А я? Как, по-вашему, выгляжу я? – с притворной обидой спрашивает Том. По-моему, он тоже слегка усердствует.

Лара смотрит на него и хлопает ресницами.

– Как всегда, просто потрясающий красавец.

– Истинный метросексуал, – хитро добавляю я.

Он поворачивается ко мне, и его серо-голубые глаза светятся улыбкой. Глаза того Тома, которого я хорошо знаю. Интересно, будет ли так до конца вечера?

Мы пьем, мы разговариваем, и это мучительно. Лара слишком яркая, слишком шумная, пьет слишком быстро. Невозможно понять, что там, под этой поверхностью. Учитывая же секреты каждого из нас, я не могу задать ей этот вопрос. Притворство – не самая сильная ее сторона. Она перескакивает с темы на тему, причем всякий раз слишком поздно замечает ловушку. Ей лучше молчать о себе и Модане, молчать о расследовании и о том, как она проводит свое свободное время, – любая тема таит для нее опасность. К великому своему огорчению, я понимаю: это совсем не тот личный разговор, какой планировали мы с Томом. Тем не менее я как могу стараюсь его поддержать и убережю Лару от вербального самоубийства. Внешне Том в своей обычной ипостаси: невозмутимый, перебрасывается игривыми остротами с Ларой, но я чувствую в нем не типичное для него напряжение и какой-то странный фатализм. Как будто он ждет, когда опустится топор, хотя, по идее, он пришел сюда, чтобы убить время перед вечеринкой по поводу возвращения своего кузена и лучшего друга. Возможно, ему также понятно, что Лара буквально светится изнутри из-за кого-то еще, а не ее нынешних собеседников. Насколько это для него болезненно?

Пытаться разгадать эту шараду на трезвую голову довольно мучительно. Но вторая порция водки с тоником мне ни к чему. Однако я ее заказываю. А затем – еще одну. Наконец Лара смотрит на часы.

– Не пора ли нам двигать отсюда, прежде чем мы навлечем на наши головы гнев Каро?

Я киваю и тянусь за сумочкой. С одной стороны, я рада уйти отсюда, однако опасаясь, что дальше будет только хуже. Том быстро допивает свою пинту и с громким стуком ставит кружку на стол.

– Из огня да в полымя, – мрачно изрекает он. Я удивленно смотрю на него – уж ему-то из-за чего волноваться? – однако он уже повернулся к выходу. Но я замечаю впечатанную в его лицо тревогу.

До ресторана минут пять пешком. Лара идет посередине, взяв Тома и меня под руку, как будто опасается, что мы сбежим. Я не успеваю даже толком вздохнуть, как она уже толкает меня в дверь. Моему взору открывается нечто скорее похожее на театральную гримерную, нежели на

ресторан. Я оставляю пальто и сумку в гардеробе. При этом стараюсь не смотреть по сторонам – не хочу, чтобы меня застукали за этим занятием. Пока я сдаю вещи, Том стоит рядом. Его нижняя челюсть буквально окаменела от напряжения.

– Всё в порядке? – тихо спрашиваю его я.

– Что? Я? Разумеется, – отмечает он мою тревогу. – Если я и беспокоюсь, то только за тебя.

Я легонько качаю головой и беру у гардеробщика номерок.

– Нет необходимости.

– Если бы, – бормочет он себе под нос.

Я резко поднимаю на него глаза, но не успеваю ничего сказать, так как перед нами вырастает Каро. Я тотчас вынуждена изобразить улыбку, чтобы пережить колючее приветствие, которое наверняка сейчас последует. Впрочем, похоже, она слишком глубоко вошла в роль радушной хозяйки и потому обходится без колкостей. Увы, мне не остается ничего другого, как вместе с остальными гостями переместиться к длинному столу, который явно зарезервирован для нашей компании. Тем более что там Себ.

Он стоит рядом со столом, положив руку на спинку стула, на котором бочком сидит изящная блондинка. Услышав шум наших голосов, он поднимает голову, и по его лицу расплывается счастливая улыбка. Да, это Себ. Скажу честно, я в шоке. Передо мной тот самый Себ.

Лара – благослови ее за это тысячу раз Господь – резко увеличивает скорость; этакая неукротимая сила, состоящая из бюста, улыбки и волос. Протягивает к нему руки и обменивается с ним поцелуем.

– Себ! – сладко воркует она. – Как я рада тебя видеть. А это, должно быть, Алина...

Та встает, чтобы поздороваться с ней. Алина высокого роста – выше, чем я, – изящная, хорошо сложенная. Сказываются годы, проведенные в дорогой частной школе и клубе верховой езды. Подтверждением тому служит также ее акцент, когда она отвечает Ларе. Алина именно такая, какой я ожидала ее увидеть. Том следует примеру Лары, но только с Себом. Они обмениваются улыбками поверх крепкого мужского рукопожатия, которое плавно перетекает в дружеские объятия, а затем в шутливую мальчишескую толкотню. Оба искренне рады видеть друг друга. Затем внимание Тома переключается на Алину. Ага, теперь моя очередь.

Себ ждет, улыбаясь мне, и даже протянул руку, чтобы поддержать меня, когда мы с ним чмокнем друг друга в щеку. Я делаю шаг ему навстречу.

– Кейт, – негромко, но с теплотой в голосе говорит он. – Сколько лет...

Я же ловлю себя на том, как хорошо знакомы мне и щека, к которой прикасаются мои губы, и рука, которая придерживает меня. Не знаю даже, ожидала ли я это чувство спустя столько лет.

– Как твои дела? – спрашиваю я, отстраняясь от него. В данных обстоятельствах это вполне уместный вопрос. Вполне возможно, мне интересно узнать на него ответ, однако я пообещала себе не растворяться этим вечером в самоанализе. Главное – пережить, и все.

– Отлично, хорошо. – Себ разводит руками. Его волосы короче, чем раньше, а над ушами поблескивают крошечные искорки седины. Как и все другие мужчины на этой вечеринке, он в джинсах и повседневной рубашке, хотя все это может быть из дорогого магазина. – Как здорово вернуться назад. – Окидывает меня придирчивым взглядом с головы до ног. – Кстати, ты хорошо выглядишь. Я слышал, дела твои идут неплохо. У тебя своя фирма... – Но тут чья-то рука хлопает его по плечу, а чей-то трубный глас ревет приветствие. Себ отворачивается, однако успевает перехватить мой взгляд и одними губами прошептать через плечо: – Потом.

Есть в его взгляде, в том, как он произносит это слово, некая интимность, как будто его, вопреки собственной воле, силой оттаскивают от меня. Я пару секунд смотрю ему вслед, не в состоянии решить, что мне думать по поводу нашей встречи.

Я мигаю, стараясь взять себя в руки, и, повернувшись, замечаю, что Том наблюдает за мной, хотя для всех он сейчас беседует с Алиной и Ларой. Лицо его напряжено. Я вопросительно вскидываю голову. Выражение его лица мгновенно меняется. Он поднимает брови – мол, как ты? Я киваю и даже выдавливаю из себя улыбку, затем подхожу, чтобы подключиться к их беседе. Глаза Тома – это глаза Тома. А глаза Себа – это глаза Себа. Такие, какими были всегда.

Вскоре мы садимся за стол. Каро ловко рассадил всех нас, всех восемнадцать человек. Теперь мы представляем собой шумную компанию, состоящую из обрывков разговоров и внезапных взрывов хохота с разных концов стола – правда, чаще с того, где сидит Себ. Том и Лара заняли места по бокам от меня. Мы сидим в самом конце стола, поэтому у меня самый хороший обзор. Каро, румяная от волнения и успеха мероприятия, расположилась рядом с почетным гостем в середине длинного стола. Алина сидит напротив. Прежде чем усталый официант успевает принять заказ у каждого из нас, уже оприходованы четыре бутылки вина.

– Все нормально? – шепчет мне Лара. Я киваю.

– Он потрясающе выглядит, – жалуется она от моего имени.

– Он всегда так выглядел, – бормочу я в ответ.

Если я надеялась увидеть бледную тень крутого некогда мачо, то мои надежды не оправдались. Я смотрю на Себа и пытаюсь понять, что заставило Тома предположить, будто с ним не всё в порядке. Да, он сейчас крупнее, чем раньше, но это мускулатура, а не дряблый жир. Если честно, Себ по-прежнему самый красивый мужчина в этом зале, даже если той цветущей юношеской красоты, от которой замирало сердце и перехватывало дыхание, больше нет. Вернее, красота есть, но она больше не обжигает. Я смотрю, как Себ наливает себе и Каро очередной бокал вина. Рукава рубашки закатаны, обнажив загорелую кожу. Каро буквально купается в лучах его внимания. Это смягчает ее резкость, делая ее похожей на юную девушку. Десять лет назад я за ней такого не замечала – или, возможно, предпочитала не замечать. *Жены и подружки всегда знают...* Я смотрю на Алину. Она даже не прикоснулась к вину и с каменным лицом наблюдает за ними. Вернее, нарочно не прикоснулась к вину. Бокал поднесен к губам, но из него не выпито ни капли. Кто-то из сидящих справа от нее что-то ей говорит. Алина возвращает на лицо вежливую улыбку и поворачивается к ним. Мне видно, как она жестикулирует, затем снова подносит к губам бокал и делает вид, что пьет.

Я подношу к губам свой бокал и присоединяюсь к разговору, что идет вокруг меня. Мы едим, пьем, смеемся, болтаем. Еда ничего особенного не представляет, зато вино отменное. Том едва успевает наполнять нам бокалы. Если честно, мне здесь даже нравится, хотя царящее вокруг веселье чем-то напоминает мне идущий ко дну «Титаник». Время от времени я исподтишка поглядываю на Себа, Каро и Алину. Лара и Том – на меня. Себ выполняет ту же функцию, что и Том, только в середине стола – правда, с удвоенной скоростью и никогда не забывает про свой собственный бокал. Он как будто собрался упиться, в то время как его жена не взяла в рот ни капли.

– Тост! – восклицает Каро и, поднявшись с места, стучит по бокалу ложкой. Публика успокаивается, за исключением толстяка на другом конце стола, который по-прежнему разговаривает с соседкой. Я не помню их имена, но их лица мне знакомы. Каро повышает голос: – Джордж, живо заткнись. Тилли слышала твои шутки уже как минимум трижды! – Со всех сторон слышатся смешки. Каро с улыбкой смотрит на Себа. – Тост. Поднимем наши бокалы и поприветствуем... Себа и Алину!

После имени Себа следует едва заметная пауза, которую при желании можно интерпретировать, что Алину она вспомнила в самый последний момент. Именно так я и думаю. Даже если Алина думает точно так же, она не подает виду – вежливо улыбается, безупречно играя роль почетной

гостыи этого вечера.

Себ тоже встает со стула. Лицо его покраснелось.

– Спасибо всем вам от нас обоих. Это так здорово – вернуться домой. Спасибо вам за то, что пришли сюда, и спасибо Каро за этот прекрасный вечер. – Себ улыбается и чокается с ней. Каро кивает, принимая его благодарность. Радость, словно шампанское, так и рвется на свободу из ее глаз. – Как здорово, что после стольких лет мы снова собрались вместе. Мы с Алиной давно ждали этого момента, и больше всего нам недоставало...

– Пива! – выкрикивает какой-то остряк.

– Чувства юмора! – кричит другой.

– Зубных врачей, – шепчет мне на ухо Том. Я хихикаю. Лара смотрит на нас. Прежде чем она успевает отвести взгляд, по лицу ее пробегает тень. Наверное, я хихикала слишком громко.

Себ смеется:

– Все это прекрасно, но я имел в виду другое. Больше всего нам недоставало наших друзей. На этой ноте... – тон его внезапно делается серьезным, – я хотел бы предложить тост за того, кого уже никогда не будет среди нас... – Стол стихает. – За Тео!

– За Тео! – шепчем мы, прежде чем пригубить вино.

Я смотрю на Тома. Его лицо печально. Хоть сейчас фотографируй и называй «Эскиз скорби». Я продолжаю смотреть на него. Он намеренно встречается взглядом с Себом и легонько кивает – мол, молодец. Себ так же едва заметно кивает ему в ответ. Тео, как мне помнится, был в первую очередь другом Тома. Они учились в одном и том же колледже, оба на инженеров, а на втором курсе даже жили в одной съемной квартире. Если существует на свете такое звание, как «хранитель скорби», то оно по праву принадлежит Тому. Мне хочется ему что-то сказать, но я понятия не имею что.

Разговоры вновь оживают, постепенно захватывая весь стол. Вскоре они достигают того уровня громкости, который предшествовал торжественному моменту. Бокалы вновь наполняются вином. Я поглощаю профитроли, которые не очень люблю, но я уже пьяна и могу съесть все, что угодно. Народ меняется местами. Кто-то стоит, нагнувшись, между стульями, чтобы поговорить с теми, с кем его не посадили рядом. Я вижу, как Алина поднимается из-за стола. Себ болтает, наклонившись над кем-то, кто сидит рядом с ней. Когда она проходит мимо него, он притягивает ее к себе, чтобы поцеловать, и пьяно ее лапает. Но она задерживается рядом с ним всего на мгновение и идет дальше. Себ пару секунд смотрит ей вслед, затем вновь возвращается к разговору. Я отворачиваюсь. Интересно, что

можно узнать об отношениях людей из краткого наблюдения за ними? Я вздрагиваю – на столе передо мной, на куче песка, палок и прочего мусора, красуется белый череп Северин. Картинка такая резкая, такая внезапная и такая жестокая, что на миг мне кажется, будто я проваливаюсь в черную бездну.

Я резко отодвигаю мой стул от стола и, шатаясь от выпитого вина и непрошеного появления Северин, отправляюсь в туалет. «Кейт!» – испуганно окликает меня Том, но я не обращаю внимания и, хлопая дверьми, весьма неэлегантно вхожу в нужное мне заведение. Слава богу, кабинка моя, и только моя. Никакого вторжения со стороны мертвецов. Я опускаю крышку унитаза и сажусь на нее, ссутулившись и подперев лоб ладонями. Я зла на Северин и имею на это право – да, я имею полное право злиться на ту, кто, будучи живой, спала у меня под носом с моим бойфрендом, а теперь, будучи мертвой, преследует меня по пятам! Почему меня? Почему не Себа? Это было бы гораздо уместнее, злорадно думаю я. Или если не Себа, то почему не Каро? Да, Каро... как жаль, что Северин вижу только я. Может, мне стоит попросить ее, если она, конечно, откликнется на просьбы... И все же почему меня? Не то чтобы я всем им желаю зла. И все же почему не Тома и не Лару? Я вспоминаю скорбное лицо Тома, как он незрячим взглядом уставился в стол. Нет, не Тома. Только не его. Это было бы верхом несправедливости.

Со вздохом заставляю себя встать и выйти из кабинки чуть более элегантно, нежели я в нее вошла. Впрочем, тотчас останавливаюсь, видя у раковины Алину, которая вытирает рот бумажным полотенцем. Увидев меня, она тотчас сминает бумагу и делает вид, будто поправляет подводку вокруг глаз. Правда, та в идеальном состоянии, а вот глаза, которые она обрамляет, полны усталости.

– Привет! – говорю я, глядя в зеркало, когда подхожу, чтобы помыть руки. Алина отвечает мне слабой улыбкой. – И как вам вечер?

– Прекрасно, – без особого энтузиазма в голосе отвечает она. – Правда, я не запомнила всех имен, – добавляет она и вопросительно смотрит на меня.

– Кейт. Кейт Ченнинг. – На лице Алины нет даже намек на то, что это имя ей что-то говорит. – Мы с Себом вместе учились в Оксфорде. – По-прежнему ноль реакции. Я жестом указываю на зал: – А также Том, Лара и Каро.

Это курам на смех! Похоже, я ровным счетом ничего не значила в жизни Себа, если он даже не рассказывал обо мне жене.

– Кейт. Понятно. Простите меня. Я плохо запоминаю имена. Кроме

того, мы с Себом познакомились в Нью-Йорке, и у меня не было возможности познакомиться с его старыми друзьями. Кроме тех, кто приезжал на нашу свадьбу. Но это было уже давно.

– Думаю, есть другие способы сделать это, проще и приятнее, нежели сегодняшнее испытание огнем, – кисло замечаю я, вытирая руки бумажным полотенцем.

– Каро очень настаивала. – Алина подается вперед, чтобы вновь изучить обводку вокруг глаз, и добавляет, как будто поняв, что ее эта фраза может быть интерпретирована как неблагодарность: – Разумеется, с ее стороны это широкий жест – взять на себя организацию сегодняшней встречи.

Будучи не в состоянии скрыть иронию в голосе, я вместо ответа мычу что-то невнятное. Алина кидает на меня в зеркале быстрый взгляд, и на миг самообладание оставляет ее. Она выглядит совершенно измученной.

– Вы беременны? – выпаливаю я и лишь потом понимаю бестактность моего вопроса. Я тотчас в ужасе прикрываю ладонью рот, как будто хочу поймать слова и запихнуть их обратно.

Алина пристально смотрит мне в глаза, и этот ее взгляд выдает правду. Но уже в следующий миг она спешит придать лицу удивленное выражение.

– Нет, конечно, – усмехается она.

– Извините, я не хотела... – Я умолкаю и качаю головой. Я действительно в ужасе от самой себя. – Меня это не касается. – Мы снова смотрим друг на дружку, на этот раз уже не в зеркале. – Извините, – повторяю я, готовая со стыда провалиться сквозь землю. Затем пожимаю плечами и пускаю в ход единственное доступное мне оправдание: – Том явно переусердствовал, подливая мне вина.

– Ничего страшного, – произносит она спустя пару секунд. На этот раз никакой ролевой игры. Алина даже не скрывает, что пристально рассматривает меня. Мне же интересно, что она видит. Алина пожимает плечами: – Раз уж вы задали вопрос, что ж, думаю, я могу на него ответить. Да, я беременна. Уже девять недель. Небольшой, но срок. – По ее лицу пробегает улыбка, одновременно чуть испуганная и взволнованная, однако тут же гаснет. – Только никому не говорите. Хотя, я думаю, Себ сегодня в ударе и наверняка проболтается, – добавляет она с легкой ноткой горечи в голосе. Меня же посещает мысль о том, что по крайней мере сегодня я бы не хотела оказаться на ее месте. Впрочем, я тотчас ее отгоняю. Запрет на самоанализ пока еще не снят. Алина между тем бросает скомканное бумажное полотенце в корзину. – К сожалению, меня мутит в любое время суток.

– В любом случае примите мои поздравления. – Я неловко улыбаюсь: – Надеюсь, это скоро пройдет.

Она пару секунд смотрит на меня, затем задумчиво кивает:

– Спасибо.

Мы вместе возвращаемся в зал. Я кисло думаю о поцелуе, которому стала свидетельницей. Дополнительная информация о состоянии Алины все меняет: беременная жена, которая незаметно спешит в туалет. Я провожаю взглядом ее стройную фигуру, без малейшего намека на то, что внутри ее уже обосновалась крошечная новая жизнь. Интересно, как Каро воспримет эту новость?

У столика ходит официант, принимает оплату заказов. Кто-то предлагает переместиться в соседний клуб. Но в четверг вечером эта идея не встречает поддержки. Всем завтра на работу, и всем нам уже не по двадцать лет. Лара уже вызволила из гардероба наши пальто и стоит у выхода, держа мое в руках. Я оглядываюсь по сторонам, выискивая глазами Тома, но натываюсь на Каро и Себа, наполовину скрытых огромным папоротником. Они стоят близко, чересчур близко друг к другу. Каро положила ему на плечо руку и что-то говорит. Себ нагнул голову и слушает ее. На какой-то миг он быстро обводит взглядом фойе, как будто проверяет, не следит ли кто за ними, затем снова смотрит на Каро. Я отворачиваюсь. Лучше б я их не видела. Чтобы потом искренне не жалеть Алину и не быть разочарованной Себом. Несмотря ни на что, я была о нем лучшего мнения.

Том возвращается из туалета, и мы всей компанией вываливаем на улицу. Алина и Себ прощаются с гостями; те, в свою очередь, шумно решают, кому с кем выгодно ехать в одном такси. Я поворачиваюсь к Ларе:

– Возьмем одно на троих?

– Вы с Томом можете взять одно на двоих, потому что... мне в другом направлении, – неуклюже поясняет она, избегая смотреть мне в глаза.

– Лара! – Я уже сыта по горло этой шарадой и слишком пьяна, чтобы это скрывать. – Я знаю, куда ты собралась, и ты знаешь, что я это знаю. – Лара сердито поджимает губы, что совершенно не в ее духе. Я готова рассмеяться. Модан раскрывает в нашей подруге новые глубины. Я хватаю ее за руку: – Послушай, я не... я всего лишь хочу сказать... ты с ним поосторожнее. – Она с подозрением смотрит на меня. – Я за тебя волнуюсь. Будь осмотрительна. Вот и всё.

Лицо Лары озаряется улыбкой, и она спешит заключить меня в объятия.

– И ты тоже, дорогая моя, – тихо говорит она, и ее пышный бюст давит мне на грудь. Ноздри щекочет аромат ее духов и какой-то цветочный запах,

исходящий от ее волос. Интересно, как бы я воспринимала их, будь я Аленом Моданом. Наконец она разжимает объятия и садится в такси, которое поймал для нее Том. Еще миг – и машина уносится прочь.

Мне на плечо ложится чья-то рука. Я резко оборачиваюсь и вижу рядом с собой Себа.

– Извини, – с обаятельным раскаянием говорит он. – У нас даже не было возможности поговорить.

– Думаю, такие возможности у нас еще будут, – отвечаю я. Сегодня у меня нет настроения с ним разговаривать, а после того, как я видела их с Каро, может, не возникнет никогда.

– Разумеется. – Он ловко отводит меня в сторонку. Ему как будто неловко. – Послушай, Кейт, как ты знаешь, нашли Северин... Я лишь хотел сказать, что кое-что из того, что выяснится, возможно, выставит меня не в лучшем свете. – Я недоуменно смотрю на него. Он морщится: – Понимаешь, я имею в виду нас с Северин. – До меня доходит: это он признается мне в той своей старой измене, признается прямо здесь, рядом с рестораном, после того как мы оба слишком много выпили. Я на какое-то время лишаюсь дара речи. Он же продолжает говорить: – Я просто не хотел, чтобы ты узнала это от кого-то еще и чтобы тебе было больно. Это было всего лишь раз и ничего не значило. Просто мы в ту ночь были так пьяны...

Внутри меня начинает закипать слепая ярость. Я жестом обрываю его:

– Не хочу даже говорить об этом.

Себ растерянно моргает. Он явно не ожидал от меня столь резкой реакции. Я оглядываюсь в поисках Тома.

– Это было давным-давно. И вот теперь из-за этого полицейского та история всплывает наружу... Думаю, в этой ситуации лучше быть честными. В том смысле, что органам правосудия лучше не лгать. Мы же с тобой оба знаем, что, когда я вошел в ту ночь в нашу комнату, я тотчас вырубился. И что бы там ни случилось с Северин, это не имеет ко мне никакого отношения.

Я оборачиваюсь и пристально смотрю на него. Я опасалась, что Каро расскажет Модану про Себа и Северин. Но мне и в голову не приходило, что Себ расскажет все сам. Он нервно ерошит волосы на макушке. На лице – выражение искреннего раскаяния, словно у мальчишки, которого застукали, когда он запустил руку в жестянку с печеньем. Меня так и тянет послать его в пешее эротическое путешествие, но, похоже, Том прав. Тут все дело в гордости. Не будь рядом со мной толпы народа, я бы уже давно прямым текстом на всю улицу высказала ему все, что я об этом думаю.

Иное дело, что мне неприятно, что потом обо мне скажут. *Бедная Кейт. Прошло столько лет, а она по-прежнему принимает все близко к сердцу. Кстати, с тех пор у нее не было ни одного серьезного бойфренда...*

Я отчаянно выискиваю глазами Тома в надежде, что он уже поймал для нас такси. Том машет машине с включенным огоньком, но до нее еще довольно далеко, так что мне в нее никак не запрыгнуть. Я мысленно призываю ее подъехать ближе.

– Кейт? – неуверенно окликает меня Себ.

Такси наконец подъезжает.

– Пожелай от меня Алине доброй ночи, – бросаю я Себу, не глядя ему в глаза. Поворачиваюсь к такси и понимаю, что Каро наблюдает за нами. Вернее, за мной. За моей реакцией.

– Всё в порядке? – спрашивает Том, помогая мне сесть в такси. Я выглядываю в окно. Себ и Каро обмениваются взглядами. Внезапно у меня как будто из-под ног уходит земля. Что, если между ними нет никакого романа? Что, если их секрет – это нечто совершенно иное?

– Кейт? – повторяет Том. – С тобой всё в порядке?

Такси отъезжает от тротуара. Меня же душит дикий смех. Похоже, я все еще пьяна. Конечно, пьяна. Признание Себа и ночной воздух, возможно, и возымели легкий отрезвляющий эффект, но, учитывая количество выпитого мною вина, физически я все еще пьяна в стельку. Том смотрит на меня с другого конца сиденья. Моего смеха моментально как не бывало.

– Нет, – признаюсь я. – Не в порядке.

– Я вижу, – мягко произносит он и смотрит вниз. Выражение его лица скрыто тенью. – Я так сразу и подумал.

Глава 11

Я медленно просыпаюсь, и до меня доходит, что, во-первых, я страдаю от жуткого похмелья, а во-вторых, это не моя кровать. Одеяло уж точно не мое. Да и свет проникает в комнату с другой стороны. К тому же на мне лифчик, а я никогда не сплю в лифчике. Осторожно переворачиваюсь, чтобы выяснить, одна я в постели или нет. Дверь спальни слегка приоткрыта, и в щелку я вижу в кухне знакомую спину. Владелец спины что-то пьет.

Это Том. Я дома у Тома.

В моем сознании возникают осколки вчерашнего вечера, хаотично, в произвольном порядке, без какой-нибудь связи друг с другом: ужин, поездка в такси, пьяный подъем по лестнице в квартиру Тома, кофе, поцелуи...

Поцелуи. О господи, поцелуи. С Томом.

Воспоминание застревает в моей голове. Я вижу себя в таинственном полумраке коридора, который ведет в его спальню. Я стою спиной к стене, вернее, меня к ней прижимает Том – теплый, сильный, надежный. Одна его рука запуталась в моих волосах, вторая лежит у меня на груди. Я выгибаюсь ему навстречу. Когда я целую его в шею, мы оба слышим и чувствуем, как из его горла вырывается стон, от которого по моему телу пробегают приятные волны.

Какое безрассудство... Да, безрассудство. Но – если б не было Себа. (Хотя бывает ли такое? Теперь, когда я увидела его снова, мне кажется, что бывает. Причем такого, какой он на самом деле, а не такого, каким я его представляла... а после поцелуев с Томом...) Если б не было Лары, Северин или Алана Модана... Я сворачиваю это воспоминание и откладываю его прочь, этот темный, восхитительный, волнующий секрет, чтобы позже развернуть его и насладиться снова. А пока... пока у меня никак не получается вспомнить, что было дальше.

Я снова смотрю на вторую половину кровати. Похоже, на ней никто не спал. На кухне Том в джинсах, хотя и без рубашки, – в тех же самых джинсах, что и вчерашним вечером. Загар на спине контрастирует с более бледными веснушчатými плечами. В этих широких мускулистых плечах чувствуется напряженность. Даже отсюда видно, как атмосфера сгущается. Мне еще больше становится не по себе. Что случилось после коридора? Я с ужасом подозреваю, что могла просто вырубиться. Господи, как же

неловко! А если причина этой напряженности – уязвленная мужская гордость?

Что же теперь делать? Я пару секунд молча спорю сама с собой, затем сажусь в кровати, натягиваю до подмышек одеяло и с глуповатой улыбкой кричу:

– Доброе утро!

Том со стуком ставит кружку на стол и поворачивает голову.

– Чай? – спрашивает он даже без тени улыбки.

– Да, пожалуйста. А то я чувствую себя дерьмово.

– Что ж, поделом, – коротко отвечает Том, затем исчезает из поля зрения, чтобы приготовить мне чай. Я растерянно моргаю. Том не просто напряжен – он зол как черт. На меня.

Я понятия не имею, что происходит, но хочу это узнать, когда на мне будет чуть больше одежды. Обвожу комнату взглядом в поисках платья. Оно перекинуто через спинку стула. Рядом – мои туфли, сумка и пальто. Кое-как натягиваю на себя платье. Когда Том возвращается с кружкой горячего чая, я уже сижу на кровати, на той ее стороне, что ближе к двери, и пытаюсь пятерней расчесать всклокоченные волосы. Я обращаю внимание, какие у него длинные, сильные пальцы. Я помню их в своих волосах, их уверенные прикосновения... Внезапно до меня доходит, что Том вот уже несколько секунд протягивает мне кружку. Я быстро беру ее из его рук.

– Спасибо.

– Не за что, – коротко отвечает Том. Он стоит, прислонившись к дверному косяку, и старательно избегает смотреть мне в глаза. Его плечи занимают почти всю ширину дверного проема.

– Странно, мне как будто здесь не рады. – Я смотрю на него, пытаюсь грустной улыбкой перехватить его взгляд и вернуть себе того Тома, которого хорошо знаю. Увы, теперь он совершенно другой, а все вчерашние поцелуи – это... Я не могу смотреть на него так, как смотрела вчера, или позавчера, или десять лет назад. Его широкая грудь покрыта зарослями черных завитков волос – они уходят вниз и исчезают за поясом его джинсов. Десять лет назад их точно не было. Он вообще не такой, как раньше. Секрет коридора грозит вырваться оттуда, где я его закопала. Мне хочется прикоснуться к нему и – одновременно – плакать. Я быстро отворачиваюсь и делаю глоток чая.

Том пока еще ничего не сказал – ни «всегда рад тебе помочь» или «мне жаль, что тебе плохо». Внутри меня вспыхивает злость. Я аккуратно ставлю чашку с чаем на прикроватный столик.

– Хочешь сказать мне, как я здесь оказалась, или я должна сама догадаться?

Том обводит спальню глазами.

– Мне казалось, что мы друзья.

– А мы и есть друзья, – удивленно говорю я.

– Хорошие друзья, – нетерпеливо говорит он, отменяя мой ответ, как если б я нарочно сказала ерунду. – Я думал, что наша дружба важна для тебя. Я думал, ты ценишь ее гораздо выше, иначе б ты себе такого не позволяла.

– Чего именно? – Я повышаю голос и поднимаюсь сама. – Мы были пьяны...

– Это ты была пьяна...

– А ты – трезв как стеклышко? – Я сердито смотрю на него. Спустя мгновение он мотает головой и отворачивается, признавая мою правоту. – Мы целовались. Учитывая уже упомянутое тобой мое пьяное состояние, ты можешь просветить меня по поводу некоторых подробностей, однако я уверена, что это отнюдь не скандал века.

– То есть это не играет роли, я правильно понял? Между нами все будет так, как и раньше? Ничего не изменилось? – бросает он и в упор смотрит на меня. – Мне казалось... Господи, мне казалось, наша дружба тебе дорога и ты будешь ее беречь, а вместо этого ты набросилась на меня...

Я готова сквозь землю провалиться от стыда и унижения. Неужели я действительно набросилась на него? Фу, как некрасиво, как недостойно, как по-детски... Хотя из тех смутных воспоминаний, какие у меня остались, напрашивается вывод, что он в принципе не возражал... Однако Том продолжает говорить:

– Я понимаю, тебе тяжело видеть Себа...

– Неправда.

– Только не надо. Я видел твое лицо, когда он поцеловал Алину. Свою жену, Кейт. Господи, прошло десять лет! Она поцеловала свою жену; ты же, черт побери, вышла из зала...

– Дело не в этом... – начинаю я, однако он еще не выпустил пар. Но в любом случае что мне на это возразить?

Вообще-то вчера вечером я поняла, что с Себом у меня все кончено. А из зала вышла потому, что передо мной на столе появился череп Северин. Я регулярно ее вижу. Я бы спросила у нее, кто ее убил, да только она все время молчит.

– Да на тебе лица не было, когда ты его увидела. Так что не пытайся

убедить меня, будто Себ тебе безразличен. Но когда в следующий раз тебе захочется с кем-то трахнуться, имей совесть и попытайся снять кого-то еще, а не меня.

Том умолкает и, тяжело дыша, впивается в меня своими голубыми глазами. В этот момент я вижу себя такой, какой видит меня он, и это настолько резко отличается от той картины, которую я себе представляла, что у меня перехватывает дыхание. Это так больно, что я пошатываюсь.

– Понятно, – слышу я собственный голос.

Больше мне сказать нечего. И неважно, что я больше не люблю Себа, неважно, что то коридорное воспоминание мне дорого. Гораздо важнее, что думает Том, и теперь, когда мне известно его мнение, я не могу посмотреть ему в глаза. Поворачиваюсь, беру со стула в углу свои туфли, сумку и пальто и, не встретив на пути никакого сопротивления, проталкиваюсь мимо него в коридор, тот самый коридор... Неужели моя память и впрямь запечатлела ту интимную темноту, ту нежность и страсть, в то время как память Тома хранит нечто совершенно иное? И действительно ли это Том? Прежде чем выйти вон, я оборачиваюсь, чтобы это проверить. Он по-прежнему стоит в дверях спальни, но лицо его в тени, и мне оно не видно. Так что я не знаю, кто передо мной.

Обида никуда не делась, равно как и унижение. Однако мое ощущение несправедливости раздувает угольки гнева.

– Итак... – нарочито медленно произношу я. Слышу собственный голос и не узнаю его. Он высокий и пронзительный. – В твоих глазах я отчаявшаяся, одинокая старая дева, которая готова отдаться первому встречному, лишь бы только забыть Себа? – Том взмахивает рукой, однако я гну свою линию: – Между прочим, прошлой ночью нас было двое. И какова *твоя* отмазка?

– Кейт! – Он делает шаг мне навстречу, но я не дожидаясь его ответа. Если честно, до меня только что дошло: обвинение, которое он швырнул мне в лицо, больше подходит ему самому. Я заменила ему Лару.

Резко хлопнув за собой дверь, я спускаюсь по протертому ковру к передней двери. Останавливаюсь лишь на нижней площадке, чтобы надеть туфли. Вообще-то прошлой ночью на мне были колготки, вспоминаю я. Не иначе как они остались валяться где-то в квартире Тома. Неужели это он раздел меня и уложил в кровать? Меня, жалкую одинокую тёлку, которую к тому же безумно развезло? Я открываю дверь и выхожу на улицу. На мое счастье, тотчас замечаю такси. Взмахиваю рукой, и оно останавливается.

– Куда едем, красавица? – спрашивает водитель.

И правда, куда? Я смотрю на часы. Голова раскалывается от похмелья,

меня как будто вывалили в грязи, но нет времени ехать домой, чтобы принять душ, ибо у меня назначена встреча с адвокатом. Я называю водителю адрес моего офиса. Я почти готова к тому, что Северин нагло усядется вместе со мной в такси. Но, как ни странно, всю поездку я пребываю в гордом одиночестве, сжимая зубы и из последних сил сопротивляясь приливной волне обиды, которая уже подобралась к моему горлу и грозит утащить меня в свою пучину.

В офисе я первым делом направляюсь в туалет, где сажусь на унитаз в тесной кабинке и беззвучно рыдаю в ладони. Я понимаю, что потакаю собственной слабости, однако мне нужно выплакаться. При этом я не могу толком объяснить самой себе, почему плачу, разве что это во мне говорит уязвленная гордость. Но те сладкие, волнующие мгновения в коридоре... Я никогда не думала о Томе в таком ключе. Он был бойфрендом Лары, Лара была его подружкой, и в любом случае между нами всегда незримо стоял Себ. С другой стороны, я уже давно не люблю Себа, да и любила ли я его вообще? Меня начинают терзать сомнения, что Себ, каким я его помню, вообще существовал. Такое впечатление, что все, кого я знаю, не такие, как раньше. У меня из головы не выходят слова Тома: *когда в следующий раз тебе захочется с кем-то трахнуться...* Все стали другими, и, по всей видимости, и я тоже.

Раздается легкий стук в дверь.

– Кейт! – обращается ко мне из-за двери голос Джулии. – Вам пора на вашу следующую встречу.

– Спасибо. Я сейчас.

Сморкаюсь в кусок туалетной бумаги, вытираю глаза и смотрю на свое отражение в зеркале. Сочетание похмелья и рева явно не на пользу моей коже. Ополаскиваю лицо холодной водой, но, похоже, эта процедура совершенно бесполезна.

Улыбайся во весь рот, говорю я себе и заставляю губы растянуться в улыбке. Но затем вижу поверх своего отражения череп Северин, и меня едва не начинает тошнить.

Когда я спустя пару минут выхожу из туалета, Джулия окидывает меня с ног до головы испуганным взглядом. Впрочем, ей хватает такта воздержаться от комментариев. Слава богу, Пола пока нет, и сегодня мне все равно, хорошо это или плохо. Лишь по пути к адвокату до меня доходит: вся эта эмоциональная драма так увлекла меня, что я совершенно забыла о том, что вчера мне весь вечер не давал покоя вопрос, имеют ли Каро и Себ какое-то отношение к смерти молодой француженки десять лет назад.

– Ну что ж, – говорит мой адвокат из-за своего стола, глядя на меня поверх очков для чтения.

Мне не совсем понятно, зачем они ей, потому что в данный момент перед ней нет ни одного листа бумаги. Пока что она пребывала в режиме слушания – время от времени морщила узкий лоб или же кивала аккуратной темной головкой, слушая мой сбивчивый рассказ. Я пытаюсь оценить ее, эту миссис Стритер – или все-таки мисс? Что, впрочем, нелегко сделать в душном, крошечном кабинете, да еще когда твоя голова раскалывается от боли. Она напоминает мне сороку – темная, яркая, быстрая, хотя, по идее, ей уже хорошо под пятьдесят. В темных, коротко стриженных волосах поблескивает седина.

– Ну что ж... – снова задумчиво произносит адвокатша и поджимает губы, неровно покрашенные в несколько слоев жирной губной помадой, которая для нее слишком розовая. Мне так и хочется взять бумажный носовой платок и стереть с них эту дурацкую помаду. А еще она даже не предложила мне чашку чая, из-за чего я жутко зла на нее. Я уверена: ее гонор обанкротит меня. Так что вряд ли ее разорит чайный пакетик и глоток молока – могла бы предложить, хотя бы ради приличия.

Но адвокатша лишь откидывается на спинку стула и поправляет очки для чтения. Сейчас она что-то мне скажет, думаю я. Сейчас я узнаю, в какую катавасию угодила.

– Вы ведь адвокат? – внезапно спрашивает она.

– Да. Вернее, больше нет. У меня фирма по набору юридического персонала.

Она отмахивается от моих слов.

– У вас соответствующее образование. Например, вам известно, как работает в Британии правоохранительная система: полиция и прокуратура собирают улики против обвиняемого, защита – улики в его пользу, а потом все это предъявляется суду. Учитывая ваше образование, вам должно быть известно гораздо больше. На практике же в случае громких уголовных дел чаще бывает так, что полиция быстро выдвигает версию, а затем приступает к сбору подтверждающих улик. Все, что противоречит этой версии, не то чтобы отбрасывается, но не рассматривается должным образом. – Она морщится, а вместе с ней сжимается и ее розовый рот. – Что далеко от совершенства. Все системы далеки от совершенства. Зато у нас есть *habeas corpus*^[6] и презумпция невиновности, пока суд не докажет вашу вину, а

сама судебная процедура – честный, открытый процесс. – Она как будто насквозь прожигает меня своими темными, блестящими глазами, и я понимаю: она ждет, что я на это скажу.

– Да-да.

Адвокатша быстро кивает.

– Французская система совершенно иная. Она основана на гражданском праве, а не на общем. Что означает, что там нет такого понятия, как прецедент. Но я отклонилась от темы... Что касается вашей ситуации, самое главное состоит в том, что их система несостязательная. Все уголовные случаи – по крайней мере, серьезные, как, например, этот, – расследуются так называемым *juge d'instruction*, что можно примерно перевести как судья-следователь. Он не подотчетен ни властям, ни прокуратуре, однако работает в тесном сотрудничестве с полицией. Задача последней – проанализировать все полученные данные и составить рапорт о том, передавать дело в суд или нет. – Она умолкает и пристально на меня смотрит. На этот раз я быстро киваю. – Самое главное здесь то, что слабые случаи, как правило, не доходят до суда. Судья-следователь сам закрывает дело за недоказанностью и отсутствием веских улик. Побочным эффектом является то, что процент приговоров довольно высок, и хотя презумпция невиновности на бумаге существует, на практике... – Адвокатша пожимает плечами и снова поджимает в гримасе розовые губы. – Если дело доходит до суда, негласно считается, что обвиняемый действительно виновен.

Мои мысли уже бегут дальше.

– А что уравнивает или ограничивает полномочия магистрата?

Она качает головой, как будто извиняется передо мной.

– Практически ничего. Это, пожалуй, самый главный недостаток французской системы. В результате огромное количество дел рассматривается всего одним лицом при закрытых дверях, а не публичным судом в обстановке максимальной гласности. Нет, в целом их магистраты работают добросовестно, но сам принцип... Наверное, стоит добавить, что понятия *habeas corpus* там тоже не существует, хотя в большинстве случаев для ареста подозреваемого требуется письменное согласие еще одного магистрата. И потом, судебное разбирательство обычно проходит быстро, а вот предшествующее ему следствие может тянуться долго.

– Как долго?

– Бывает, что пару лет.

Возможно, в этом виновато похмелье – хотя я сомневаюсь, – но внезапно меня снова тошнит. Мне противно даже думать о том, что это может растянуться на долгие годы: Модан в его элегантных костюмах будет

время от времени напоминать о себе и отравлять нам существование своими коварными вопросами. Лара застрянет в состоянии перманентной блаженной безмозглости. Каро продолжит совать нос во все, куда его только можно сунуть. Том... Нет, только не Том, о нем лучше не думать. А Северин... А ведь как я надеялась, что, как только все это завершится, Северин наконец отстанет от меня! Боюсь, что у нее на сей счет собственное мнение...

– Вам плохо?

Я ловлю себя на том, что с силой тру лоб. Опускаю руку и пытаюсь смотреть на адвокатшу, но меня настигает очередная волна тошноты. Мне остается лишь стиснуть зубы и посмотреть вниз. Пол кабинета выложен выцветшей голубой плиткой. Здесь не за что зацепиться взглядом. Тогда я пытаюсь смотреть на край ее стола. На темном полированном дереве заметна царапина, в которую видна дешевая, похожая на опилки, древесно-стружечная плита.

– Может, принести вам чаю? – Не дожидаясь моего ответа, она подается вперед и, нажав на телефоне кнопку, велит голосу в трубке приготовить мне чай. Голос в трубке лишен тела. А вот с Северин все с точностью до наоборот – ее тело лишено голоса. Боже мой, еще целых два года Северин будет...

– Вам все еще плохо? – спрашивает она снова.

– Извините, просто здесь немного жарко, – не слишком убедительно отвечаю я. Тошнота отступает.

– Согласна, – отвечает она. – А вот и ваш чай.

Я с благодарностью беру чашку и пару печенек. Сначала с опаской покусываю их, а затем, поймав себя на том, что просто умираю от голода, с жадностью отправляю в рот. Адвокатша берет свою чашку, добавляет молока и аккуратно помешивает. Затем, поставив чашку себе на ногу, откидывается на спинку кресла. Блюдце остается стоять на столе. Я сосредоточена на своем живительном напитке.

– Кстати, а что, по-вашему, тогда произошло? – задумчиво спрашивает она.

Я вопросительно смотрю на нее. Мой рот набит печеньем.

– Пока что вы сообщили мне лишь голые факты, – поясняет адвокатша. – Если честно, я могла узнать все это из французских газет. Разумеется, я слежу за ходом расследования. Эта моя область, а также резонансный случай. Но что, по-вашему, тогда произошло?

Я делаю глоток чая, чтобы протолкнуть в горло кусок печенья, после чего отвечаю:

– Не знаю. Это было так давно... Я даже не уверена, что могу доверять своей памяти. – Или моим интерпретациям собственных воспоминаний.

– Логично. Но вскоре после этого вас допрашивали. Возможно, это помогло некоторым деталям, образно говоря, за что-то зацепиться.

Я пожимаю плечами.

– И все же, несмотря на все ваши опасения, что, по-вашему, тогда случилось?

– Сначала я думала... сначала я думала, что это никак не связано с нами. Возможно, это ее бойфренд или какой-то совершенно случайный человек. Какой-нибудь псих или кто-то в этом роде...

– А теперь? – Она наклоняет голову и пристально смотрит на меня.

– Я не знаю. Честное слово, не знаю. С тех пор как Модан сказал мне, что ее бойфренд здесь ни при чем, я начала склоняться к тому, что это мог быть кто-то из нас. Хотя бы гипотетически.

– И?..

– Это точно не Лара. Такое не в ее духе. И не Том.

– А почему не Том?

– Потому что они были вместе всю ночь. И даже если б и не были...

– Попробую угадать: это не в его духе. Он просто не мог этого сделать, – говорит адвокатша без всякого злорадства. И даже почти улыбается, но я понимаю: она нарочно отзеркаливает меня, чтобы я увидела все изъяны подобного рода логики. – Вы ведь это хотели сказать? Я права?

– Что-то вроде этого, – вяло соглашаюсь я, хотя на самом деле все не так. Том мог бы, будь такая необходимость. В нем есть стальной стержень, умение все доводить до конца. Я вспоминаю его каменное лицо сегодня утром... Но если б это был Том, он сделал бы все так, как *надо*. Так, чтобы даже спустя десять лет не было найдено никакого тела. – В любом случае, как я уже сказала, он всю ночь был с Ларой. Из того, что мне известно, спать им было некогда, – кисло добавляю я. Представляю себе их объятия и тотчас отгоняю от себя эту картину.

Адвокатша кивает, соглашаясь с моими доводами.

– Таким образом, у нас остаются Каролина, Тео и Себастьян. Но вы были в постели, куда после свидания с Северин пришел и Себастьян.

Скажи она это несколько дней назад, я бы наверняка вздрогнула. Сегодня же это простой факт.

Да. Правда, тогда мне не было известно ни о каких свиданиях.

– Во сколько он к вам пришел?

– Я не уверена. Думаю, часа в три. – По крайней мере, мне кажется,

что я так думаю. Ведь это было так давно...

Внезапно я переносусь в нашу спальню во Франции и сонно приоткрываю глаза: передо мной красные электронные цифры будильника, показывающие шесть утра. Это на переднем плане. На заднем плане Себ снимает трусы после посещения туалета. Я не поворачиваю головы. Все это я вижу боковым зрением – и часы, и Себа от талии до коленей. Он достаточно близко, отчего первые лучи утреннего солнца, проникающего сквозь тонкие занавески, заставляя волосы на его ногах сиять золотом. У меня нет ни желания, ни сил выяснять с ним отношения. Поэтому я закрываю глаза и притворяюсь, будто он меня не разбудил.

Мне тотчас вспоминаются слова Себа, сказанные вчера вечером (неужели это и вправду было вчера вечером?) – *ты и я, мы оба знаем, что в ту ночь я пришел в нашу комнату и тотчас вырубился, поэтому то, что случилось с Северин, никак меня не касается.* Затем вновь вспоминаю Каро и Себа, как они, словно заговорщики, о чем-то шепчутся. Как Каро не сводит с Себа глаз, когда он разговаривает со мной. Неужели я и впрямь считаю, что он вернулся в три утра, потому что это он так мне сказал?

– И вы утверждаете, что Каро и Тео были вместе, пока не пошли спать?

– Да, мне так кажется. – Но откуда я это знаю? Тео больше нет, так что его уже не спросишь.

– Себастьян был последним, кто видел Северин живой?

– Нет. Были еще водитель автобуса и камера видеонаблюдения.

Водитель. Ну конечно же! Как я вчера об этом забыла! Какая разница, во сколько Себ вернулся ко мне, какая разница, были Каро и Том вместе или нет... В субботу утром Северин была жива и даже села в автобус. Тугой узел внутри меня слегка ослабевает.

– Верно. Если это, конечно, была Северин. – Адвокатша на миг хмурится. – Хотя шансы, что рядом с фермой в автобус села другая девушка похожей внешности... гм. – Она на несколько мгновений умолкает и, откинувшись на спинку кресла, задумчиво постукивает ногтем по зубам. Мне же не дает покоя вопрос, обнаружит ли она потом на пальце следы этой жуткой розовой помады. Внезапно адвокатша расправляет плечи: – Верно. План действий. Никаких показаний месье Модану. Лишь в моем присутствии.

– Хорошо. Что еще?

Она качает головой и улыбается:

– На сегодня хватит. Пока нам остается только ждать.

Я озадаченно смотрю на нее:

– Ждать? – Я плачу ей безумные деньги, а взамен слышу от нее лишь то, что я должна сидеть тихо и ждать.

Она кивает:

– Да. Ждать. Поверьте мне, Модан здесь не просто так, от нечего делать. Он явно располагает какой-то информацией. Возможно, результаты вскрытия или что-то еще. В любом случае он что-то от вас скрывает. Потому что иначе нет ровным счетом ничего, что привязало бы хотя бы одного из вас к этому убийству. Да и мотив тоже не просматривается, несмотря на все попытки представить вас как оскорбленную любовницу. Поэтому, если Модан по-прежнему водит здесь носом, можете не сомневаться, у него имеется какой-то козырь. Так что пока... ждем.

Да уж, не было печали...

– Я не умею ждать.

– Я так и предполагала, – задумчиво произносит адвокатша, отодвигая стул, и, встав, протягивает мне руку: – Это не в вашем духе.

Я не совсем понимаю, как мне следует это воспринимать.

Глава 12

Весь день Северин ходит за мной как тень. Из чего я делаю вывод, что это признак усталости или рассеянности. Она словно болезнь умеет подкрасться незаметно, когда мои защитные механизмы ослабли. Впрочем, Северин не подкрадывается. Она нагло подходит и, бросив единственный томный взгляд, захватывает территорию как свою собственную. Она всегда и во всем диктует свои условия. Единственное исключение – ее собственная смерть.

После разговора с адвокатом я возвращаюсь в офис. Несмотря на похмелье, несмотря на Северин, несмотря на... что? ссору, стычку, скандал? – с Томом, я успеваю сделать довольно много дел. Весь секрет в умении сосредоточиться. Это моя самая сильная черта. Не бери трубку и не звони Ларе. Не обращай внимания на стройную мертвую француженку, что устроилась на краешке стола и болтает загорелой ногой. Не занимайся самокопанием, не впадай в задумчивость. Не делай того, не делай этого...

Во второй половине дня звонит Гордон. Каждую пятницу у нас с ним деловая беседа для решения накопившихся за неделю вопросов, хотя он частенько ее переносит или вообще отменяет. Мистер Фарроу – очень занятой человек. Вот и сейчас он, по всей видимости, звонит, чтобы перенести нашу беседу. Но нет, вместо этого мистер Фарроу говорит в своей обычной, мягкой манере:

– Как вы отнесетесь к тому, чтобы приехать ко мне в офис, а не говорить по телефону?

– Почему бы нет, только сверюсь со своим графиком. – До него в моем рабочем графике значится пара телефонных звонков, но, думается, я к нему успею. – Да-да, я сумею подъехать. У вас всё в порядке?

– Да. Отлично. Мне тут подумалось, что давно мы не встречались лично. Сегодня у меня не такой аврал, как обычно, и я решил этим воспользоваться.

– Нет проблем. Увидимся в половине четвертого, – говорю я и кладу трубку.

Может, мне взять с собой Пола, для укрепления связей и все такое прочее? Впрочем, нет, лучше не стоит. Гордону приятно встретиться со мной (а мне – с ним). Он наверняка сочтет Пола слишком угодливым.

Но что, если я приведу с собой Северин?

Или Северин не любительница деловых встреч, или же мне удастся держать ее на расстоянии. Как бы то ни было, я встречаюсь с Гордоном одна, без нее. Мы быстро пробегаем с ним по обновленному списку кандидатов, которых он видел. Мистер Фарроу сообщает мне свое мнение о них, что они думают по поводу работы в его фирме, что другие фирмы думают о них... Отбор персонала на данном уровне – партнер, будущий партнер, ибо сейчас наши усилия сосредоточены именно на этом, – это такая стратегическая игра. Следующий шаг – ассоциаты, но большинство из них просто последуют за партнерами, с которыми тесно сотрудничали.

– Если мы раздобудем этих двоих, произойдет настоящий переворот, – задумчиво говорит Гордон, постукивая по списку имен, что лежит на столе перед нами, между двумя пустыми кофейными чашками. Мы сейчас находимся в одной из комнат для деловых встреч на верхнем этаже офисного здания фирмы «Хафт и Вейл». Отсюда на город открывается потрясающей красоты вид. В солнечных лучах поблескивает изгиб купола собора Святого Павла, между зданиями то здесь, то там змеится серебристая лента Темзы. С высоты архитектура Лондона обладает некоей статью и солидностью. В солнечном свете кажется, будто здания стоят, гордо расправив плечи. Глядя на это величие, мгновенно забываешь грязь и сутолоку, царящие внизу, на городских улицах.

– Мы их получим, – уверенно заявляю я, отрывая глаза от окна и снова глядя на список.

– Думаю, тут сыграет свою роль размер предлагаемых нами финансовых гарантий.

Я качаю головой:

– Дело не в гарантиях. – Гордон вопросительно смотрит на меня. – Нет, конечно, они тоже необходимы, но я имею в виду не сами деньги для этих двоих, а нечто иное. То, что эти деньги означают. Им кажется, что на нынешнем рабочем месте их не ценят, или же им неприятен недостаток коллегиальности. Ваши гарантии убедят их, что вы их цените. Как только вы переманили людей к себе, окружите их вниманием. Пусть они почувствуют себя комфортно. Кроме того, дайте им почувствовать, что их переход в вашу фирму важен для вас; он положительно скажется на результатах деятельности вашей фирмы, и тогда, я уверена, они покажут, на что способны.

Гордон пристально на меня смотрит, как будто оценивая.

– Как я понимаю, у вас есть свои убеждения относительно стиля руководства.

Я пожимаю плечами:

– В моей работе необходим нюх, кто для чего подходит. Совершенно бессмысленно вводить робкого технического специалиста туда, где принят напористый, американский стиль деятельности.

– Для этого вы должны хорошо разбираться в людях. – Он вертит в руках пустую кофейную чашку и как будто одновременно что-то обдумывает.

– Думаю, так оно и есть. В профессиональном контексте. – Мои мысли тотчас переносятся в ту неделю во Франции, к Себу, Тому, Ларе, Тео, Каро, Северин, к той паутине, которая крепко удерживает нас вместе. Учитывая то, что мне сейчас известно, я могу предположить, что тогда мои суждения о людях были катастрофически наивными. Возможно – вероятно? – таковы они остаются и сейчас. – В профессиональном контексте, – повторяю я. Гордон по-прежнему вертит в руках кофейную чашку. – Вас что-то беспокоит?

Он удивленно поднимает глаза:

– Нет. Я... нет. В общем. – Отворачивается, будто стесняется посмотреть мне в глаза и признать сам факт этой нашей с ним беседы. – Каро в списке на этот год.

В списке. В списке кандидатов в партнеры. Система же устроена так – либо вверх, либо вон. Тот, кто по каким-то причинам не смог подняться ступенькой выше, должен уйти из фирмы. Я быстро произвожу мысленный подсчет, как долго Каро работает юристом. Да, похоже на то, что для нее настал этот самый момент – вверх или вон.

– И каковы ее перспективы? – спрашиваю я, хотя ответ мне известен. Иначе этот разговор просто не состоялся бы.

Гордон шумно вздыхает:

– Между нами говоря... неясные. Если честно, хорошо, что она женщина. Нам требуется больше женщин. Не для статистики, разумеется, но... – Он морщится; я киваю. – Нам прекрасно известно соотношение мужчин и женщин в юридических фирмах. – В любом случае она хороший работник. Умеет жестко вести переговоры – этого у нее не отнять. Те клиенты, которые ее любят, любят ее искренне. И все же, при всех ее достоинствах, она... – Гордон подыскивает нужное слово – верное и вместе с тем не слишком резкое. – Скажем так, она не привыкла играть в команде, – говорит он и вопросительно смотрит на меня. – Если б вы рассматривали кандидатуру Каро, куда вы ее порекомендовали бы?

Поначалу я увиливаю от прямого ответа, пытаюсь придумать нечто обтекаемое, ни к чему не обязывающее. Но затем вспоминаю: ведь это Гордон, а Гордон любит правду. Остается только надеяться, что этот принцип распространяется и на его дочь. Я делаю глубокий вдох и произношу как можно спокойнее:

– На мой взгляд, «Хафт и Вейл» – не лучший для нее выбор. Мне кажется, ей было бы гораздо комфортнее в какой-нибудь агрессивной американской фирме. Убивай и пожирай добычу, и так далее.

Гордон рассеянно кивает, глядя в окно на панораму города. На мое счастье, он не видит, как мне полегчало от того, что моя откровенность не оскорбила его.

– Я, пожалуй, соглашусь с вами. Но поскольку она пытается сделать карьеру в этой фирме... – Он умолкает.

Я тщетно пытаюсь придумать, что бы такого ему посоветовать, но, похоже, что бы я ни предложила ему, он уже обдумал сам.

– Например, в наступающем году на нее можно частично возложить какие-то управленческие обязанности. Показать ей, что она способна на большее.

– Возможно. – Гордон задумчиво поджимает губы, вздыхает и снова смотрит в окно. Хотя лично я сомневаюсь, что он там что-то видит. – Мы с каждым годом берем все меньше и меньше партнеров. Не знаю, как при такой жуткой нагрузке нам сохранить всех наших младших юристов, учитывая, что заветное повышение ожидает далеко не всех. Когда-то было достаточно несколько лет хорошо делать свое дело и не портить себе репутацию... – Он стряхивает с себя задумчивость и вновь поворачивается ко мне: – Кстати, разумное предложение. Если у нее будет опыт руководства, это может дать ей некоторые преимущества, – он кивает самому себе, как будто ставит ментальную галочку, что ему нужно будет поговорить с Каро на эту тему. – С другой стороны, углы срезать невозможно... – Вновь умолкает и смотрит в пустую кофейную чашку.

Углы срезать невозможно? Еще как можно! По крайней мере, для Каро это не проблема. Если понадобится, она не только срежет углы, но пропадет широкую полосу сквозь что угодно и кого угодно, если это сократит ей путь к достижению цели. Внезапно я понимаю – Гордон отлично знает: дело не только в том, что Каро не привыкла играть в команде. Все гораздо серьезнее. В глубине души ему понятно: партнером ей никогда не стать, и, по его мнению, ей лучше этого не делать, хотя он и пытается убедить себя в обратном. На какой-то миг я даже сопереживаю ему – умному, вдумчивому, доброму человеку, который подсознательно

пытается вернуть себе ту Каро, какую он потерял, когда ей было тринадцать лет, и теперь каждый день отказывается верить в то, что перед ним взрослая женщина.

* * *

Еще нет четырех часов дня, но после встречи с Гордоном я прямиком возвращаюсь домой. Я чертовски устала. Мне хочется одного – погрузить свою тушку в горячую ванну. Увы, как ни приятно понежиться в ароматной пене, это все равно что вытащить голову из песка. Ко мне тотчас ворвется реальность, и я буду вынуждена посмотреть в глаза им всем – Тому, Северин, Модану, всей их компании. Пару секунд посидев в раздумьях, решительно открываю кран и в промышленных масштабах заливаю в ванну дорогую пену, подарок Лары. Если реальность и ворвется ко мне, я посмотрю ей в лицо, лежа по самые уши в душистом облаке.

Не успела я со вздохом блаженства погрузиться в горячую воду, как звонит Лара.

– У тебя есть планы? – спрашивает она. У нее жутко усталый голос, что не совсем в ее духе. – Или ты уже настроилась на спокойный вечерок дома? Диван, фильмец про любовь или что-то в этом роде...

– Это точно, – говорю я и с теплотой вспоминаю наши с ней вечера. Глядя фильмец про любовь, мы набивали желудки едой из местного кулинарного магазинчика, запивая все это вином в количестве, никак не подходящем для спокойного вечера перед телеэкраном. Но это было раньше, когда Лара была просто Ларой, без каких-либо недомолвок, я была просто Кейт (пусть даже одинокая старая дева Кейт), а Северин – таинственной загадкой из далекого прошлого. Как же мне хочется вернуть все это назад! К моим глазам подкатывают слезы. Я нетерпеливо трясую головой, разбрызгивая вокруг себя мыльную пену. – Я уже дома и никуда не хочу выходить. Не хочешь приехать ко мне?

– Без проблем. В любом случае в твоем магазинчике еда вкуснее.

– У тебя усталый голос. Во сколько ты вчера вернулась домой? – Молчание. – А, понятно, ты вообще не возвращалась.

– В общем... да. А ты? Ты сама вернулась поздно?

В принципе, я могла бы и солгать. Тем более что я на-училась неплохо это делать. Я могла бы сказать что-то невнятное, могла бы уйти от ответа, но это, черт возьми, отнимает силы.

– Я тоже ночевала не дома.

– Неужели? А у кого? – Мне слышно, как жужжат, судорожно соображая, ее мозги. – У Тома?

Ее удивление совершенно искренне. По идее, Лара не имеет права обижаться, но мне кажется, что она все равно обижена.

– Да. Но все было не так, как ты думаешь. Честное слово...

– Это как понимать? – Она и вправду обижена или это я слишком глубоко копаю?

– Так что я расскажу тебе позже. Хотя рассказывать в принципе нечего. Во сколько ты ко мне приедешь?

– Часов в шесть, если не раньше. Моя голова сегодня плохо соображает. В таком состоянии бессмысленно сидеть на работе.

– Приезжай, когда тебе удобно. В любом случае я дома.

Я кладу телефон и откидываю голову на край ванны. Северин, в черной тунике, устроилась своей изящной попкой на самом краешке ванны и, вытянув стройные ноги, скрестила их в лодыжках. Она поворачивается ко мне. Ее лицо похоже на равнодушную маску. Она смотрит на меня своими темными, всезнающими глазами. Этот контраст моментально приковывает мое внимание: эти глаза видели гораздо больше, чем можно подумать, глядя на ее гладкое, без единой морщинки лицо. Я тотчас думаю о тонких морщинках в уголках моих глаз, о седом волосе, который я обнаружила у себя (и тотчас вырвала) на прошлой неделе.

– Мне тридцать один, – произношу я вслух. Северин по-прежнему не сводит с меня взгляда. – Тебе же всегда будет – сколько тогда тебе было? – девятнадцать. – Она равнодушно отворачивается. Теперь мне виден ее профиль. Ее нос с легкой горбинкой, но это ей даже идет. Он придает ее лицу некую силу. – Что ты здесь забыла? – Северин снова смотрит на меня. Не то чтобы слишком пристально. Скорее даже равнодушно. А затем ее взгляд вообще скользит куда-то мимо меня, как будто я больше не представляю для нее никакого интереса. Если честно, это меня задевает. Я тянусь за шампунем и взбиваю на голове пену, после чего обращаюсь к ней снова. На этот раз в моем голосе слышится раздражение: – Раз уж ты здесь, не могла бы ты сказать мне, кто тебя убил?

Северин сидит на краю ванны, закинув одну ногу на другую, курит и лениво болтает сандалией – совсем как десять лет назад, когда она загипнотизировала Себа. Она смотрит на меня и вопросительно выгибает бровь. Пожалуй, это первый раз, когда я вижу на ее лице какие-то эмоции.

– Да, я понимаю, такие вещи даются нелегко, – бормочу я и с головой погружаюсь во все еще горячую воду, чтобы смыть с волос шампунь. Когда же выныриваю снова, ее уже нет.

– Итак, – выразительно произносит Лара, как только в ее руке оказывается бокал вина. *Итак*. Такое короткое слово, всего два слога. Зато сколько в него вложено смысла! – Выкладывай. – Она выглядит усталой, такой усталой, что кажется, будто вот-вот развалится на части. Даже черты ее лица и те как будто какие-то помятые.

Я смотрю на бокал в моей руке. Он красив – высокий, элегантный и жутко хрупкий. Подарок, правда, не помню чей. Если нажать на него чуть сильнее, наверняка треснет. Я проникаюсь к нему сочувствием. Интересно, а у Лары сколько еще осталось сил?

– Это ты выкладывай, – довольно резко возражаю я. Нет, я не хочу быть резкой, но так уж получается.

Она делает глоток и пытается улыбнуться. Но улыбка тотчас гаснет, и мне моментально становится стыдно.

– С тобой всё в порядке? – тихо спрашиваю я.

Лара пожимает плечами:

– Вроде бы да. Наверное. – И вновь эта вымученная улыбка сквозь слезы, которые вот-вот потекут по ее щекам. – А с тобой?

Теперь пожимаю плечами я:

– Примерно то же самое. – Только в моем случае нет слез. Я не позволю себе в очередной раз разреветься. Делаю глоток вина. Но если не быть осторожной, сегодня оно быстро ударит мне в голову. – Ладно, проехали. Давай закажем карри и посмотрим кино. А поговорим позднее.

И я провожу целый вечер с Ларой. Приятный вечер, он навевает воспоминания о куда более счастливых временах. Мы смотрим романтическую комедию, обедаем карри и пьем слишком много вина. Эта наша привычка, и она такая приятная... Единственное, что изменилось с годами, – это стоимость вина. Северин не мешает нам, что, в общем-то, неудивительно. Я точно знаю, что она – плод моего – откровенно больного – воображения, а мое воображение бессильно представить Северин перед телеэкраном, на котором идет комедия с участием Риз Уизерспун. Мне почему-то кажется, что она предпочитает фильмы в стиле артхаус.

Но если говорить правду, изменилась не только стоимость вина. Когда фильм заканчивается, на пару секунд между нами воцаряется неловкое молчание.

– Итак, – снова говорит Лара, поворачиваясь ко мне, и устраивается на диване, скрестив ноги. Я выдала ей из своего гардероба широкие

пижамные штаны и худи. На мне они смотрятся как затрапезная домашняя одежда, но на Ларе, благодаря ее блондинистым волосам, пышному бюсту и бьющей через край сексуальности, их становится не узнать. Ее хоть сейчас помещай на рекламный щит «Аберкромби и Фитч». Неудивительно, что Том по-прежнему сохнет по ней. Раньше мне это было до лампочки; сейчас же я ловлю себя на том, что занимаюсь сопоставительным анализом. Один балл Ларе за ее моментальную сексапильность. Один балл Кейт за ее быстрый ум. Один балл Ларе... Я в ужасе от себя самой. Всего один пьяный поцелуй с Томом, и я уже скатилась так низко? И все же у меня никак не получается придушить чудовище с зелеными глазами, что затаилось во мне.

– Итак, – в свою очередь говорю я. – Как там дела с твоим дорогим детективом?

– А-а-а-а, – Лара опускает голову и пальцем чертит на диване круг. – Все довольно... сложно.

Похоже, она не прочь поговорить. Я поудобнее устраиваюсь на диване, принимая зеркальное отражение ее позы.

– И где он сегодня?

– Вернулся во Францию.

Мое сердце готово выпрыгнуть из груди.

– Насовсем?

– Нет, он возвращается во вторник. Просто какие-то семейные дела. Если не ошибаюсь, крестины. А не из-за расследования... – Ее палец продолжает чертить на диване круги. – Даже будь это как-то связано с расследованием, он все равно ничего не сказал бы. Он не говорит со мной на эту тему после того, как...

– После чего? – По ее щекам расползается румянец. Я тотчас догадываюсь, что она хочет сказать. Интересно, какими словами?

– После того как мы... перешли черту.

Браво! Как красиво сказано. У меня язык не поворачивается задать ей хотя бы один любопытный вопрос. Но, похоже, она от меня этого и не ждет. Лара пристыженно смотрит на меня и добавляет:

– Ты уж извини, но никакой инсайдерской информации.

– Сразу виден человек твердых принципов, – говорю я не без иронии.

– Именно! – Лара подается вперед, все ее тело буквально умоляет меня выслушать ее и понять. – Я знаю, как может показаться на первый взгляд. Мол, он трахает одну из свидетельниц уголовного дела. Но клянусь тебе, мы не смешиваем такие вещи. Он со мной ничего не обсуждает. Не сказал об этом ни единого слова. Да и в любом случае я вне подозрений.

– В отличие от меня.

Она кивает и говорит дальше:

– Да, ты права. Это, конечно, полнейшая бессмыслица, ведь она была жива в субботу утром. Но не только ты, а также Себ, Каро и Тео.

– Но в первую очередь я. По причине полного отсутствия у Себа сдерживающего начала. – Том был бы зол на меня, знай он, что я разговариваю об этом с Ларой. Но мне наплевать. Том в любом случае зол на меня, так что какая разница.

Лара качает головой:

– Я не... – Ее голубые глаза становятся размером с блюдце. Это можно считать подтверждением тому, что Модан не обсуждает с ней ход расследования. Впрочем, я не собиралась устраивать им обоим проверку на вшивость. – Себ и Северин? Неужели? Никогда бы не подумала. Нет, он, конечно, считал ее хорошенькой, все парни питают слабость к французскому *шарму*. Это так предсказуемо! – Лара закатывает глаза. Я невольно улыбаюсь. Лара, которая неизменно – и с успехом – исполняет роль шведской секс-бомбы и столь критично настроена по поводу того, что Северин с выгодой для себя пускала в ход культурные стереотипы. Кстати, похоже, она все еще под впечатлением этой новости. – Ух ты... Ну и козел же этот Себ. Вернее, был козлом. Впрочем, думаю, он и сейчас такой. – Она качает головой. – И когда ты это узнала?

– Совсем недавно. Я сама начала задаваться этим вопросом, как вдруг Себ – хотя его никто не тянул за язык – сам во всем признался мне вчера вечером. Только потому, что он уже сказал это Модану. И не хотел, чтобы я узнала это от детектива.

– Но как? – Лара хмурит брови. – Они явно соблюдали конспирацию. Мы ведь на той ферме буквально сидели друг у друга на головах.

– Судя по всему, это случилось в последнюю ночь.

– О да, ночка тогда выдалась совершенно безумная... – Она снова качает головой, переваривая новость. – Даже не верится, что я могла такое пропустить... Господи, что еще я пропустила?

С ее стороны это риторический вопрос. Но на самом деле это самый главный вопрос, ключ ко всей загадке.

– Да, я тоже об этом думала, – тихо признаюсь я.

– Ты хочешь сказать... Но ведь в субботу утром она была жива, – порывисто возражает Лара. – Она села в тот гребаный автобус.

– Верно, села, – я киваю. – И в таком случае вся эта история не имеет к нам ровным счетом никакого отношения. Или же не села – и по чистому совпадению на той остановке в автобус села другая девушка, на нее

похожая.

– Ничего себе совпадение! Сколько в мире девушек того же роста и сложения да еще с шифоновым шарфом на голове?

– Верно, лишь совпадение, и в этом случае... – Я развожу руками и пожимаю плечами. – Похоже, твой Модан очень даже увлечен этой версией.

– Он не мой Модан, – протестует Лара, но как-то неубедительно.

– Вот как? А мне казалось, что он твой. С головы до ног, сердцем, разумом и всем прочим.

– Я бы тоже так подумала, но он... он не говорит о том, что будет, когда он закончит свои дела и вернется во Францию. – Лара смотрит на меня почти лихорадочным взглядом. – Знаю, у него уже были отношения на расстоянии, так сказать, и он их ненавидел... Понимаю, это, конечно, безумие, мы почти не знаем друг друга, но... – Лара беспомощно всплескивает руками. Внезапно мне становится понятен ее страх: она знает, что уже сорвалась в пропасть. – Он не говорит об этом ни слова. Затвердил лишь одно: «Что-нибудь придумаем». И как, скажи, мы это сделаем, если он отказывается говорить на эту тему?

– Может, ему нужно сосредоточиться на чем-то одном? Вдруг он хочет поскорее закончить расследование, чтобы вам больше не прятаться от людей... – Я не верю собственным ушам. Это надо же! Я защищаю того, кто, похоже, вознамерился сделать из меня убийцу! Но я видела, каким взглядом Модан смотрит на Лару. Такое нельзя не заметить. Он как будто «завязавший» алкоголик, а она – тот самый стакан, о котором он мечтал все эти годы. В его планы явно не входит отпустить ее от себя.

– Вдруг Модан просто переживает из-за того, как ты воспримешь, когда он упечет твою лучшую подругу за решетку? – кисло спрашиваю я.

– Но ведь она села в гребаный автобус, – Лара со злостью вгоняет в диван кулак.

– Знаю, знаю. Но давай на минуту забудем про него. Если б ты расследовала этот случай, кто был бы твоим подозреваемым номер один?

Лара задумчиво взвешивает все «за» и «против».

– Не Том и не я – по очевидным причинам. Не думаю, что Том у тебя вне подозрений, но я вернусь к этому позже. И я точно знаю, что это не ты, потому что ты до вчерашнего дня ни о чем не знала. Какой у тебя мотив?

– Ну, на твоём месте я бы не стала с ходу вычеркивать меня, – шутливо отвечаю я.

– Тсс. Не мешай. Если мне нужно об этом подумать, давай не будем терять время на пустые предположения. Тео: никакого мотива. Он знал ее сто лет, и, похоже, они всегда были друзьями. Я ничуть не сомневаюсь, что

она ему нравилась. Но давай будем честны: даже если он попытался трахнуть ее и получил от ворот поворот, я не могу представить себе Тео в гневе убивающим ее.

– Пожалуй, соглашусь. – Перед моим внутренним взором возникает Тео: при любой подначке его щеки заливаются краской. Его спина с молочно-бледной кожей – истинное проклятье, если у вас рыжие волосы, – густо намазана защитным кремом. Я – хоть ты тресни – не могу даже представить, как Тео пробует подкатиться к Северин. Если на то пошло, я не помню, чтобы Тео пытался подкатиться к любой из нас.

– Наверное, с моей стороны жутко неполиткорректно признаваться, что я была удивлена тем, как он погиб, – осторожно замечает Лара. – Но я даже подумать не могла, что он на такое способен.

– Согласна. Жутко неполиткорректно. Впрочем, и я тоже. – Тео погиб, бросившись на гранату, спасая четверых своих товарищей. Наверное, то была машинальная реакция. Том сказал, что на похоронах родители Тео были в равной степени убиты горем и полны гордости.

– Да... – Лара стряхивает с себя задумчивость. – Ладно, в любом случае у нас остаются Каро и Себ. – Она хмурит брови. – Не вижу причин, почему Каро могла бы... или Себ... но он был с ней. – Я сижу молча, не желая вклиниваться в ход ее рассуждений. В некотором роде это тест. И я слушаю, затаив дыхание. Если Лара выдвинет ту же гипотезу, которая медленно зрела в моем подсознании, я не смогу отмести ее как очередной продукт моей разыгравшейся фантазии. – Итак, Себ был с ней. Но зачем ему ее убивать? Он точно не стал бы этого делать – по крайней мере, намеренно. – Ага, вот оно. – В этом я уверена на все сто. Но что, если это был несчастный случай? – Лара делает большие глаза. – Да-да, это мог быть только трагический случай. Что-то пошло не так, и, чтобы не иметь дел с полицией, он запихнул ее тело в колодец. Думаю, ему хватило бы сил.

Бинго! Мы смотрим друг на друга, вытаращив глаза.

– Вчера вечером Себ неустанно подчеркивал, что когда он вернулся в нашу комнату, то сразу вырубился, – тихо говорю я.

– И так оно и было? – спрашивает Лара.

– Я не уверена. Скорее всего, вырубилась я. Он разбудил меня примерно в шесть утра или около того, когда отправился в туалет. – Часы. Себ, вылезающий из трусов, золотистые волоски на его ногах. Часы... Себ...

– То есть он мог прийти в любое время.

– Наверное. – Правда, мне только что пришло в голову, что память запечатлела Себа на моей стороне кровати. На той стороне, где стоял стул,

на который он, раздеваясь, обычно бросал свою одежду. И он вылезал из трусов. В течение всего нашего времени во Франции он, если ему нужно было в туалет – а туалет был общий, – всегда хватал с крючка за дверью полотенце и заворачивался в него. Один раз он бегал туда совершенно голый. Но никогда не заморачивался над тем, чтобы найти и надеть трусы. – Или же... он тогда и вернулся. Не знаю. – И вообще, что помню я сама, а что память восстанавливает за меня? Я уже ничему не верю.

– Кстати, а как можно кого-то случайно убить?

Я пожимаю плечами:

– Неудачно стукнуть по голове? Она могла споткнуться и разбить обо что-нибудь голову... Думаю, вскрытие это покажет.

– А сколько, по-твоему, нужно времени, чтобы случайно убить девушку и сбросить ее тело в колодец? – спрашивает Лара с нарочитой игривостью в голосе.

– Мой обширный опыт по части случайных убийств подсказывает мне... – отвечаю я ей в том же духе. Похоже, сегодня я снова перепила, если способна отпускать шуточки в адрес той, что неотвязно преследует меня. – Господи, не знаю. Думаю, сначала он ее какое-то время трахал, хотя как долго можно это делать, будучи пьяным...

– А затем, по всей видимости, его охватила паника, и он, не зная, что ему делать... – Она на миг умолкает. – Впрочем, это лишь наши умозрительные игры. Это даже не гипотеза. В конце концов, Северин села в тот автобус. Так ведь?

Лара перехватывает мой взгляд, и я вижу в ее глазах знакомую мне неуверенность, которая под стать тугому узлу у меня в животе. Она пытается успокоить меня. Я пыталась успокоить ее. Но каков результат?

– Так, – тихо соглашаюсь я.

Глава 13

Я предлагаю Ларе остаться у меня ночевать, в душе надеюсь, что она скажет: «Спасибо, но я предпочитаю просыпаться в собственной постели». Но нет, она с благодарностью принимает мое предложение. Я же пытаюсь вспомнить, когда Лара делала это в последний раз. После окончания университета мы частенько ночевали друг у дружки – такая подсознательная попытка воспроизвести обстановку студенческого общежития, где невозможно побыть одному. Я ловлю себя на мысли о том, что сейчас я почти все время одна – длительные периоды изоляции, перемежающиеся с краткими периодами человеческого общения, которые, однако, не избавляют от ощущения одиночества. Возможно, это нехорошо для меня – или, по крайней мере, нехорошо то, что в принципе меня это устраивает. В любом случае, думаю я с черным юмором, теперь у меня поселилась Северин.

У меня есть вторая спальня, но Лара, как в старые добрые дни, забирается в постель вместе со мной и, повернувшись на бок, кладет голову себе на локоть. В теплом свете ночника мне видно, что карандаш вокруг ее глаз размазан, а веки тяжелы от выпитого вина. У Лары жутко неряшливый и вместе с тем распутно-соблазнительный вид. Модану наверняка нравится, думаю я. Но долго ли это продлится? Что, если в один прекрасный день он посмотрит на нее равнодушным взглядом и уйдет на работу, думая лишь о том, какие дела предстоят ему сегодня? Или же у него всегда найдется момент полюбоваться ею и, возможно, погладить ей щеку тыльной стороной ладони? А Том? Помнит ли он, какой она была в его постели много лет назад? Мечтает ли снова увидеть ее там? Я быстро обрываю ход моих мыслей, переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок. В Оксфорде, да и в последующие годы бывали моменты, когда я жутко завидовала Ларе: ее природному магнетизму, ее умению легко и естественно флиртовать с мужчинами. Уже одно ее присутствие всегда затмевало меня, отодвигало на второй план. Я старалась гнать прочь эту зависть, утешая себя тем, что такие, как я, обычно нравятся более разборчивым мужчинам. Мне казалось, я переросла эти комплексы моей студенческой молодости, и вот теперь, десять лет спустя, вынуждена униженно признать: в принципе ничего не изменилось.

– Том, – сонно произносит Лара. Я вздрагиваю и снова смотрю на нее. – Давай, рассказывай, что там у вас с ним.

Я тру ладонью лицо, не доверяя собственному голосу, затем заставляю себя произнести:

– Рассказывать особо нечего.

– Странно... Тогда почему ты такая расстроенная?

– Я была пьяна. Вернее, мы оба были пьяны. Мы ехали в одном такси, и я поднялась к нему в квартиру выпить чаю. Честное слово, только за этим! – восклицаю я, видя, как Лара скептически выгнула бровь. – Но затем... я даже не знаю, как это получилось... мы начали целоваться, а потом... а потом я, должно быть, вырубилась. – Закрываю лицо подушкой. – Это так унижительно, – говорю, слегка приподняв подушку, чтобы Ларе были слышны мои слова. – А на следующее утро Том наорал на меня: видите ли, я злоупотребила нашей дружбой. Он был такой... мелочный. В общем, я жутко расстроилась. – Пожимаю плечами, откладывая подушку и смотрю в потолок. – В принципе, оно даже к лучшему, что он не хочет... чтобы между нами что-то было. – *Неправда, ничего хорошего в этом нет.* – Но он был очень груб со мной.

Как же это больно – признаваться в собственном унижении той, кого ему хочется на самом деле. Интересно, Ларе приятно слышать, что я не заняла ее место, думаю я, – и мне тотчас становится стыдно.

– Том? Груб с тобой? – Брови Лары недоверчиво ползут вверх. В свете ночника они кажутся золотистыми.

– Уж поверь мне. Он это умеет, если постарается. Такое стоит слышать. – Что неудивительно, ведь Том привык хорошо делать все, что бы это ни было.

– Знаю. Но... груб с тобой? Что, собственно, он сказал?

– Какая разница... честное слово, это не имеет значения. Я не хочу втягивать тебя в эти дразги. – Я качаю головой и снова смотрю на потолок. Может, его стоит побелить заново? Или же это просто лампа отбрасывает неровные тени? Интересно, а где спит Северин? И спит ли она вообще? Она обитает в моей голове и наверняка спит тогда же, когда и я, хотя я это представляю себе с трудом. Я могу представить ее неподвижной, даже с закрытыми глазами, но в ней всегда присутствует некая готовность, словно у дремлющей пантеры. При малейшем движении или звуке она неспешно поднимет веки и оглядится вокруг своими темными, непроницаемыми глазами. Эта мысль почему-то успокаивает меня. Это все равно что иметь в доме собаку. Северин, моя защитница. Я готова громко рассмеяться.

– А ты хотела, чтобы между вами что-то было? – помолчав пару секунд, осторожно спрашивает Лара. Я поворачиваю к ней голову, но теперь ее очередь смотреть в потолок. На ее ресницах видны крошечные

комочки туши. Утром я обнаружу на наволочке черные полосы, которые потом не отстирать. – Вы с ним всегда были... друзьями. И как же Себ?

Я почему-то думаю о том, что Себ ни разу не посмотрел на Лару. С нашей самой первой встречи он ни на кого не смотрел, кроме меня. Уж не поэтому ли меня так влекло к нему?

– Мы с Себом расстались десять лет назад. – Лара поворачивает голову и скептически смотрит на меня. Впрочем, я ее в этом не виню. Если я сама не уверена, выбросила ли Себа из своего сердца, то как можно требовать уверенности от кого-то еще? – Нынешний Себ... это совсем не тот Себ, которого я когда-то знала. Или же мне казалось, что знала. – Теперь же я не уверена, что Себ был именно тем, кем я его считала. – Возможно, если б я видела его в эти годы, то давно перестала бы о нем думать. – А может быть, и нет. Может, именно этот контраст между настоящим и прошлым и позволил мне увидеть вещи четко и ясно?

– Подвести черту, – задумчиво произносит Лара. На ее губах возникает усталая улыбка, и она повторяет с американской гнусавинкой: – Подвести черту... – Широко зевает, однако спешит прикрыть рот ладонью. В это мгновение она напоминает мне кошку. Затем я представляю ее, довольную и загорелую, в моей машине, по дороге домой из Франции. Тоже кошка, но съевшая сметану. Я зажмуриваюсь, однако картинка не исчезает. – Но Том... – говорит она. – Тебе действительно хотелось чего-то большего?

Неужели в ней говорит чувство собственности? И что это? Притворство или естественная реакция? Я судорожно пытаюсь найти ответ.

– Господи, не знаю. Я всегда воспринимала его только как друга. Как вдруг... – Неужели все и впрямь было столь неожиданно? Я вспоминаю, как проснулась в его машине после поездки к его родителям. *Просьтайся, спящая красавица.* Думаю о том мгновении, прежде чем окружающий мир вновь ворвался в мое сознание. Возможно, оно застряло в моей голове, и от него как от брошенного в воду камня пошли круги. Яжимаю плечами, но эта мысль тревожит меня. – Не знаю. – Зевки Лары заразительны. Теперь уже зеваю я.

– Мммм, – мычит она и закрывает глаза. Я тяну руку и выключаю ночник.

Лара спит. Тепло ее тела крадучись преодолевает расстояние между нами. Я слышу ее ровное дыхание, чувствую, как мерно вздымается и опадает ее грудь. В эти мгновения нас объединяет не только физическая связь, но и некая невидимая паутина. И все же, что бы ни объединяло нас, внутри мы все равно одиноки. Ну почему?

В понедельник, когда я после деловой встречи возвращаюсь в офис, у Джулии для меня сообщение: *Позвонить Каролине Хорридж*, и телефонный номер фирмы «Хафт и Вейл». А вот от Тома ни слуху ни духу. Он вряд ли станет звонить мне на работу. Но если честно, я и сама этого от него не жду. Первым делом отвечаю на электронные письма, но желтый листок, исписанный кудрявым почерком Джулии, по-прежнему лежит на моем столе и сердито поглядывает на меня. Я ловлю себя на том, что нарочно тяну время. Я стискиваю зубы, снимаю телефонную трубку и набираю номер. При этом стараюсь игнорировать присутствие Северин – она стоит, прислонившись к стене, и рассматривает свои ногти.

Каро отвечает как всегда: после первого же гудка берет трубку и бодро называет свое имя.

– Привет, Каро! Это Кейт Ченнинг, – так же бодро представляюсь я, лишая ее возможности играть в свои игры. – Ты просила перезвонить.

Однако она выдерживает паузу, как будто, даже услышав мое имя и причину моего звонка, все еще пытается понять, кто я такая.

– Ах да, Кейт, – с теплотой в голосе произносит она наконец. – Извини, я тут с головой ушла в разработку довольно сложного проекта... Но теперь я снова на поверхности. Я звонила, чтобы обсудить с тобой процесс отбора кандидатов.

Я понятия не имею, о чем она.

– Каких кандидатов?

– Для работы в фирме «Хафт и Вейл», разумеется. Наши планы по набору персонала. Надеюсь, Гордон уже сообщил тебе, что передает бразды правления проектом в мои руки.

– Э-э-э... – Фальшивая улыбка моментально слетает с моего лица.

– Неужели нет? Как жаль. – *Неправда, ей ничуть не жаль.* – Я не хотела опережать события. – *Еще как хотела!* – Я была уверена, что он с тобой уже говорил. – *Ей прекрасно известно, что нет.* – В любом случае он передал управление мне, и с сегодняшнего дня мы с тобой работаем вместе. – Она умолкает, ожидая моей реакции.

– Как интересно, – говорю я. Кстати, мне действительно интересно, причем по ряду причин, но она явно ждет от меня чего-то более весомого. Я быстро прихожу в себя и вновь наклеиваю на лицо фальшивую улыбку. – Что ж, добро пожаловать на борт! – Я уверена, что Гордон хотел сообщить мне это сам. Любопытно, как он отреагирует, когда узнает, что она

перепрыгнула через него?

– Спасибо. Я подумала, может, ты завтра выкроишь время и заедешь ко мне в офис, чтобы ввести меня в курс дела... Как ты на это смотришь?

– Положительно, – отвечаю я и смотрю на свой электронный ежедневник. Теперь в нем куда больше заполненных клеток – встречи, телефонные звонки... Неудивительно, что моя улыбка остается на месте. – Я могла бы приехать к тебе в одиннадцать утра или в любое время после половины четвертого.

– Давай в одиннадцать, а потом где-нибудь перекусим. Как тебе мое предложение?

– Отлично. Тогда до завтра, – отвечаю я.

Я кладу телефонную трубку, и в эту минуту в кабинет входит Пол.

– Кейт! – восклицает он. В эти дни парень явно на подъеме. – Как хорошо, что я тебя застал. У меня тут наметились кое-какие подвижки, которые я хотел бы с тобой обсудить и...

– Не так быстро, – говорю я и смеюсь. – Я никуда не тороплюсь. По крайней мере, сначаланими хотя бы пальто.

Северин презрительно смотрит на него. Меня же посещает внезапный вопрос: если Северин – плод моего воображения, то значит ли это, что ее реакции – это мои глубоко запрятанные чувства? Я наблюдаю за Полом, пока тот снимает свой модный плащ, и пытаюсь посмотреть на него новым взглядом. Конечно, над его пристрастием к модным, дорогим шмоткам, над его угодливыми манерами и болезненным честолюбием можно смеяться сколько угодно. Но ведь я видела его другим – например, в пятницу вечером: усталым, с посеревшим от недосыпа лицом, отпахавшим двойную рабочую неделю. Мы с ним здесь в офисе вместе пили шампанское из пластиковых чашек. У меня нет желания насмеяться над ним. И я готова согласиться с тем, что Северин – эта Северин – мое творение, но она – не я.

– Что такое? – спрашивает Пол, замечая на себе мой взгляд, и подтягивает стул к моему столу.

Я делаю нейтральное лицо:

– Ничего. Просто мне подумалось, что в последнее время нам подозрительно часто везет.

– Везение здесь ни при чем, – серьезно отвечает он, хмуря свои светлые, почти невидимые брови. – Это результаты упорного труда.

Пол действительно в это верит. Верила ли когда-то в это я? Неужели я думала, что все хорошее приходит к тем, кто это заслужил?

– Скажем так, – уклончиво отвечаю я, не желая прокалывать воздушный шарик его радости. – И то, и другое.

Модан, Ален Модан, следователь, *ОРЖ* и любовник Лары, обладатель многих талантов. До меня постепенно доходит, что один из них – это умение вывести тебя из равновесия единственным, элегантным и хорошо продуманным метафорическим ударом. Думаю, этот талант Модан развил в себе за долгие годы, тщательно оттачивая его для того, чтобы минимальными усилиями добиваться максимального результата. Эту свою кампанию он начинает простейшей из просьб – о встрече.

– Причем сразу со всеми, – добавляет Лара в мобильник. Тот зажат у меня между ухом и плечом, оставляя свободными руки, чтобы я могла положить в портфель необходимые мне бумаги. Или она страшно устала, или только что общалась со своей семьей в Швеции. В ее голосе слышится легкая напевность, которая проявляет себя лишь в определенных обстоятельствах. – Он говорит, что не хочет пять раз повторять одно и то же.

– Ммм...

– Ты не веришь, что это настоящая причина, – говорит Лара. Это утверждение, а не вопрос.

– Нет. – Лично я ожидала, что Модан предпочтет пять отдельных интервью, чтобы иметь пять отдельных возможностей проанализировать реакцию каждого из нас. Странно, откуда эта смена тактики? Я пару секунд молча листаю документы, которые затем кладу в свой портфель. – Думаю, вы с ним тоже не верите.

– Нет... – Она глубоко вздыхает. Ее вздох проносится по всему городу и наконец попадает ко мне в ухо. – Это просто...

– Бесит? – Я оставляю свое занятие как бесполезное и без разбора сую все бумаги в портфель.

– Нет. Вернее, отчасти да. Но главным образом... беспокоит. Он лжет. Я знаю, что он лжет; он знает, что я знаю, что он лжет... Мне кажется, он даже хочет, чтобы я знала, что он лжет, так как думает, что от этого ситуация становится менее ужасной. И как нам теперь строить наши отношения на всем этом?

– Вот и не надо ничего строить, – приторным тоном говорю я, захлопывая портфель. – Именно поэтому полицейским не рекомендуется браться со свидетелями.

– Да иди ты знаешь куда, – отвечает она со смехом.

– И пойду, потому что у меня деловая встреча, – отвечаю я и беру

мобильник в руку. – Послушай, Лара, это пройдет. Вряд ли это у вас с ним надолго. Тебе нужно... завязывать с ним, и чем скорее, тем лучше.

– Сама знаю. – На этот раз ее вздох обвивает меня словно клубы тяжелого тумана. Наше солнышко Лара быстро тускнеет. Если это продлится еще пару лет... мне даже не хочется думать на эту тему. – Ладно, увидимся вечером. В шесть тридцать.

– Я помню. А ты уверена, что там будут все? – спрашиваю я как будто походя, но Лару не проведешь.

– Конечно. Хотя я и не знаю, чье присутствие тебя беспокоит больше – Себа или Тома.

– Вообще-то Каро, – сухо отвечаю я. – Всегда Каро.

* * *

Шесть тридцать. Мы встречаемся в огромном монстре из стекла и бетона постройки шестидесятих годов, известном как Новый Скотленд-Ярд. Это штаб-квартира лондонской полиции. Я пропустила данный факт мимо ушей, когда Лара по телефону сообщала мне подробности, но теперь, стоя рядом со знакомым треугольником, который тысячи раз видела в теленовостях, я чувствую, как узел в моем животе затягивается ту же. Модан не просто пройдоха-француз, который трахает мою лучшую подругу. За ним горой стоит закон – как его страны, так и моей. Я прекрасно понимаю: он нарочно пригласил нас сюда, но от этого понимания мне ничуть не легче. Оглядываюсь по сторонам в тщетной надежде, что вот-вот появится Лара и мы с ней войдем в эти двери вместе. Но, увы, я одна. Расправляю плечи и толкаю дверь.

Внутри пустынно, голо и чисто, но я не в том состоянии, чтобы замечать детали. За стойкой уже ждет серьезного вида офицер. Всего несколько минут, и меня приводят в конференц-зал, в котором стоит стол из имитации сосновой древесины, а вокруг него двенадцать стульев – хотя хватило бы и половины. Пока что все эти стулья пусты.

– Вы первая, – говорит полицейский, хотя это понятно и так. Тон его дружелюбный, но лицо каменное. Наверное, так бывает, если долго служишь в полиции. Впрочем, Модан, похоже, сохранил способность к мимике. – Думаю, что детектив Модан будет с минуты на минуту. В коридоре справа есть кофейный автомат. Если вам захочется кофе, не стесняйтесь, – говорит он и уходит.

Я же остаюсь одна с функциональной мебелью. Бросив сумку на один

из стульев, озираюсь по сторонам. Серая лондонская улица по ту сторону окна слегка искажена. Интересно, тут у них пуленепробиваемое стекло? Наверняка пуленепробиваемое, потому что гул транспорта совершенно не слышен. Из коридора доносится приглушенный шум, там продолжается жизнь. Но здесь и я, и эта большая комната будто затаили дыхание, как то обычно бывает перед спуском на американских горках.

Затем я отчетливо слышу баритон Тома и хихиканье Лары. Тележка на американских горках набирает скорость, и мой желудок подсакивает к горлу. В следующий миг они входят. Следом за ними – Себ. Я стараюсь смотреть только на Лару. Я здороваюсь с ней и ищу спасения в ее объятиях. Увы, я не могу прятаться в них вечно. Отпускаю Лару и поворачиваюсь к Тому и Себу. Оба одновременно делают шаг мне навстречу, затем Том неуклюже машет рукой и делает шаг назад, уступая первенство Себу.

– Привет! – нейтрально говорю я. Мне видно, как за его спиной в зал входит Каро. Ее светлые волосы гладко зачесаны назад и собраны в узел.

– Кейт! – с теплотой в голосе говорит Себ, но мне кажется, что в его глазах застыла настороженность. – Рад тебя видеть, но, если честно, лучше бы где-нибудь в пабе, а не здесь. – Он наклоняется, чтобы поцеловать меня в обе щеки. Все это время стою неподвижно, воображая, что мои щеки высечены из мрамора, и смотрю на Тома. Тот, в свою очередь, непроницаемым взглядом смотрит на нас с Себом. Стоило нашим глазам встретиться, как он спешит отвернуться. И конечно же, Каро наблюдает за всеми нами.

– Привет, Том! – тихо говорю я, делая шаг ему навстречу.

– Привет, Кейт! – говорит он, отказываясь посмотреть мне в глаза. Однако затем наклоняется и целует меня в обе щеки. Том, который никогда никого не целует, а только обнимает. И вновь мои щеки становятся мраморными, но на этот раз не по причине молчаливого протеста, а потому, что для меня это единственный способ не разлететься вдребезги. Я чувствую, как начинаю покрываться трещинами, и не знаю, как заново собрать себя воедино.

– Том... – начинаю я, когда он отступает, но тут инициативу в свои руки берет Себ.

– Черт, как же я хочу кофе, – говорит он поверх моей головы. – Тебе тоже принести? – Это к Тому.

– Я лучше схожу вместе с тобой, – быстро отвечает тот, судя по голосу, с облегчением.

Я провожаю обоих взглядом и на какой-то миг смотрю на них глазами постороннего человека: два молодых мужчины, похожие лицом и

телосложением. Их даже можно было бы принять за братьев. И вместе с тем они совершенно разные. Себ всегда казался старше. Он и сейчас кажется старше, но это уже не комплимент. Десять лет назад Себ был мужчиной среди юношей, сегодня же он – тот, кто приближается к среднему возрасту быстрее нас всех остальных. В свете дня в нем заметна какая-то дряблость, еще более бросающаяся в глаза по сравнению с мускулистой подтянутостью Тома.

Каро разговаривает со мной и Ларой и одновременно пытается выудить что-то из своего элегантного кожаного портфеля.

– Господи, я боялась, что не успею сюда... У меня были переговоры с важным клиентом. Я же не могла просто так встать и уйти. – Я невольно стискиваю зубы. Не просто с клиентом, а с *важным* клиентом. И не у нас, а у *меня*. Наверное, это некрасиво и мелко придираться к каждому слову, но я ничего не могу с собой поделать. Наверное, внутри меня сидит некая предвзятость по отношению к Каро. – В любом случае, – говорит она, глядя на мобильник, который извлекла из портфеля, – как дела? Я имею в виду вас двоих.

– Неплохо, – бодро отвечает Лара. – Правда... ой, а вот и Алэн.

Я оборачиваюсь. Алэн Модан застыл в дверях. На нем сегодня элегантный серый костюм, к которому прилагается серо-голубой галстук. Он обводит глазами комнату; его взгляд тотчас останавливается на Ларе – ненадолго, но этого мгновения достаточно, чтобы между ними установилась некая незримая связь – если протянуть руку, ее даже можно потрогать, – а потом скользит дальше. Наконец он входит в зал.

– Леди, – говорит француз, и в уголках его рта появляется затаенная улыбка, – и джентльмены, – добавляет он, когда Том и Себ возвращаются с картонными стаканчиками кофе в руках. Поставив стаканчики на стол, они обмениваются с ним рукопожатиями. Я отмечаю, что Модан не стал пожимать руки ни Каро, ни Ларе, ни мне. – Добро пожаловать в роскошный дворец под названием Новый Скотленд-Ярд, – добавляет он, иронично выгнув бровь.

– А во Франции отделения полиции тоже такие? – спрашивает Лара.

Модан серьезно задумывается над ее вопросом.

– А, *oui*, во многих отношениях. Хотя... – Он смотрит на картонные стаканчики с кофе на столе и с видимым отвращением морщит нос. – Кофе у нас лучше. – Его слова встречают дружный смех. Мы все, как один, напряжены, однако из последних сил пытаемся не подавать виду. – И еда у нас тоже лучше. И декор, и мебель... так что да, всё не так.

Он улыбается, довольный тем, что рассмешил нас, и в уголках его рта

появляются глубокие складки. Я первый раз вижу его в обстановке, когда у него имеется аудитория. Надо отдать ему должное: он превосходный артист. Я также отмечаю, что у них с Ларой немало общего: оба комфортно чувствуют себя в своем теле и излучают естественный шарм.

Модан вновь обводит взглядом зал, как будто подсчитывает нас по головам.

– *Alors*, все в сборе. Прошу вас, садитесь.

И мы садимся. Модан – во главе стола, мы с Ларой – по одну сторону от него, Том, Себ и Каро (и ее мобильник) – по другую. Это разделение напоминает мне точно такое же во время той роковой недели во Франции. И оно отнюдь не случайно. Последней место для себя выбирает Каро. Мне видно, как она оценивает разные варианты. Искусственный свет подчеркивает тени у нее под глазами, которые бессилён скрыть даже тональный крем. Кожа сероватого оттенка, как того и следует ожидать у юриста, идущего на повышение. Наконец она усаживается рядом с Себом. Я же смотрю на нее глазами хедхантера, как если б она была перспективным кандидатом, которого откопала моя рекрутинговая контора. Увы, объективного взгляда у меня не получается. Мешает моя антипатия к ней.

Северин тоже вызывала у меня антипатию. Но то было в жизни. Теперь, когда она мертва, я постепенно привыкаю к ней. И она не могла этого не заметить. Кстати, стульев здесь на пять штук больше, чем нужно, и Северин устроилась на дальнем конце стола. Ее лицо не выдает никакого интереса – впрочем, чего еще от нее ожидать, на то она и Северин. Выдает ее другое: она как будто окаменела внутри.

– Итак, все в сборе, – снова говорит Модан, когда мы все садимся. Я замечаю, как Том быстро обводит нашу компанию глазами и по его лицу пробегает тень отчаяния. Впрочем, он моментально возвращает ему невозмутимость. Возможно, стульев больше всего на четыре. Вряд ли у Северин монополия на незримое присутствие.

– *Alors*, спасибо вам всем, что пришли. – Модан медленно обводит взглядом стол. Его длинное лицо серьезно. Напротив меня Том и Себ отодвинули стулья как можно дальше от стола и, небрежно развалившись, вытянули длинные ноги. Неужели этой способности всем своим видом дать понять, кто здесь хозяин, учат в частных школах? Кстати, а ради кого ее демонстрирует Том? Ради меня или Модана? – Я пригласил вас, чтобы сказать вам всем сразу, что теперь у нас имеются результаты судебной экспертизы останков мадемуазель Северин. – Я бросаю взгляд через стол и вижу, как пальцы Себа впиваются в картонный стаканчик, а сам он резко

поднимает глаза. В отличие от него, Том выглядит так, будто Модан обсуждает погоду, и к тому же погоду скучную. – Заключение судмедэкспертов таково: она умерла в результате того, что вы называете *грязной игрой*.

Я жду, что полицейский скажет дальше, но он лишь снова обводит нас взглядом.

– Вряд ли вы собрали нас только ради этого, – внезапно говорю я. Я устала. По крайней мере, от его спектакля. А еще я расстроена и не отдаю себе отчета в собственных действиях. Лара кладет руку мне на локоть, но даже это не способно меня остановить. – Нет, я совершенно серьезно. Она закончила свою жизнь, сложенная гармошкой на дне колодца. Чем еще это может быть, как не *грязной игрой*?

– Сложенная гармошкой? – хмурится Модан. – Это как понимать?

Лара что-то быстро выпаливает по-французски. Лицо француза проясняется.

– Понятно. – Он как будто пробует новую фразу. – Сложенная гармошкой. Что ж, справедливо замечено, хотя, разумеется, мы не можем окончательно отбросить версию самоубийства или несчастного случая. – Последние два слова он произносит с сильным французским акцентом, но меня куда больше зацепило *самоубийство*. Какая нелепость! Я подавляю в себе взрыв хохота: это было бы весьма некстати. Но неужели он серьезно рассматривал вероятность того, что она сама себя запихнула в колодец? Я бросаю взгляд вдоль стола и встречаюсь глазами с Северин. Не считая чисто логистических сложностей в осуществлении такого рода намерения, мы обе прекрасно знаем: в ее планы не входило сводить счеты с жизнью.

– Но вы правы. Не только ради этого, – продолжает Модан, не замечая на себе тяжелого взгляда Северин.

По ту сторону, подавшись вперед и забыв про мобильник, застыла Каро. В эти минуты она – классическая иллюстрация внимания. Правда, непонятно: то ли она действительно внимательно слушает, то ли делает вид. Том с Себом по-прежнему сидят, развалившись на стульях, однако в Себе напряжение тотчас бросается в глаза. Ему явно недостает врожденного притворства Каро.

– По истечении долгого времени, если только тело каким-то образом не сохранилось, результаты судмедэкспертизы могут быть нулевыми. Вернее, неокончательными. В данном случае мы имеем тело, пролежавшее десять лет в теплом и сухом месте; в таком обычно хорошо сохраняются только кости. – Сидящая рядом со мной Лара вздрагивает. Движение едва заметное, но оно не ускользает от Модана. Интересно, что бы он подумал,

если б вздрогнула я или Каро. – Прошу меня извинить, тема не слишком приятная, но без нее не обойтись. Итак, как я уже сказал, сохранились только кости. – Он разводит руками: – Сломанные кости.

– Сломанные? – переспрашивает Лара. – И кто же их сломал?

– Мы не можем сказать, когда имели место переломы – до или после смерти, – Модан пожимает плечами и одновременно на миг разжимает и вновь сжимает пальцы. – Такие можно получить в автокатастрофе, – он пару секунд подыскивает нужное слово и, найдя, щелкает пальцами, – если был совершен наезд.

Я замечаю, как сидящий по другую сторону стола Том резко вскидывает глаза на Модана. Впрочем, это длится всего одно мгновение – в следующую секунду передо мной все тот же равнодушный наблюдатель, каким он был с самого начала. И все же он чем-то удивлен. Впервые с того момента, когда стало известно о том, что Северин найдена, я замечаю в нем удивление.

– Или же, – продолжает Модан, – переломы имели место, когда тело запихивали в колодец. Когда его, как выразилась Кейт, сложили гармошкой. – Он кивком указывает на меня. И хотя на этот раз на его лице нет улыбки – это было бы верхом дурного тона, – я знаю, что внутри полицейский улыбается.

– Итак, вы говорите, – подает голос Каро, чье лицо являет собой профессиональную маску, – что у вас нет улик, подтверждающих причину смерти? В таком случае что держит вас здесь? Может, вам стоит собрать вещи и вернуться домой?

Пальцы Лары впиваются мне в руку. Модан даже не смотрит на нее.

– К сожалению, *non*^[7], – добавляет он с театральным вздохом. – Вы правы, причина смерти нам не известна. Зато у нас есть ее кости. Человеческое тело – удивительная вещь... – Он с полуулыбкой покачивает головой. – Воистину удивительная. Даже после смерти оно находит способы говорить с нами. – «Можешь не рассказывать», – думаю я с черным юмором. Что касается меня, то кости Северин очень даже разговорчивы, хотя с Моданом они наверняка общаются несколько иным способом. – У нас есть ее кости, и они говорят нам, что в субботу утром Северин на автовокзале не было.

– Что? – ошарашенно спрашивает Лара. – А видеозапись?

Модан качает головой:

– Это не она. *Non*. Тот же рост, похожее телосложение, даже шарф. – Он выразительно крутит над головой рукой. – Но это не она. Пропорции не те. Не могу точно сообщить вам технические детали, но речь идет о

соотношении длины одних костей к другим. Плюс у нас имеются ее фотоснимки... Это не она. Эксперты абсолютно уверены. *Absolument*^[8]. На видеозаписи не Северин.

Вывод: это кто-то из нас.

Его слова обрушиваются на меня бомбой. Если честно, в глубине души я давно с ужасом этого ожидала. Это кто-то из нас. Как и ее найденное в колодце тело, внезапно это кажется мне вполне логичным, неизбежным и очевидным. Кто-то из нас пятерых-шестерых, включая Тео, убил Северин. И, несмотря на все теории, призванные убедить в обратном, теперь я точно знаю, что это так, как если б знала это с самого начала.

Я обвожу глазами лица сидящих за столом и вижу на них разную степень шока. Лара все еще пытается переварить сказанное, и истинный смысл слов Модана пока еще не дошел до нее.

– Ни фиги себе совпадение, – бормочет она.

Том сидит не пошелохнувшись, но за этими полуопущенными веками кипит мозговой шторм.

– Неужели? Вы уверены? – говорит Каро.

В ответ Модан кивает и, сложив ладони домиком, подпирает пальцами подбородок и задумчиво хмурится. Что касается Себа... у него жутко усталый вид. Лицо серое. Подавленное. Такое впечатление, что в душе он тоже давно знал и с ужасом ждал, когда это всплывет наружу.

– *Alors*, – говорит Модан, подводя итог, – вы пятеро последними видели мадемуазель Северин живой.

– Не только мы. Еще Тео, – небрежно замечает Каро. При этих ее словах Том как будто каменеет и бросает в ее сторону хмурый взгляд. Я знаю почему: игры уже начались... а может, они начались еще раньше. Это такая жуткая версия игры «передай другому»: музыка внезапно останавливается, и никто не хочет, чтобы *приз* оставался в его руках. Всем было бы крайне удобно, если б Тео, единственный из нас, кому уже ничего не грозит, взвалил вину на себя. Я смотрю на Тома. Нет, без боя он этого никогда не допустит. Я вновь обвожу глазами сидящих за столом. Мой взгляд скользит по их лицам, и я невольно мысленно спрашиваю себя: *Это ты? Это твоих рук дело?* И самый неприятный, самый болезненный вопрос: *как далеко ты готов пойти, лишь бы обвинить кого-то другого?* И наконец, я смотрю на Северин. Она отвечает мне равнодушным взглядом. Затем соскальзывает вниз на стуле и, откинув назад голову, блаженно закрывает глаза: загорает. Я же думаю, что в этом зале вне подозрения лишь двое – Северин и Лара, причем одна из них – жертва и давно мертва.

Модан кивает, соглашаясь со словами Каро.

– Да, безусловно, и Тео тоже. Боюсь, мы будем вынуждены провести дополнительные допросы, но раз уже мы все здесь, первым делом я хотел бы уточнить последовательность событий той ночи. На данный момент, – его руки исполняют свой выразительный танец, – она не совсем ясна.

Себ открывает рот, чтобы что-то сказать, однако Том подается вперед – куда только подевалась его сонливость? – и перебивает его:

– Может, нам стоит сначала пригласить адвокатов?

Его слова повисают в тишине, которую нарушает лишь не то всхлип, не то испуганный вздох Лары – похоже, до нее наконец дошло. Я пару секунд пристально смотрю на Тома. Прежде чем приехать сюда, я всего пару часов назад разговаривала с моим адвокатом. Ее совет был предельно ясен: *если уж вы должны там присутствовать, поезжайте. Смотрите, слушайте, но в любом случае без меня не отвечайте ни на один вопрос.* Интересно: Том тоже советовался с адвокатом? Модан вытягивает свои длинные руки и, прежде чем ответить, поправляет обшлага рукавов.

– Если вы считаете, что вам нужен адвокат, это ваше право. Но ведь вы не арестованы. Мы лишь, – он разводит руками, – устанавливаем факты. И разумеется, вы все хотите оказать помощь следствию. Ждать, когда приедут адвокаты, – полицейский выразительно закатывает глаза, – это такая трата времени...

Я искренне восхищаюсь этим мини-спектаклем, хотя от намерений Модана по моей спине пробегает холодок.

– И все же, – стоит на своем Том. – Конечно, я не могу говорить за всех, но лично я предпочел бы иметь рядом с собой адвоката...

Произнося эту фразу – *я не могу говорить за всех*, – он на самом деле говорит за всех нас. Он как будто создал некую групповую ментальность, единую для всех. Том встает и резким движением отодвигает стул назад.

– И если мы не под арестом, то, разумеется, можем в любой момент отсюда уйти. Я прав?

Вот и всё. Он вырвал власть из рук Модана. Встреча завершена.

Глава 14

Мы столпились перед полицейским участком и явно не торопимся разойтись. При этом все молчат, ни у кого нет желания поддерживать разговор. Первой молчание нарушает Лара.

– Так это правда? – спрашивает она, как будто обращаясь к себе самой. – Неужели мы и дальше будем делать вид, будто это все ерунда? Лично я не могу... – Она умолкает, не договорив.

Образовавшуюся пустоту заполняет голос Себа.

– Кто-нибудь знает хорошего адвоката? – Он пытается говорить шутливым тоном, а его вопрос обращен к Каро и мне, но по лицу видно, что ему не до шуток. Мне кажется, будто я вижу его насквозь вплоть до самых костей. Мышцы, кожа – это лишь полупрозрачные занавески, сквозь которые мне видно, что он вот-вот начнет разматываться словно клубок.

– Уголовное право не по моей части, – отвечаю я, тоже пытаюсь придать голосу шутливое звучание. – Хотя если тебе требуется хороший корпоративный юрист, я – именно тот, кто тебе сейчас нужен.

Никто не достаивает мои слова даже тенью улыбки.

В руках у Каро вновь появляется мобильник. Она отвечает, не поднимая глаз.

– Я уверена, мой отец сможет кого-нибудь предложить. Или твой, – добавляет она, помолчав.

Себ морщится:

– Ага, я так и жду этого разговора.

Том сочувственно смотрит на него. Судя по всему, влияние лорда Харкорта с годами ничуть не ослабло. Каро приподнимает голову:

– Да ладно тебе, Себ. Подумаешь, Модан! Нашел из-за кого переживать. Говорю тебе, у него ничего нет. Ничего! Никаких физических улик, одни только домыслы. – Она обводит нас нетерпеливым взглядом. – Никому из нас нет оснований волноваться. Все это скоро закончится.

– Или же будет тянуться вечно, – мрачно возражает Лара, уже в третий или четвертый раз оборачиваясь на здание. До меня доходит: она ждет, когда выйдет Модан.

– Что ты хочешь этим сказать? – настороженно спрашивает Себ.

Лара пожимает плечами:

– Лучший вариант: они найдут того, кто это сделал, и посадят его за решетку. Тогда в этой истории будет поставлена точка, и мы сможем спать

спокойно. – Она снова пожимает плечами. – Иначе это никогда не кончится. Даже если они отправят дело в архив как нераскрытое, где гарантия, что рано или поздно что-то не всплывет? Новые улики, давление со стороны политиков, требующих рассмотреть его под другим углом...

После ее слов на нас опускается еще одно, тяжелое и плотное, одеяло молчания. Не исключено, что она цитирует Модана, думаю я. Ведь сколько было таких случаев? Так до конца никогда не раскрытых и вместе с тем никогда до конца не забытых?

– Мне нужно назад, в офис, – резко заявляет Каро. – Если кому-то нужно, могу подбросить до ближайшей станции метро. – На первый взгляд предложение обращено ко всем, однако, делая его, Каро смотрит исключительно на Себа.

– Было бы неплохо, – отвечает он после короткой паузы.

– Ладно, давай. А я на такси, – говорит Том. – Позвоню тебе позже, идет?

Обычно наши прощания сопровождаются какими-то действиями вроде объятий и поцелуев. Но сегодня Себ лишь устало поднимает руку. Каро берет его за другую и кричит нам через плечо:

– До скорого! Кстати, Кейт, напоминаю, у нас с тобой завтра встреча.

Как же, помню.

– До скорого! – с приторной улыбкой отвечаю я.

Том, нахмутив брови, провожает их глазами. Интересно, чье поведение тревожит его больше, Себа или Каро? И за кого он переживает – за себя или за кого-то из нас? Краем глаза я замечаю какое-то движение. Поворачиваю голову и вижу Модана. Он направляется к Ларе, которая, в свою очередь, на пару шагов отошла от Тома и меня. Ее взгляд устремлен на Модана, а вот выражение лица крайне противоречивое.

– Я позвоню тебе позже, – говорю я, полагая, что она уйдет вместе с ним.

Она быстро смотрит на меня и качает головой:

– Нет, подожди меня. Я очень тебя прошу.

– Ну ладно... – Если честно, я слегка удивлена. Том берет меня за руку и тянет в сторону. Теперь мы с ним наполовину скрыты толстым деревом. Он пристально смотрит на Лару и Модана.

– В чем... – начинаю я, но он жестом велит мне закрыть рот. До меня доходит, что я стою вплотную к нему, как в коридоре в ту самую ночь, так близко, что могу уловить запах его лосьона после бритья. Мне почему-то делается страшно неловко. Я спешу отвернуться и тоже глазею на Модана и Лару. Детектив наверняка заметил нас, когда шел к Ларе, однако дерево

создает иллюзию некой приватности, и, если честно, до меня доносятся лишь обрывки их слов. Вообще-то в основном говорит Лара, негромко, но серьезно. Ее щеки пылают красными пятнами. Я понимаю: она пытается не расплакаться. Что-то из того, что она говорит, задевает Модана. Он вздрагивает и перебивает ее, и даже протягивает к ней свою длинную руку, однако она решительно качает головой и отступает назад. До меня наконец доходит смысл того, чему я стала свидетельницей. Мне тотчас делается неловко, но отвести глаз я не могу. Модан снова пытается ей что-то доказать. Язык его тела однозначно свидетельствует о том, что он раздосадован, однако Лара полна решимости. Иначе чем объяснить то, что она твердо стоит на своем, хотя по лицу Модана медленно проползает такое несчастное выражение, что даже мне становится его жаль. Я не смотрю на Тома. Но если он решит продемонстрировать злорадство по этому поводу, я точно его стукну.

Затем Лара быстрыми шагами идет к нам. Щеки ее по-прежнему пылают, а вот глаза удивительно сухи.

– Дорогая моя, – говоря эти слова, я выхожу из-за дерева и пытаюсь ее обнять, но она качает головой. Я тотчас понимаю: стоит мне это сделать, как остатки ее самообладания разлетятся вдребезги. – Давай возьмем такси и по-едем ко мне.

Она кивает. Том протягивает руку, быстро гладит ее по щеке и произносит:

– Бедняжка. – Похоже, он искренне сочувствует ей. А еще ему явно хочется добавить что-то еще, но он сдерживается.

Лицо Лары на миг морщится, как будто она вот-вот расплачется, но моя подруга тотчас берет себя в руки. Я беру ее под руку, а Том тем временем ловит для нас такси. Лара садится первой. Я смотрю на улицу. Модан с несчастным видом по-прежнему стоит там, где и стоял. Я быстро отворачиваюсь и уже пытаюсь сесть рядом с Ларой, но Том останавливает меня и жестом показывает на переднее сиденье, где Лара не может нас слышать.

– Нам нужно поговорить, – решительно заявляет он, впервые за все это время глядя мне прямо в глаза.

– Знаю. – Мне до слез приятно, что он первым сделал шаг к примирению. – В том смысле, что не сейчас, тем более что с нами Лара, но мне действительно стыдно...

Он перебивает меня резким взмахом руки:

– Я не об этом. – Мое лицо каменеет, а в его глазах мелькает что-то мне непонятное. – Я имел в виду... В смысле, да, нам нужно поговорить,

но не сейчас. Сейчас нам нужно поговорить о том случае. О Северин.

– Верно. Боже упаси, чтобы я на первое место ставила нашу дружбу. Только... ты не находишь это странным? Потому что, по твоим словам, мне должно быть на это наплевать. – Я знаю, что позволяю себе резкость, знаю, что ни к чему хорошему это не приведет, но во мне говорит обида. Да, мне обидно, и обидел меня он. И я не могу делать вид, будто мне все равно.

– Кейт, – говорит Том, машинально приглаживая волосы, – я, конечно, ценю твой сарказм, но у нас на такие вещи просто нет времени. Это... то, что машина... все меняет. Это...

– Не сейчас, Том. Я еду домой, чтобы позаботиться о Ларе. – Я отворачиваюсь и начинаю садиться в такси.

– Тогда завтра, – упрямо говорит Том в открытую дверь.

– Когда угодно. – Я резко захлопываю дверь и называю водителю адрес.

– Я должна была это сделать, – внезапно произносит Лара, когда мы уже едем. – До этого разговора, пока никто из нас не был под подозрением, мне казалось, что это игра. Но ведь теперь все серьезно? Для него главное – найти как можно больше улик, чтобы арестовать кого-то из нас. Меня... нет, меня, наверное, все же не арестуют – но, возможно, тебя. Или Тома, Себа или Каро. Я не могу быть с ним, все время думая о том, что я говорю; о том, что вдруг какая-нибудь ерунда, о которой я даже не задумываюсь, станет для него важной уликой. Я не могу быть частью его работы... я не хочу... я... – Ее глаза полны слез. Она судорожно всхлипывает, и слезы потоком текут по ее щекам. Я обнимаю ее, хотя в такси сделать это нелегко. Она утыкается носом мне в шею, и я чувствую, как ее тело сотрясают конвульсивные рыдания.

– Лара, милая, – беспомощно произношу я. У меня у самой стоит в горле комок. – Я тобой горжусь. – И это правда. Я ведь своими глазами видела, как вскружил ей голову этот Модан. Какой же силой характера нужно обладать, чтобы расстаться с ним... Интересно, смогла бы я, будь я на ее месте? Впрочем, мне трудно представить себя на ее месте. Была ли я без ума от Себа так, как она от Модана? Наверное, была, но живущие во мне воспоминания бессильны воспроизвести это чувство. – Я горжусь тобой, – повторяю я. – Ты предпочла встать на сторону своих друзей. – Секунду молчу, а затем мрачно добавляю: – Хотя, если честно, я начинаю думать, что он может арестовать их всех, кроме тебя.

– Ты... так... не думаешь, – всхлипывает она мне в воротник, влажный от ее слез.

– Наверное, нет, – со вздохом соглашаюсь я. – Разве что только...

– Каро, – заканчивает она за меня.

Пару секунд мы с ней обе смеемся и плачем одновременно. Я же думаю, что в конце концов с Ларой все будет хорошо.

* * *

На следующее утро я первым делом звоню своему адвокату, но она перезванивает мне лишь ближе к полудню. Слава богу, Пола в офисе нет, поэтому я могу разговаривать без оглядки на него. Стритер внимательно выслушивает мой отчет о нашей встрече в полиции и, задав пару вопросов, изрекает вердикт.

– У него явно что-то есть, – говорит она в своей обычной решительной манере. – Та девушка на видеозаписи – не Северин. Но ведь никто и не говорил, что это она. И это мало что меняет. Значит, у него есть что-то еще. Иначе б он не собирал эту встречу. Как вы думаете, кто-то из остальных станет говорить с ним без адвоката?

– Не знаю, – отвечаю я и задумываюсь. Не Лара. Теперь явно нет. И не Себ. Возможно, что и не Каро, если только она не ведет некую собственную игру. Том? Я не уверена насчет Тома. – Скорее всего, нет, хотя точно сказать не могу.

– Ммм... – Я представляю, как она стучит ногтем по зубам. Остается только надеяться, что сегодня у нее на губах что-то менее вульгарное. – В целом то, что я говорила, остается в силе. Без меня вы не отвечаете ни на какие вопросы. Но при этом должны изображать сотрудничество. В этом весь фокус. Не стоит настраивать против себя полицию.

– *Изобразить* сотрудничество? – Я делаю упор на первом слове.

– Именно. Изображать, – она смеется. – Если вы на самом деле готовы к сотрудничеству, что ж, прекрасно; но острой необходимости в этом нет. – Она умолкает, и я чувствую смену ее настроения. Как говорится, шутки в сторону. – Вы пытались вспомнить, что произошло в ту пятницу вечером? Есть ли какая-нибудь подробность, пусть самая незначительная, о которой вы не упоминали раньше, но которой вы могли бы поделиться сейчас – разумеется, в моем присутствии, – свидетельствующая о вашей готовности к сотрудничеству?

– Или же о моем желании возложить вину на кого-то другого...

– Я бы не переживала по этому поводу. Поверьте мне, в настоящее время все адвокаты вашей тесной компании будут советовать своим клиентам возложить вину на кого-то другого. – Она дает мне пару секунд

переварить сказанное, а затем продолжает: – Итак, есть что-то такое, о чем вы раньше не упоминали?

Я молчу. Я не упоминала о многом из того, что касается самого вечера, и того, что было потом. О тайком провезенном кокаине, о громкой ссоре, о недавних заговорщических уединениях Себа и Каро, о Томе, которого почему-то ничто не удивляет (не считая вчерашней встречи в полиции), об отношениях Модана и Лары...

– Мне нужно время, чтобы об этом подумать, – мямлю я в конце концов.

– Вот и подумайте. – Ее голос звучит жестко, в нем присутствует нотка предостережения. Я не сумела ее обмануть. – Не располагая всеми фактами, я не смогу вам помочь. Не хотелось бы, чтобы вы заговорили правду, уже будучи под арестом.

От неожиданности у меня перехватывает дыхание.

– Под арестом? – хрипло переспрашиваю я, когда снова обретаю голос. – А такое возможно?

– Исходя из того, что мне известно сейчас, вряд ли. Но, как я только что сказала, у Модана наверняка имеется какой-то козырь. Он здесь явно неспроста.

– Все верно, – отвечаю я и тру лоб. – Все верно.

– Думаю, нам есть смысл встретиться снова и все еще раз хорошенько обговорить. – Ее тон слегка смягчается. – Моя помощница позвонит вам и уточнит время. А пока обещайте мне, что вы напряжете память и выудите из нее все, кто касается того вечера.

– Обещаю. – По идее, именно этим я и должна была заниматься после вчерашнего дня, но эмоциональное состояние Лары требовало моего самого искреннего участия. Да и вообще, если честно, я всегда шарахалась от воспоминаний о той неделе. И вот теперь... теперь, похоже, риски растут с каждым днем. И я должна подойти к проблеме, как если б речь шла о моей фирме – отложить в сторону прочие дела и посвятить ей все мое время. Я изучаю мой график работы на экране компьютера. Мой глаз тотчас выхватывает клетку «5–6 часов пополудни». Я пока не знаю, как ее озаглавить, поэтому оставляю ее пустой и помечаю как «личное», чтобы Джулия не поняла, что она пуста. Тотчас ловлю себя на том, что в этом есть своя ирония – пометить встречу как личную, дабы скрыть тот факт, что на самом деле никакой встречи нет. Затем мне приходит в голову вопрос: кто из нас, помимо меня, разговаривал со своим адвокатом и выкроил время для раздумий? Скажу честно, теперь мне не до смеха.

По счастливой случайности, входя во вращающиеся двери фирмы «Хафт и Вейл», я вижу в вестибюле Гордона. На-хмуренный лоб и быстрые, короткие шаги свидетельствуют о том, что он куда-то торопится. Тем не менее, заметив меня, Гордон останавливается. Складки на лбу разглаживаются.

– Кейт, – говорит он, пожимая мне руку, – я как раз собирался вам позвонить. – Отводит меня в сторону, подальше от вращающейся двери, выплевывающей новых посетителей. – Я должен извиниться перед вами, но у меня не было возможности лично объяснить вам изменения в нашем руководстве... – Он умолкает, и я на какой-то миг замечаю в его глазах легендарную сталь. – Все получилось не совсем красиво. – Я ловлю себя на том, что мне приятно, что он раздражен по поводу назначения Каро. Причем дело даже не в самой Каро, а в том, что этот эпизод предполагает некий недостаток уважения. Гордон, понизив голос, продолжает: – Собственно, идею поставить ее во главе нашей фирмы подсказали вы, когда предложили чаще привлекать ее к руководству делами. За что вам спасибо. Хотя должен признаться честно: мне не хватает наших с вами встреч, – он печально улыбается.

– Мне тоже, – честно говорю я. – Я получала от них громадное удовольствие. – При этих моих словах в уголках его глазах возникают легкие морщинки, а затем он смотрит на часы. – Смотрю, вы куда-то торопитесь... – Мне неловко навязывать ему свое общество. – Не буду задерживать вас.

– Честное слово, не хочу говорить сначала «здравствуй», а потом сразу «до свидания», но... Кстати, куда вы сегодня идете на ланч?

– Каро пригласила меня перекусить вместе с ней после нашей встречи.

– Прекрасно, – Гордон улыбается. – Если что, влезу к вам третьим. – Я смеюсь. – А если она отменит ланч... что, кстати, весьма вероятно, потому что в данный момент Каро явно заиклена на чем-то серьезном; мне кажется, она недосыпает, у нее проблемы с аппетитом... Если она вдруг откажется, я с радостью составлю вам компанию, – довольно говорит он. – В общем, до встречи.

Гордон поворачивается и улыбается мне через плечо. Я же ловлю себя на мысли о том, что у них с Каро нет даже одного общего атома.

Когда Каро присоединяется ко мне в комнате для переговоров, в ней тоже нет даже унции от Гордона. Кстати, сегодня это другая комната – в

цокольном этаже, вид так себе, вернее, никакого вида. Прежде чем она вошла, я успела лишь налить себе чашку кофе из серебристого термоса.

Вид у Каро действительно усталый. Это заметно даже сильнее, чем во время вчерашней встречи. Под глазами залегли тени, а сама она бледнее обычного, хотя, возможно, это эффект стильного черного брючного костюма, который сейчас на ней. Мы здороваемся, делаем вид, будто целуем друг друга в щеку, после чего я говорю:

– Только что видела в вестибюле твоего отца. Он грозился составить нам компанию на ланче.

Каро качает головой и закатывает глаза:

– Какой наглец! Хотя... Я тут жду телефонный звонок из Нью-Йорка, который наверняка состоится, пока мы с тобой будем сидеть за столом; может, оно и вправду лучше, если я оставлю вас с ним вдвоем. – Она выдвигает стул, берет печенье, откусывает от него крошечный кусочек – и все это одним плавным, непрерывным движением. Она явно держится на адреналине, думаю я.

– Он сказал, что в данный момент ты как будто чем-то подавлена.

Каро яростно кивает и, проглотив печенку, поясняет:

– Нам сделали предложение, за которым явно стоит желание поглотить нас. Я со вчерашнего дня не была дома, – сообщает она и устало морщится: – Сама знаешь, как бывает в суматошные дни. Если и возвращаешься домой, то не раньше полуночи, тебя ждут горы стирки, которую нужно рассортировать, счета, которые нужно оплатить, нет ни настроения, ни сил это делать.

Я ловлю себя на том, что мне ее жаль. Это довольно странно и совсем мне не нравится. Но я отлично ее понимаю. До того как бросила юридическую практику, я делала все, что должен делать младший юрист, а должен он следующее: приносить всего себя, все свое время и энергию, свою личную жизнь в жертву хищному зверю по имени Солидная Юридическая Фирма. Я помню поздние вечера в пустом офисе, когда прекращает работу даже кондиционер, отчего воздух становится тяжелым и неподвижным. Помню лампы дневного света и слабое свечение мониторов, которые забыли выключить, и то, как саднят усталые глаза, и как больно смотреть на экран. Помню приливы адреналина в течение рабочего дня, подпитываемые энтузиазмом коллег. Но тяжелее всего бывало по вечерам, одной или на пару с коллегой, когда на дружеское подтрунивание уже не остается сил. Острее всего запомнилось ощущение изоляции, исключенности из всего и вся. Из фирмы, в которой я работала и частью которой так и не стала. Из круга друзей, чья личная жизнь не остановилась

в мое отсутствие, а прекрасно шла себе дальше. Даже из моей собственной жизни. Я оставила юридическую практику по причинам, не имевшим никакого отношения к графику работы. Основав собственную фирму, я уже имела опыт долгих рабочих дней, плавно перетекавших в рабочие ночи, и рабочих недель, съедавших заодно и выходные. Но как мне теперь справиться со стодесятичасовой рабочей неделей? Не знаю.

– Наверное, период перед тем, как тебя произведут в партнеры, самый жестокий, – нейтрально отвечаю я. Обычно кандидаты продолжают работать все в том же бешеном темпе. Прибавьте к этому стресс, так как каждое твоё решение, каждая твоя идея рассматриваются едва ли не под микроскопом.

Лицо Каро на миг напрягается. Я подозреваю, что её кампания идет не совсем гладко. Но она лишь просто говорит «да» и выбирает себе очередное печенье. Это мне тоже хорошо знакомо: дьявольская диета, причина которой – полная утрата организмом ощущения своих ритмов, отчего вы начинаете без передышки набивать себя сладким. Выбрав печенье, Каро добавляет:

– Боюсь, что я застряну здесь на все выходные.

– У тебя были какие-то планы?

– Собиралась проведать мать, но... – Она устало пожимает плечами.

– Вы с ней часто видитесь? – спрашиваю я. Мне действительно любопытно.

Каро качает головой – экономное, едва заметное движение.

– Мне всегда кажется, что я должна навещать её чаще. – Она морщит нос, как мне кажется, не без юмора. – Пока я не оказываюсь у неё. Потому что потом я начинаю думать с точностью до наоборот.

Я усмехаюсь:

– Вы с ней не ладите?

Она вновь пожимает плечами:

– Это исхоженная дорожка. Все начинается хорошо, но рано или поздно мать начинает меня критиковать. Дело в том, что она не хотела видеть меня юристом, я же всегда мечтала пойти по стопам отца. Она не видит смысла, почему я должна так упорно трудиться. По её мнению, мне следовало отхватить себе богатого мужа или жить за счет отца...

Каро умолкает и снова морщит нос, но юмор ушел. Внезапно она кажется мне страшно беззащитной. Я впервые представляю себе тринадцатилетнюю девочку, как она в одиночку преодолевает подводные камни, какие только таит в себе жизнь подростка, имея мать, которой невозможно угодить, использовавшую её в качестве инструмента против

отца, с которого ей хотелось брать пример. Я думаю о моей собственной матери, медсестре в доме престарелых, которая одновременно и гордится мной, и совершенно не разбирается в том, что я делаю и зачем, если ради этого приходится допоздна торчать на работе. Зато это всегда прекрасно понимал мой отец. Мне впервые хочется обнять Каро, поговорить с ней по душам, но я не знаю, с чего начать.

– В любом случае, – бодро говорит она, лишая меня такой возможности, – вчера вечером я вполне могла бы обойтись без пробежки до Скотленд-Ярда.

Она смотрит на меня через стол и снова откусывает печенье. Ее мелкие острые зубы блестят ослепительной белизной. Похоже, она их отбеливает. Передо мной снова та Каро, которую я хорошо знаю, но мгновения откровенности выбили меня из колеи. Я до сих пор ощущаю их вибрацию. Вполне возможно, под хрупкой, раскрашенной оболочкой Каро есть и другие версии ее «я», сложенные одна в другую наподобие русских матрешек. Их много, и они копились долгие годы. Но если осторожно заглянуть в них, снимая одну за другой, внутри окажется юная ранимая девочка, какой Каро была на момент развода родителей, и она до сих пор носит их все в себе. Возможно, мне следует быть аккуратнее с этой ее оболочкой.

– А что думаешь про вчерашнее событие ты? – спрашивает она.

Я морщусь, подыскивая уклончивый ответ.

– Мне не понятно, почему Модан не бросил это дело и не уехал домой. Ведь нет ничего, что позволило бы подозревать хотя бы одного из нас. С тем же успехом можно обвинить любого, кто в ту ночь был поблизости.

Каро энергично кивает и дожевывает печенье.

– Полностью с тобой согласна, – говорит она и тут же добавляет: – Странно, но он почему-то постоянно спрашивает меня про Тео.

– Неужели?

– Да, вцепился в него, как собака в кость. А что я могу сказать? Мы были вместе, пока не разошлись каждый в свою кровать, а потом... – Она машет рукой. Этот жест совершенно ей не идет, он слишком туманный. Каро же никогда не бывает туманной. – Потом я уснула, а что можно сказать про человека, когда он спит?

– Это касается нас всех, – жестко говорю я. – Наверняка была пара часов, когда все спали, и поэтому никто ни за кого не может поручиться. – За исключением Лары и Тома, слившихся в любовных объятиях.

– Совершенно верно. Поэтому тем более странно, что его в первую очередь интересуется Тео. – Каро пожимает плечами. – Хотя, как бы

омерзительно это ни звучало, если это был кто-то из нас... – Я смотрю на нее, не столько в ужасе, сколько в изумлении. Неужели она совершенно не знает Тома? Она ведь наверняка должна понимать, что он ни за что не позволит марать имя Тео. Но Каро вновь пожимает плечами. – Ну ладно, ближе к делу. Надеюсь, ты просветишь меня, как обстоят наши дела с кандидатами?

Что я и делаю. Мы с ней обсуждаем варианты решений. Процесс этот давно налажен, поэтому добавить ей особенно нечего. Вопросы ее вполне профессиональны и разумны, хотя мне кажется, что она больше сосредоточена на извлечении сиюминутной выгоды из найма новых работников, нежели на перспективах кадровой политики вверенной ей компании. А вот Гордон наверняка подошел бы к этому с точностью до наоборот. Мне придется проявлять осмотрительность, чтобы Каро не разрушила тот фундамент, который мы с ним заложили. Я делаю пару осторожных намеков, но они почему-то оказываются не такими и осторожными. После второго Каро останавливается и смеется.

– Кейт, – говорит она с искренней улыбкой, – не переживай. Я всегда на высоте. Обещаю, что не распугаю лошадей.

– Да я понимаю. Просто главными причинами, почему выбор пал именно на этих кандидатов, были коллегиальность и возможности карьерного роста.

– Поняла. Не переживай. – Она кладет ручку и зевает, лениво прикрывая рот. Адреналин постепенно вытекает из ее пор, зато зевки становятся все более частыми. – Ой! – внезапно восклицает Каро, стряхивая с себя сонливость. – Я хотела предупредить, что тебе, возможно, позвонит некто по имени Хью Бромптон из «Стоклиз». – «Стоклиз» – это такая весьма успешная британская юридическая фирма, которая берется буквально за все на свете. И хотя она не соперник фирме «Хафт и Вейл», поскольку не замахивается на громкие сделки, но ведь есть огромное количество дел, пусть не громких, однако требующих помощи хороших юристов. – Мы нередко прибегаем к их услугам, когда нам нужно выполнить какую-нибудь рутинную работу. Клиенту это обходится дешевле, нежели наш собственный персонал. – Говоря эти слова, она пристально смотрит на меня, чуть наклонив голову, и ее усталые глаза поблескивают, как у птички. – В общем, им нужны новые кадры, и я рассказала Хью о тебе и даже посоветовала, чтобы он тебе позвонил. Судя по его словам, это крупный заказ и контракт уже практически твой. По крайней мере, в том, что касается его согласия. Ведь если ты хороша для «Хафт и Вейл», то уж наверняка хороша и для них.

Я сражена наповал. Пару мгновений пребываю в растерянности, но потом говорю:

– Спасибо. – Что еще я могу сказать? А вот внутри я судорожно пытаюсь понять, где здесь подвох, потому что он наверняка есть. И если я не пойму, в чем он, то как мне узнать, что у нее на уме. По крайней мере, это касается той Каро, которую, как мне казалось, я хорошо знаю. Но что, если сидящая в данный момент передо мной Каро не такая? – Я цепляю на лицо улыбку, которая, по крайней мере, наполовину искренняя. – С твоей стороны это огромная любезность. Еще раз спасибо.

– Но ведь наши фирмы сотрудничают, а партнеры по бизнесу должны помогать друг другу. – Ее глаза блестят, затем она улыбается самодовольной улыбкой и хитро добавляет: – Я же говорила тебе, что я всегда на высоте.

Я смеюсь, частично от неожиданности, частично потому, что ее небольшой выпад действительно смешной, и на какой-то миг я вижу ее такой, какая она, возможно, и есть, такой, какой видят ее Себ и Том, – умной, бесстрашной, с чувством юмора. Мне трудно сказать, что передо мной – часть картины или же картина, которая изменилась. Если честно, я не знаю, что и думать.

Но тут звонит ее мобильник. Быстро извинившись, Каро отвечает на звонок. Расхаживая по комнате, быстро выпаливает серию коротких ответов и смотрит на часы.

– Извини, – говорит она, завершив звонок. – Через десять минут мне должны позвонить из Нью-Йорка. Боюсь, что вы с Гордоном отправитесь на ланч без меня.

– Ничего страшного. – Мы выходим из комнаты без окон в такой же лишенный окон коридор. – Кстати, – говорю я как будто невзначай, – мне всегда не давал покоя вопрос, почему ты пошла работать в фирму отца. Ведь ты наверняка могла выбрать любого из его конкурентов.

– Это точно, – отвечает она, когда мы поднимаемся по лестнице из стекла и металла в главный вестибюль, где я тотчас начинаю моргать от яркого дневного света. Но ведь уже полдень, и да, днем обычно бывает светло. – Однако «Хафт и Вейл» предоставлял наилучшие возможности. В конце концов, если быть лучшей, то во всем.

– Bravo! – говорю я с ироничной улыбкой. – Еще одно подтверждение тому, что ты всегда на высоте.

Она кладет руку мне на плечо и смеется. Смех, похоже, искренний, и он как будто делает Каро мягче: ее резкие углы скорее говорят о лукавстве, чем о желании сделать больно.

– Я же говорила тебе! – Все еще улыбаясь, она смотрит мне через плечо и восклицает: – Мы как раз вовремя. А вот и Гордон... Теперь мы видимся с ним гораздо чаще, чем когда я росла. Ну, ты понимаешь – развод, частная школа и все такое прочее. – Она здоровается с ним через мое плечо, затем пожимает мне руку – быстро, крепко, сердечно. – Передаю тебя в его надежные руки. Желаю вам хорошо провести время.

– Непременно, – отвечает Гордон, улыбаясь ей, затем поворачивается и ведет меня через вестибюль. – Похоже, вы с ней прекрасно нашли общий язык, – замечает он.

Меня же внезапно посещает мысль: Каро знала, что он будет в вестибюле, и потому разыграла этот маленький спектакль – этот смех, эти рукопожатия... Впрочем, я тотчас одергиваю себя: похоже, у меня развивается паранойя. Я сама себе ненавистна.

Глава 15

Назначенный час размышлений приходит и уходит – без единой минуты, посвященной этим самым размышлениям. А все потому, что мне действительно звонит Хью Бромптон. Работа, которую он предлагает, – настоящий динамит. Такой контракт – мечта любой начинающей фирмы, которая хочет сделать себе имя. Разумеется, завтра у нас с ним деловая встреча, на которой мы обсудим нашу стратегию и прочие вопросы. Поэтому сегодня мы с Полом работаем допоздна. На наших столах – коробочки с суши, и мы демонстративно игнорируем телефонные звонки. Вернее, телефонные звонки игнорирует Пол. Судя по тому, как часто звонит его телефон, у него или слишком насыщенная личная жизнь, или ужасно ревнивая подружка. В отличие от его телефона, мой звякнул лишь дважды. Первой звонит Лара. Я быстро отвечаю ей, чтобы узнать, как она. Второй звонок от Тома.

– Тебе нужно ответить? – спрашивает Пол. Я ловлю себя на том, что тупо смотрю на экран мобильного, пока тот продолжает трезвонить.

– Нет, – бодро отвечаю я и нажимаю красную кнопку. – Перезвоню позже. – В следующий момент пиццит голосовая почта. Я нарочно не обращаю внимания на нее и поворачиваюсь к Полу: – Итак, где мы с тобой остановились? Как ты думаешь, не много ли мы берем на себя, предлагая столь сжатые сроки?

В такси я сажусь лишь в час ночи. Устало откидываюсь на спинку и по привычке смотрю на мобильник. Крошечный красный огонек напоминает мне, что меня ждет голосовое сообщение. Я нажимаю на «воспроизведение». Меня тотчас приветствует бархатный баритон Тома:

– Привет, Кейт, это Том. – Пауза. – Нам нужно срочно поговорить об этом случае. Сможешь приехать ко мне сразу после работы? Я буду дома; если что, звони мне в любое время. – Его голос звучит напряженно. Чувствуется, что ему неловко. – Я... ну ладно, звони.

С трудом верится, что один пьяный поцелуй способен перечеркнуть годы дружбы и свести отношения к неотвеченным звонкам и смущенным голосовым сообщениям. В состоянии полного ступора я тупо смотрю в окно такси. Мимо меня проплывает Лондон, подсвеченный безвкусной неоновой рекламой и уличными фонарями с их бледным, холодным светом, лишенным даже намека на тепло и цвет. Спустя пару мгновений я снова беру в руки телефон и набираю текстовое сообщение. *Работала допоздна.*

Завтра во второй половине дня занята. Могу заехать завтра после работы. Кх.

Перед тем как отправить текст, я перечитываю его. Кх – это моя обычная подпись для Тома. Однако теперь каждая буква исполнена собственного смысла и рискует быть превратно понятой. Я убираю «икс».

* * *

Презентация в «Стоклиз» проходит гладко. Пол – большой мастер по этой части: спокойный, обаятельный, умеющий расположить к себе аудиторию. Его стиль прекрасно дополняет мой собственный прямой подход. Каро была права: такой контракт было бы грешно терять. К тому моменту, когда мы обмениваемся рукопожатиями и прощаемся, я уверена: контракт наш. Пол ловит такси. Мы запрыгиваем в него и по дороге назад, в офис, оживленно обсуждаем подробности встречи.

– Хотел спросить у тебя одну вещь, – говорит Пол уже на тротуаре, пока я расплачиваюсь с таксистом. В его голосе мне слышится странная нотка. Я оборачиваюсь и вопросительно смотрю на него. Его практически прозрачные брови насулены над переносицей.

– Что такое? – Я поворачиваюсь назад к таксисту, чтобы взять сдачу.

– Марк Джефферс...

– Младший юрист из конторы Клиффорда Чэнса?

– Он самый. В общем, он спросил меня, являюсь ли я кандидатом на повышение...

Я растерянно смотрю на Пола и ничего не понимаю. Если он просит прибавки к жалованью, то это довольно странный подход. Такси отъезжает, и мы с ним остаемся стоять у входа в офис. Однако ни он, ни я не спешим сделать шаг к двери.

– ... когда тебя арестуют.

– Что за фигня? – Я пытаюсь быстро соображать. Где, от кого Марк Джефферс услышал такое? И скольким еще он сообщил этот глупый слух? Ведь подобного рода «утка» может дорого обойтись нашей едва оперившейся фирме. Для рекрутинговой компании репутация, доброе имя ее работников, пожалуй, даже важнее, чем для других компаний. Ведь это ее главный и единственный актив.

Пол улыбается кислой улыбкой:

– То, что ты слышала. Он сказал, что ему известно из достоверных источников, что ты проходишь подозреваемой по делу об убийстве.

Убийстве! Во Франции, если не ошибаюсь. – Он пристально смотрит на меня: – Будь это так, ты наверняка сказала бы мне, верно?

Я делаю глубокий вдох. Такие вещи требуют осторожности.

– Я не прохожу в качестве подозреваемой, – смело заявляю я. – Когда мы с друзьями десять лет назад отдыхали во Франции, пропала девушка с соседней фермы. Недавно ее тело нашлось.

– Нашлось?

– Было найдено. – Я снова вижу ее. Сваленные грудой кости, призрачно-белые в тусклом подземном свете. – В колодце, если быть точной, – добавляю я. Вернее, эта фраза срывается с моего языка сама.

– Господи, Кейт, и ты только сейчас говоришь мне об этом? – Похоже, в нем закипает праведный гнев. Я должна подавить его еще в зародыше.

– Прекрати, Пол. Это все ерунда. – Я делаю вид, что спешу, но на самом деле пытаюсь задушить в себе чувство вины. Мне стыдно за мое наплевательское отношение к смерти Северин. Однако я самоуверенно продолжаю: – Поскольку шестеро из нас видели ее живой последними, полиция решила допросить нас снова. Вот и всё. Уверяю тебя, никто не хочет меня арестовать, – говорю я, глядя ему прямо в глаза и пытаюсь вложить в этот взгляд всю имеющуюся у меня силу внушения. Мне остается лишь уповать на то, что все из сказанного мной – правда.

– И все же зря ты мне не сказала. Не хватало нам пятна на нашем имени... Ты ведь знаешь, как люди обычно думают: нет дыма без огня.

– Чушь! У нас есть контракт с фирмой «Хафт и Вейл», а теперь и со «Стоклиз». Для клиентов такие вещи гораздо важнее. Вряд ли эти фирмы доверили бы поиск персонала рекрутинговому агентству, чья владелица подозревается в убийстве. Это всего лишь сплетни, которые будут забыты в ту минуту, когда какого-нибудь старшего партнера застукают за траханьем со своей секретаршей. – *Возможно...*

Похоже, я почти убедила Пола. По крайней мере, его гнев остыл, хотя он по-прежнему дует на меня.

– Если все это ерунда, почему ты не сказала мне об этом раньше?

Может, он в чем-то прав? Мы с ним партнеры по бизнесу. Мы каждый рабочий день видим друг друга. Может, мне и вправду следовало бы его предупредить? Тем более если молчание способно негативно отразиться на нашем бизнесе. Но ведь мне и в голову не могло прийти... И вообще, откуда Джефферсу это известно? Наши имена никогда не попадали в газеты – за исключением родителей Тео как владельцев этой злосчастной фермы.

– Потому... – Я делаю еще один глубокий вдох и на этот раз говорю ему чистую правду: – Потому что мне не нравится говорить на эту тему.

Это была знакомая парня, в чьем доме мы отдыхали. Мы практически всю неделю общались с ней, а затем она... – Я умолкаю. – Извини, наверное, мне действительно следовало поставить тебя в известность.

Но, если честно, мне в голову не приходило обсуждать это с кем-либо. Интересно, со сколькими людьми говорила об этом Лара? А Себ? Том? Каро?

– Понятно, – вздыхает Пол. Похоже, ему и в голову не приходило, что мне может быть больно. – Извини. Это действительно ужасно.

Он неловко кладет руку мне на плечо. Я в ответ на его жест слабо улыбаюсь ему. По натуре я одиночка. Мне комфортнее всего, когда я одна, но до меня впервые доходит, что в офисе, где работают три человека, работают каждый день и почти всякий раз допоздна, это означает, что я навязываю свое одиночество и Полу тоже, хотя это чуждо его натуре. Наверное, мне следует быть более общительной и с ним, и с Джулией.

– Все хорошо, – говорю я и поворачиваюсь к двери. – Пойдем, подыщем для «Стоклиз» нужных им кандидатов.

Мы входим в офис. Я оглядываюсь по сторонам, рассчитывая увидеть Северин. Плохо верится, что она не захотела подслушать нашу маленькую сцену с Полом, но ее действительно нет за моим рабочим столом. Странно. Я надеялась увидеть ее, чтобы... Чтобы что? Извиниться? Сказать, что я сожалею? Но я стараюсь не подрывать боевой дух Пола. На данный момент для меня это куда важнее, нежели оскорбленные чувства призрака и десятилетнего прошлого.

И все же... Ее убили. От этого не отмахнуться. Эта мысль неотвязно следует за мной. Тот, на чьей совести это преступление, может остаться безнаказанным, и тогда кому-то покажется, как будто ничего страшного не случилось, что смерть Северин – пустяк, не заслуживающий внимания, потому что если наш мир существует дальше, то мы как будто оправдываем это. Но мы не оправдываем. По крайней мере, я. Для меня это не пустяк.

Сев за стол, я первым делом отмечаю в своем графике новое время для размышлений.

* * *

Квартира Тома. Я топчусь на улице и пытаюсь не думать о том, когда в последний раз была здесь. Я жду Лару. В последнюю минуту я испугалась и вызвала на подмогу кавалерию. К тому же Ларе здесь тоже нужно быть. Она уже явила миру свою храбрость, отвергнув Модана. Что касается Тома,

тот открытым текстом дал понять, что намерен обсудить тот случай. Правда, от моего внимания не ускользнула свое-образная ирония: себе в союзники я выбрала ту, кого Том хочет вместо меня. Именно по этой причине мне в первую очередь и требуется поддержка.

Лара появляется со стороны станции метро. На ней серо-голубое платье, светлые локоны подсвечены золотисто-красным вечерним солнцем, чьи лучи проникают сквозь кровавое облако над горизонтом. Рядом Северин, она с кошачьей грацией шагает босиком. На ней хорошо знакомая мне черная льняная туника, голова обмотана красным шифоновым шарфом. Сандалии болтаются на одном пальце. Я поворачиваюсь и иду им навстречу, любуясь зрелищем, которое они обе являют на фоне заходящего солнца. Лара и Северин, одна белокурая, другая темноволосая. Неужели эти двое – единственные, кому я могу доверять в целом мире?

– Ну как ты, дорогая моя? – спрашиваю я, обнимая Лару. Это не пустая любезность. Пока она подыскивает, что сказать в ответ, я отстраняюсь и пристально смотрю ей в лицо.

– Нормально, – говорит Лара, слегка печально скривив губы. Она немного бледна, и косметики на ней меньше, чем обычно, однако васильковые глаза ясны и не красны от слез. – Не то чтобы очень... но нормально.

Болтая о том о сем, мы вместе идем к квартире Тома. Это Лара, но только какая-то притихшая ее версия. Я не ощущаю ее обычной энергии, и от этого у меня щемит сердце. У крыльца мое самообладание иссякает, и я на миг останавливаю ее:

– Давно хотела спросить у тебя одну вещь...

– Что именно? – подсказывает она, когда я умолкаю.

– В ту ночь, на ферме, с Томом... вы все время были вместе? И еще: ты хотя бы сколько-нибудь спала?

Она с прищуром смотрит на меня:

– Пытаешься вычислить, мог ли это быть Том?

– Я всего лишь пытаюсь взглянуть на это с разных сторон, – натянуто отвечаю я. На этот раз я не продинамила час размышлений, и этот вопрос – один из результатов моих мыслительных усилий.

– А как же я? – с вызовом спрашивает Лара. В ее глазах вспыхивает незнакомый мне яростный огонь. – Если ты готова обвинить Тома, то почему бы и не меня?

– Потому что это не ты.

– Это почему же? – Ее глаза пылают яростью. – Почему никто не берет в расчет меня? *Хорошенькая пустышка Лара... нет, она не способна на*

убийство. Лучше не будем забивать ее хорошенькую головку такими вещами.

Я растерянно смотрю на нее. Я знаю: это как-то связано с Моданом, однако я не уверена, как мне быть с этим дальше.

– Ну хорошо. Скажи мне честно: ты убивала Северин?

– Разумеется, нет, – говорит она. Внезапно ее злости как не бывало. – Разве я на такое способна?

Абсурдность такого предположения доходит до нас одновременно, и мы обе хихикаем. Когда же последние смешки стихают, я тихо спрашиваю:

– Это замечательно, Лара. Ты полна света, ты хорошо думаешь о каждом. Мы все это видим, и это привлекает нас к тебе. Никто не считает тебя пустышкой. – Она чуть печально опускает голову, как будто не совсем согласна со мной. – Модан что-то тебе сказал? Ты все еще с ним общаешься? – осторожно спрашиваю я.

– После нашего последнего разговора – вряд ли, – честно признается она. – Он считает, что я сорвусь и перетрахую половину мужчин в Лондоне – тех, кого я еще не успела перетрахать. – Печально качает головой: – Когда он раньше спрашивал меня про моих бойфрендов, я была с ним честной. И большой душой. Я не ожидала, что все это он потом швырнет мне в лицо. Но разве французы не придерживаются в таких вещах более либеральных взглядов, чем англичане?

– Просто французы более ревнивы. – Бедный Модан. Он наверняка был задет за живое, раз позволил себе такой резкий выпад. По-моему, он не похож на человека, способного на такие чудовищные промахи. – Кстати, а ты сама? Я имею в виду, собралась перетрахаться с половиной Лондона? Или же нужно предупредить этих несчастных, чтобы они сумели подготовиться заранее?

– Прекрати, – говорит Лара и снова смеется. – Это было давно. – Смех смолкает, и она берет меня за руку. От нее буквально исходит серьезность. – Теперь я другая.

– Знаю, – говорю я, хотя какая-то вредная часть меня задается вопросом, как долго она будет другой. Хотя, наверное, я несправедлива к ней. Думаю, сейчас мы все другие, не такие, как на той французской ферме десять лет назад. Просто Лару эти перемены настигли последней.

– Ты мне не веришь, – произносит она, и по ее лицу пробегает тень.

– Еще как верю, – спешу оправдаться я. – А как иначе? Я лишь... я лишь сравнила «теперь» с той неделей во Франции. – Лара вопросительно смотрит на меня. Я же пытаюсь подобрать правильные слова. – В том смысле, что мы все теперь другие. Даже Каро... Все до одного... другие, а

кого-то нет вообще. Или же я просто вижу всех с другой стороны. – Когда я пытаюсь думать, что произошло с Северин, это все равно что собрать пазл по образцу на крышке коробки, но разрезные кусочки почему-то не те или же картинка на крышке с самого начала была неправильной. Лара по-прежнему смотрит на меня, как будто пытается понять. Я качаю головой. – Ладно. Пойдем. Нам пора.

Мы беремся за руки и направляемся к входной двери в подъезд Тома. Лара звонит в домофон и сообщает о нашем прибытии. Из динамика доносится его голос – металлический и еле слышный. Если Том и удивлен присутствием Лары, то не подает виду – разве что перед тем, как ответить, пару мгновений молчит. Хотя, возможно, это просто особенность работы домофона.

– Я так и не ответила на твой вопрос, – говорит Лара, когда мы начинаем подниматься по лестнице. – Нет, мы все время были вместе, только выходили в туалет, но мы действительно спали. Я не знаю, как долго. Наверное, пару часов, не больше.

Дверь в квартиру Тома уже стоит приоткрытой. Мы входим внутрь; несмотря на все мои предыдущие визиты, после обшарпанного коридора с его затоптанной ковровой дорожкой квартира Тома по-прежнему кажется мне оазисом света и стиля. Следуя звону посуды, мы находим Тома в кухне, где он вынимает из шкафчика винные бокалы.

– Думаю, бокал вина нам не помешает. Что скажете, дамы? – говорит Том с улыбкой, поднимая бутылку белого вина. Он успел переодеться после работы. На нем джинсы и голубая футболка – того же цвета, что и его глаза.

– Вот это я понимаю – радушный прием, – кокетливо улыбается Лара и целует его.

Я смотрю в сторону. Я совершенно не готова к тому, когда его руки, как в старые добрые времена, заключают меня в медвежьи объятия. Его футболка из тончайшего хлопка, и от него приятно пахнет все тем же лосьоном после бритья, как и тогда в темном коридоре. Сладкая боль воспоминания о тех мгновениях на миг почти ослепляет меня. Я спешу взять себя в руки и ответить на его приветствие. Его теплое дыхание щекочет мне ухо, и мне кажется, будто я слышу, как Том шепчет «прости». Когда же отпускает меня, я смотрю на него и стараюсь заглянуть ему в глаза, однако он уже занят штопором. Лара подтаскивает для меня табурет, я сажусь рядом с ней за стол, но мне по-прежнему не дает покоя вопрос, не ослышалась ли я.

Том садится напротив. Теперь нас разделяет лишь темная гранитная поверхность столешницы.

– Итак, какие новости? – спрашивает он, открывая бутылку. Время от времени встречается со мной взглядом, но понять выражение его глаз я не могу. Табурет неудобной высоты. У меня не получается поставить локти на столешницу, а мои ноги не достают до пола. При этом подставка для них отсутствует. Я чувствую себя сидящей на насесте.

Я не отвечаю на его вопрос. Лишь пожимаю плечами. Пусть говорит Лара.

– Почти никаких, – бодро отвечает она. – Я приняла целибат, а Кейт пытается выяснить, мог ли ты убить Северин.

Разумеется, это шутка – чем еще это может быть? Однако рука Тома с зажатой в ней бутылкой на миг застывает в воздухе, и он смотрит мне в глаза.

– И?.. – спрашивает Том, аккуратно ставя бутылку на стол. Он по-прежнему прожигает меня насквозь своим взглядом. Целибат Лары ему явно не интересен. Заденет это Лару или нет, я не знаю, да и мне все равно. В данный момент я готова убить ее за то, что она поставила меня в дурацкое положение. Я чувствую, как она ёрзает рядом со мной. Похоже, до нее дошло, что ее шутка была воспринята со всей серьезностью. – Ты считаешь, что я на такое способен? – выразительно спрашивает Том.

Я воспринимаю его вопрос как вызов, хотя по какой причине, я не уверена. Однако увиливать от ответа не собираюсь.

– Да, – отвечаю я.

– Кейт! – возмущенно восклицает Лара. Мы с Томом по-прежнему в упор смотрим друг на друга. Увы, я ничего не могу прочесть в его глазах. Спустя пару мгновений он наклоняет голову и вновь начинает разливать вино.

– Я же не сказала, что он это сделал, – поясняю я, поворачиваясь к Ларе, однако то и дело стреляю глазами в Тома, в надежде заметить что-то такое, что подскажет мне, о чем он думает. А еще, в надежде сохранить равновесие, отчаянно пытаюсь одной ногой обвить ножку табурета. Мне срочно требуется якорь. – Я всего лишь сказала, что он на это способен. В соответствующих обстоятельствах. – Том по-двигает ко мне бокал, и я делаю глоток вина. – Возможно, это можно сказать про всех нас.

– Неправда, – задумчиво говорит Том – сам он пьет пиво – и делает долгий глоток. – Возможно, каждый способен на случайное убийство. Но замести следы... Это самая главная вещь. Не каждому хватит самообладания это сделать. Человек, пожалуй, сам вызовет «Скорую помощь» и полицию.

«Да, ты так и поступил бы», – думаю я – и понимаю, что Том смотрит

на меня. У меня тотчас возникает ощущение, будто он читает мои мысли. Том кисло улыбается и в шутовском тосте поднимает свое пиво.

– Ну что ж, – говорит Лара после короткого молчания. – Мы сегодня обошлись без светских разговоров. – Взяв свой бокал, она делает долгий глоток.

– Вы обе ужинали? – внезапно спрашивает Том. – Я уже разогрел духовку. Как вы смотрите на то, если я засуну в нее пиццу?

Мы начинаем обсуждать, что бы нам съесть на ужин, и на пару минут атмосфера становится менее напряженной. Со стороны это очень даже похоже на дружескую вечеринку. Но как только дверца духовки захлопывается, Том делает еще один глоток пива, и внутри его как будто щелкает переключатель.

– Итак, – решительно произносит он, глядя сначала на Лару, затем на меня. – Думаю, пора выложить карты на стол. Что, по-вашему, случилось той ночью?

– Мои карты уже на столе, – жалуется Лара. – Они всегда там были. Я никогда не думала, что это кто-то из нас. – Она выразительно разводит руками и едва не опрокидывает при этом свой стакан. – Ой, извини... после работы я уже успела пропустить пару стаканчиков с моими коллегами... В любом случае, Том, даже если ты всего за пару часов не исхитрился убить Северин, избавиться от ее тела, смыть с себя кровь и вернуться ко мне в постель, то я не располагаю абсолютно никакой информацией.

Я поражена, с какой легкостью, даже не покраснев, она упоминает о том, что была с Томом – *Томом!* – в одной постели; при мне, при нем самом. Я смотрю на него, но он, похоже, ничуть не смущен.

– Я, конечно, хорош, – говорит Том с черным юмором, – но не настолько.

Я пытаюсь подавить в себе нарастающее чувство несправедливости. Лара, которая спала с ним, а затем его бросила, полностью прощена. Мне же всего за какой-то поцелуй была устроена головомойка. Неудивительно, что в моих словах слышатся нотки раздражения.

– И все это, по-твоему, сделал один и тот же человек? – спрашиваю я его, как говорится, в лоб. – Но что, если к этому причастны и другие? Вдруг кто-то по неосторожности совершил убийство, а затем один или двое помогли ему замести следы? – Мои рассуждения такие абстрактные, такие хладнокровные, что трудно представить, что речь идет о конкретной убитой девушке. Я оглядываюсь по сторонам, надеясь увидеть ее рядом. Но ее нет. Я вновь ощущаю укол раздражения: что это за призрак такой, если ему не интересно обсуждение собственной смерти? Впрочем, ответ на

самый главный вопрос ей известен.

Том кивает. Неожиданно я ощущаю с его стороны что-то похожее на одобрение.

– Похоже, у тебя есть версия.

– Нет. Я лишь... – Я ёрзаю на неудобном табурете. У меня нет версии. Только набор малоприятных наблюдений, которые лишь усиливают мою общую тревогу. Назвать их версией у меня не поворачивается язык.

Лара тоже ёрзает на табурете. В конце концов она наваливается своим пышным бюстом на столешницу и сочувственно на меня смотрит:

– Мы тут все свои, Кейт.

– Ну, давай же, говори, – понукает меня Том. Он стоит, подавшись вперед и положив руки на гранитную столешницу. Его тело отправляет мне смешанные сигналы – кнут и пряник одновременно. Должна же ты хоть к кому-то питать доверие.

Я смотрю на него и встречаюсь взглядом с его так хорошо мне знакомыми голубыми глазами. Глазами Тома, а не Себа. Да и нос тоже его, такой ни с каким не спутаешь. Увы, меня ни с того ни с сего душит такая злость, что я пару секунд не могу говорить. Ведь когда-то я доверяла ему. Мне даже сейчас хочется ему доверять. Так почему он не дает мне это делать? Ему ведь наверняка что-то известно, и на данный момент, учитывая комментарий Лары, он должен был это понять. Однако он по-прежнему не впускает меня. Неудивительно, что меня начинает мучить вопрос: да Том ли это? Всегда ли это был тот самый Том, которого, как мне казалось, я знала? И если я ошибалась, то какие еще ошибки я совершила? Мои внутренности сводит холодный страх. А еще я зла на Тома – *Тома!* – за то, что страх этот поселился там его стараниями.

– Неужели? – язвительно переспрашиваю я, когда наконец вновь обретаю голос. – Я должна кому-то доверять? Это надо же! А кому доверяешь ты, Том? Единственное, в чем я уверена в этой жуткой и непонятной истории, так это что Себ и Каро что-то скрывают. Что тебе известно гораздо больше, чем ты утверждаешь, и что почему-то именно моя жизнь летит к чертовой бабушке. Уж если речь зашла о доверии, то почему бы не начать с тебя, Том?

От неожиданности его глаза лезут на лоб. Он явно не ожидал от меня такой ярости. Я замечаю, что Лара смотрит на меня, растерянно разинув рот, и это меня останавливает. Я резко обрываю язвительный поток, который грозит обрушиться на всех и вся. Если этого не сделать, остановить меня будет трудно. Я хватаю бокал вина и в гробовой тишине, которая наступает, когда я умолкаю, тупо смотрю в него, дожидаясь, когда

остатки ярости выветрятся из меня. Правда, теперь я готова вот-вот разрыдаться. При этом меня разрывают два взаимоисключающих желания: с одной стороны, извиниться за мою совершенно не британскую выходку, с другой – открытым текстом высказать ему все, что я по этому поводу думаю. О том, что сейчас творится внутри меня, то, чего, по-моему, заслуживает этот мир.

Первой гнетущее молчание нарушает Лара. Оно такое тяжелое и густое, что просто удивительно, что сквозь него что-то проникает.

– Наверное, я зря пришла, – быстро говорит она, соскальзывая с табурета. – Думаю, вам лучше пообщаться наедине и...

– Нет, прошу тебя, останься! – Все так же тупо глядя в бокал, я протягиваю руку, чтобы удержать ее. – Извини меня. – Вздыхаю и смотрю на нее. Она уже наполовину отвернулась и готова уйти, но в ее глазах я читаю тревогу и неуверенность. Я из принципа не смотрю на Тома, хотя и знаю, что он не спускает с нас глаз. Вернее, с меня. Я ощущаю это едва ли не кожей. Его взгляд давит даже на мои кости.

– Дело не в том, что... просто...

– Что именно? – спрашивает она.

– Моя жизнь, мой бизнес... все действительно летит под откос. Прошел слух, будто меня вот-вот арестуют по обвинению в убийстве, – с несчастным видом говорю я. – Марк Джефферс, младший юрист в фирме... ладно, не буду говорить в какой – так и сказал Полу. Но если он сказал ему, откуда мне знать, скольким людям он уже это сказал? Может, уже всему Лондону?

Лара от неожиданности ахает и вновь садится на табурет. Мы все прекрасно понимаем: это не единственная причина моей вспышки, и даже не главная, однако им обоим хватает такта молча перенаправить на нее свое внимание. Наконец свои первые слова произносит Том:

– И какова была реакция Пола? Ты думаешь, он уйдет?

Я кисло кривлю рот. В этом весь Том: он на время позабыл мою гневную речь и сосредоточился на моей проблеме. Это вынуждает меня ответить ему как можно учтивее, хотя внутри меня по-прежнему все кипит:

– Не знаю. Вряд ли. По крайней мере, пока. Мы получили два престижных контракта, но если слухи будут продолжаться и мы потеряем хотя бы один, то да, Пол наверняка уйдет. – Я пожимаю плечами: – Он обижен, что я ничего ему не сказала. – Я делаю глоток вина и пристально смотрю на них обоих: – Скажите, вы кому-нибудь рассказывали эту историю?

Том качает головой:

– Это не те вещи, какие я стал бы обсуждать с коллегами. Какими бы глазами на меня посмотрели... – Он морщится, представляя насмешки, которые сопровождали бы его до конца карьеры. Если трейдеры чем и славятся, то только не чуткостью. – И я не хочу волновать моих родителей. Думаю, что Себ тоже ничего не говорил своим, если только ему не порекомендовал это сделать его адвокат.

– Я рассказывала паре девушек с моей работы, – признается Лара, – но без подробностей и не называла ничьих имен, в том числе и твоего, если ты намекаешь на это...

Я качаю головой:

– Господи, нет. Мне всего лишь было любопытно узнать. – Например, выяснить, что означает мое нежелание затрагивать эту тему. То ли это еще один признак моей нелюбимой натуры, то ли абсолютно нормальная вещь.

Том все еще занят анализом. Его взгляд устремлен в окно, где уже сгущаются сумерки. На фоне быстро темнеющего неба облака кажутся чернильными кляксами. Том задумчиво чешет голову:

– И этот парень, Марк Дженнерс...

– Джефферс.

– Марк Джефферс сказал Полу, что тебя вот-вот арестуют.

– Я так поняла.

– Только тебя... – Том хмурится. Я пожимаю плечами. – Возможно, это просто испорченный телефон, и все же немного странно. Вряд ли к такому выводу можно прийти, даже если прочесть, что писали про этот случай в газетах. Наши имена никогда не назывались.

Я киваю:

– Я так и думала.

Щеки Лары горят румянцем, тяжелые веки полуопущены. Бокал, вернее два, которые она пропустила сразу после работы, плюс тот, что щедро наполнил ей Том, берут свое.

– Не адвокат, а трепло, – замечает она и, словно кошка, зевает, хотя и пытается тут же подавить зевок. – Разве они не должны хранить профессиональную тайну? И разве не должны всячески умасливать рекрутинговое агентство, а не распускать про него скандальные слухи? Вряд ли вы теперь сгораете от желания подыскать для него местечко потеплее?

Это один из тех неожиданных моментов, когда Лара вдруг проявляет проницательность, хотя она еще и не осознала до конца все последствия. Мы с Томом встречаемся взглядами, и на какой-то миг кажется, что никакого темного коридора никогда не было, что я ни на мгновение не

усомнилась в нем. Я буквально читаю его мысли.

– Но кто? – спрашиваю я у него.

– Не знаю, – он качает головой и снова хмурится: – Ума не приложу, кому это выгодно.

– Что? Кому? – Это на своем курошесте встrepенулась Лара.

– Кто его надоумил, – поясняю я. – Ты прав, это действительно странно. Или он по натуре жуткий сплетник, или кто-то его надоумил. – Я задумываюсь. – Я могу заглянуть в его личное дело и расспросить о нем Пола. Если окажется, что это просто городской глашатай, тогда, возможно, он узнал это по какой-то несчастливой случайности.

Том переключает внимание на духовку. Последние несколько минут развеяли мое недоверие к нему. Или же причиной этому моя усталость. Подозревать кого-то – жутко изматывающее занятие. Все было бы гораздо проще, будь Том на моей стороне. Я почти уверена, что так и есть, я почти уверена, что Том – это Том, а все остальное – просто шум. По крайней мере, мне очень хочется в это верить.

– В ту ночь... с Северин, – неуверенно начинаю я. Том поднимает глаза от пиццы, которую вынимает из духовки. Огонек в его глазах согревает меня: он принял мою оливковую ветвь. – Сначала я подумала... я подумала, она на следующее утро отправилась на автовокзал, а значит, вся эта история не имеет к нам никакого отношения. Затем, позднее, когда Модан сказал, что это была не она, я задумалась. Самое главное, я не могу сказать, когда Себ вернулся ко мне. Я была страшно расстроена и, если честно, страшно пьяна и потому сразу же вырубилась. И не знаю, когда он пришел. Он же настойчиво утверждает, будто был со мной всю ночь. – Том и Лара смотрят на меня и не перебивают, давая мне высказаться. – Они с Каро странно себя ведут, словно... заговорщики. Сначала мне казалось, они трахаются, но теперь мне кажется, что на самом деле это как-то связано с этой историей. С Северин. – Я делаю глубокий вдох и смотрю на Тома. Если я скажу то, что думаю, это станет версией, и я никогда не смогу взять свои слова назад. – И я подумала, а что, если это Себ убил ее – по чистой случайности, – а Каро помогла ему замести следы.

– О господи! – бормочет Лара. Боковым зрением я вижу, как она тянется за бутылкой вина, но мой взгляд сосредоточен на Томе. Тот спокойно кивает. Задумчиво. Он ни капельки не удивлен, но теперь это меня не удивляет.

– Каро, – говорит Том без всяких эмоций, одновременно разрезая слегка подгоревшую пиццу, как если б разговор шел о процентах в банке или автостраховке. – А не я?

В этот момент я не могу думать ни о чем другом, кроме правды.

– Или ты. Но, как сам сказал, ты бы вряд ли смог это сделать настолько быстро, чтобы Лара ничего не заподозрила. И...

– Что? – Он продолжает не спеша резать пиццу. Его вопрос звучит почти равнодушно, чего нельзя сказать о его глазах.

Я снова пожимаю плечами:

– Просто мне кажется, что если б следы заметал ты, то сделал бы это гораздо лучше.

– И на том спасибо, – сухо говорит Том, однако напряжение тотчас оставляет его, а в уголках рта играет улыбка.

– А разве они были плохо замечены? – спрашивает Лара. – Ведь тело было найдено лишь спустя десять лет.

Северин взгромоздилась на столешницу рядом с раковиной. Она сидит, скрестив ноги, выгнув тело и упираясь ладонями в гранитную поверхность. Ее внезапные появления больше не пугают меня. Интересно, буду ли я по ней скучать, когда она уйдет туда, куда уходят все призраки, когда им надоедает преследовать вас.

– Будь это посторонний человек, то он действительно плохо замел следы, но ему повезло, – говорит Том. – Ведь с самого начала можно было предполагать, что колодец наверняка обыщут. К тому же посторонний человек никак не мог знать, что колодец вот-вот должны засыпать песком. Мы же это знали. Но даже если колодец и был засыпан, нетрудно было догадаться, что рано или поздно его обыщут.

– И что бы ты сделал? – спрашиваю я. Мне действительно интересно.

– Взял бы ключи от твоей машины и отвез ее куда-нибудь подальше, – быстро говорит Том. Так быстро, что я тотчас догадываюсь: эта мысль приходила ему в голову и раньше.

– Модан спрашивает про машины, – говорю я. В моем мозгу как будто шевелится некое щупальце, которое мне никак не удается поймать. Сейчас в руке Северин сигарета. В упор глядя на меня своими темными глазами, она медленно выдыхает дым.

– То есть мы действительно рассматриваем такую возможность? – спрашивает Лара, обращаясь непонятно к кому. – Что это мог быть Себ? Кто-то из нас? – Ну что на это ответить? Мы молчим. Тогда Лара тянется за куском пиццы, однако, не донеся его до рта, произносит: – Если в этом замешана Каро, то это может быть только Себ. Вряд ли она согласилась бы на такое ради кого-то еще. – Лара на пару секунд задумывается, затем машет рукой с куском пиццы. – Каро и Себ... Господи, надеюсь, он не настолько глуп.

– Почему же, иногда он бывает очень даже глуп, но даже так... – Том морщится и качает головой. Оба с опаской косятся на меня. Привычка не говорить в моем присутствии о Себе въелась им в плоть и кровь, и вот теперь они пытаются от нее избавиться. Том снова качает головой: – Я уверен, что нет. Он наверняка знает, что это значило бы для нее слишком многое.

– И вы всегда это знали? – неуверенно спрашиваю я. – Лично я тогда даже не догадывалась. И как только я могла это не заметить? Нет, я знала, что ей не нравится, что у нас с Себом отношения, но мне казалось, что ей просто не нравлюсь я.

– Да, ты ей не нравилась, – говорит Том не без тени юмора.

Лара же одновременно спешит добавить:

– Ты ей и сейчас не нравишься.

Мои губы сами кривятся в улыбке.

– Послушайте, ребята, хватит ходить вокруг да около. – Том улыбается, Лара хихикает. – Я знала, что я ей не нравлюсь, но мне казалось, что не столько я сама, сколько то, что я олицетворяю – или, наоборот, не олицетворяю. Я ходила не в ту школу, я проводила лето не в пони-клубе, а зиму – не в Вербье. У меня не тот акцент.

– В Валь-д'Изер, – поправляет меня Том. Я закатываю глаза. Даже не верится, что мы обмениваемся шутками, как в старые добрые времена. Неужели такое возможно? – Но я согласен с тобой: Каро – жуткий сноб. И разумеется, ты ей не нравилась. И особенно после того, как ты стала встречаться с Себом.

– Но ты права. Сейчас это заметно даже сильнее, – замечает Лара.

Я жую пиццу и медленно перевариваю услышанное. Трюк заключается в том, чтобы переварить новую информацию, не замутив при этом старую. Боюсь, что у меня это плохо получается: слишком велик риск спроецировать то, что мне известно сейчас, на то, что я помню с того времени. Я помню Себа, помню смутное сомнение, которое я носила в себе, что Себ – тот самый Себ, что родился с серебряной ложкой во рту, Себ, окруженный золотистым сиянием, действительно был со мной. Какая-то часть меня ожидала, что все девушки будут зариться на него. И Себ... он тоже это ожидал, более того, воспринимал как свое законное право, и любое предположение с моей стороны, что он сам это поощряет, тотчас отметалось как «ревность». Я с самого начала решила, что не позволю ему поставить на мне это клеймо, даже если это и требовало от меня невероятных усилий. Оглядываясь назад, я вынуждена признать, что просто на многое закрывала глаза. Стоит ли удивляться, что я предпочитала

не замечать долгую, безответную любовь к нему Каро...

Я отправляю в рот последний кусок пиццы и первой нарушаю молчание:

– В любом случае мы отклонились от темы. Том, так что же все-таки, по-твоему, произошло? Тебе всегда было известно больше, чем нам с Ларой.

Он даже не пытается спорить со мной.

– Просто я пытался не втягивать вас в эту историю.

– Боюсь, теперь мы вляпались в нее по самые уши.

– Говори за себя. – Лара зевает. – Я здесь совершенно ни при чем.

Я легонько толкаю ее локтем в бок.

– Вот и вся твоя хваленая солидарность. Но, по крайней мере, я точно вляпалась по самые уши.

Том не спорит и с этим.

– Ты что-то видел, – подсказывает Лара.

Он кивает:

– Верно. Я... – Ему не дает договорить звонок. Том вопросительно наклоняет голову и поворачивается к двери. – Должно быть, ошиблись. Какой-нибудь пьяный или типа того.

Однако звонок звонит снова – три коротких сигнала и затем один долгий.

– Это надо же какой наглец! – Том пересекает кухню и выходит в коридор. Нам слышно, как он коротко отвечает в домофон: – Слушаю.

– Это я, – раздается из домофона знакомый голос, причем неожиданно громко. Лара смотрит на меня. В ее глазах застыла вина. Думаю, в моих тоже. *Не поминай лихо...* – Впусти меня. Я принес благую весть. Долго нес и принес. Или мне так кажется...

– Тогда поднимайся, – устало отвечает Том и снова появляется в дверях кухни. – Себ, – поясняет он, как будто мы еще не поняли.

Лара строит гримасу:

– Значит, точно пьяный наглец. Хотя кто я такая, чтобы говорить подобные вещи после выпитого мною вина. – Она соскальзывает с табурета и тянется за сумочкой и пальто. – Думаю, мне лучше вас покинуть.

– Я с тобой, – говорю я, однако остаюсь сидеть на табурете, обвив его одной ногой.

– Не уходи, – быстро говорит Том. – Я постараюсь поскорее от него избавиться.

Я вопросительно выгибаю бровь:

– Очаровательно. Интересно, что стало с кровью, которая, как

известно, не водица?

– Правило неприменимо, когда кровь разбавлена алкоголем. Да и в любом случае ему наверняка нужно домой, к Алине.

Лара не настолько пьяна, чтобы пропустить наши реплики мимо ушей. Мне видно, как, надевая пальто, она стреляет глазами то в Тома, то в меня, хотя лицо ее при этом абсолютно ничего не выражает.

– Позвони мне завтра, – нейтральным тоном говорит подруга. – Расскажешь мне, чем закончилось это очередное расследование Нэнси Дрю^[9].

И я остаюсь.

Глава 16

Себ пьян.

Не просто слегка навеселе или в легком подпитии, а по-настоящему пьян. Такой степени опьянения можно достичь, лишь приложив к этому усилия – причем делая это долго и упорно – или же если ваш организм не переносит алкоголь. Впрочем, я начинаю подозревать, что за последние десять лет Себ немало поднаторел в этом.

– Господи, – бормочет Том, когда Себ, шатаясь, вваливается в кухонную дверь, из которой только что выскользнула Лара, и, чтобы не упасть, хватается за дверной косяк. На нем темный костюм, из кармана брюк свисает конец галстука, белая рубашка в пятнах, но первым делом внимание приковывает его лицо. Глаза стеклянные, в красных, похожих на трещины прожилках. Лицо багровое, челюсть тяжелая, губы вялые. Даже загар бессилён скрасить нанесенный неумеренными возлияниями урон. – Посмотри на себя. Где ты был?

– В «Королевской голове», рядом с работой. Приняли на прощание. Там увольняют половину этажа, так что на прощание пьют уже несколько недель подряд. Потом один чертовски крутой бар в Найтсбридже. Потом... не помню... – Взгляд его устремлен куда-то в угол кухни, как будто Себ пытается что-то разглядеть в темноте, хотя в кухне светло. Он придерживается за дверной косяк, но его все равно шатает. – Так здесь и Кейт? Я только что столкнулся на лестнице с Ларой. – У него заплетается язык, отчего вместо имени Лара у него получается Лала или даже Вава.

– Привет, Себ, – говорю я и даже не пытаюсь слезть с табурета. Целоваться с ним у меня нет никакого желания.

– Входи, выпьешь воды, – говорит Том и уже начинает набирать в стакан воду. Затем смотрит на высокие табуреты. – Или нет, лучше давай перейдем на диван.

– Только не воды, – заявляет Себ и качает головой, однако разрешает Тому проводить себя через всю комнату в ту ее часть, которая считается гостиной. Я беру из рук Тома, который бормочет слова благодарности, стакан с водой и иду за ними следом. – Мне нужно что-то покрепче. Надо обмыть будущего ребенка. Алина беременна. Скоро я стану отцом. Черт! – Он как будто удивлен и отказывается понять, как такое может быть.

– Мои поздравления. Даже не знал, что в тебе есть отцовская жилка. – В словах Тома слышится легкое раздражение. Он из последних сил

пытается предотвратить столкновение Себа со стенами, чтобы тот не сбил развешанные на них фотографии.

Я останавливаюсь рядом с обеденным столом, служащим границей между кухней и гостиной, и пытаюсь взять себя в руки. Себ рухнул на диван и теперь сидит, вытянув ноги. Он уже наполовину съехал вниз, отчего его плечи находятся ниже диванной спинки. Северин устроилась на противоположном краю дивана – сидит, подобрала под себя ноги, и с явным отвращением смотрит на Себа. Том включает пару настольных ламп, после чего садится в кресло.

– Поздравляю, Себ, – говорю я, держа в руке стакан с водой. Он не берет его у меня. Сомневаюсь, что он вообще его видит. Тогда я ставлю стакан на кофейный столик. Я не хочу садиться рядом с Северин и уж тем более рядом с Себом. Поэтому устраиваюсь на скамеечке. – Как самочувствие Алины? – вежливо интересуюсь я.

– Прекрасно, прекрасно. Как всегда.

Я вспоминаю смятое бумажное полотенце в туалете ресторана. Неправда, не всегда.

– И какой срок? – спрашивает Том.

– Десять недель. Наверное, еще рано об этом говорить, но... – Он пожимает плечами. Это движение едва заметно, потому что голова его буквально вжата ему в грудь. – Черт побери. Ребенок.

Где-то в глубине кармана его пиджака звонит телефон. Себ неуклюже вытаскивает его, смотрит на экран, после чего, не отвечая, наклоняется вперед и кладет его на стол. Затем проводит ладонью по лицу и вновь заваливается на диван. Но в тот момент, когда мне кажется, что он вырубился, Себ поворачивается ко мне. Взгляд его неожиданно пронизателен.

– А что, собственно, ты здесь делаешь? Может, я чему-то помешал? – Почему-то ему это кажется смешным, и он хохочет. – Как тебе, Том, товар секунд-хенд?

В это мгновение я ненавижу его всеми фибрами души. Господи, с каким удовольствием я влепила бы ему пощечину! Мне даже становится страшно.

– Ты только что видел Лару, Себ, – спокойно напоминает ему Том, но мне видно, как напряглась его челюсть. Он не смотрит в мою сторону. Думаю, что нарочно. – Или ты считаешь, что я трахаю их обеих?

Трахаю. Трахаться – часть речи: глагол. Я трахаюсь, мы трахаемся, они трахаются... в любом лице и числе он звучит грязно, мерзко. Наверное, именно так Том подумал про тот поцелуй в коридоре.

– Ха-ха, – фыркает Себ. – Только не говори мне, что такое не приходило тебе в голову. Лично мне пару раз приходило. – В другом мире, при других обстоятельствах это сошло бы за беззлобную шутку. Мужчины часто отпускают такие в адрес хорошеньких женщин, рассчитывая услышать в ответ игривое хихиканье, увидеть смущенный румянец. Но только не в этом мире. К тому же в словах Себа есть некая жесткость, даже жестокость. Неужели он всегда такой, когда выпьет? Мне на ум приходят слова Лары – «точно пьяный наглец». Я не могу точно вспомнить, но, с другой стороны, меня это почему-то не удивляет.

Я резко встаю:

– Думаю, мне пора домой. Там компания поприятнее. – Северин смотрит на меня с дивана и почти улыбается. По крайней мере, моя фантазия породила призрака, способного по достоинству оценить мою шутку.

– Даже не думай! – говорит Себ и пытается сесть прямо. И даже протягивает руку в попытке меня остановить. – Извините. Не принимай близко к сердцу. Это я шутки ради. Зачем же все воспринимать серьезно? Ну, извини, извини... – Его бормотание обрывается, однако он продолжает смотреть на меня умоляющими глазами – то ли действительно пристыжен, то ли, словно маленький мальчик, всего лишь притворяется. Такое я помню хорошо. Себ – мастер извиняться так, что потом чувствуешь себя виноватой.

Телефон звонит снова. Он отпускает мою руку.

– Алина? – спрашивает Том, но с того места, где я стою, мне видно, что Себу звонит вовсе не жена.

– Это Каро, – сообщаю я, но, похоже, Себ уже и сам это понял. И даже не собирается брать телефон. Мне видно, что он пропустил уже восемь звонков. Интересно, сколько их от Каро. Телефон угрюмо умолкает.

– Мы бы никогда не познакомились, если б не Том, – бормочет Себ, словно телефон не прерывал ход его мыслей. Похоже, что сегодня он настроен по-философски. – Иначе зачем, по-твоему, мы пошли на ту вечеринку, когда штурмом брали Линакр? Он хотел увидеть одну девчонку. – Себ умолкает и с улыбочкой смотрит на Тома. Я замечаю, что лицо у того каменеет. Правда, намек мне не совсем понятен.

– Кого именно? – уточняю я, потому что Себ молчит. Я впервые слышу эту историю.

– Да-да, кого именно? Ты мне так ни разу и не сказал, – говорит Себ с наигранной невинностью, но, поскольку он пьян, такие тонкости у него получаются плохо. Из чего я делаю вывод, что ответ ему прекрасно

известен.

– Кто знает? Это было так давно... – натянуто отвечает Том, но его снова прерывает звонящий мобильник Себа.

– Это снова Каро, – как бы невзначай говорю я.

– Знаю, – бормочет он. Его голова снова свесилась на грудь. – Черт. – Последнее слово звучит как стон.

– А почему Каро названивает тебе? – спрашивает Том, как будто это его почти не интересует.

– Я с ней не сплю, если это то, что ты думаешь. – Себ одновременно и агрессивен, и держит оборону. Его знаменитое обаяние сегодня вечером явно решило отдохнуть от него.

– Я этого не говорил...

– Зато намекал. Разумеется, я с ней не сплю. Я еще не настолько дурак. Ни разу не трахнул за все эти годы. – Его голова безвольно мотается на груди. – Даже не целовался с ней, – бормочет Себ. Он трет ладонью лицо, затем пьяным жестом хватает мою руку и тянет меня к себе. Я вынуждена нагнуться над ним. – Я все запарол, Кейт. – Он глядит мне в глаза. – Зря я тогда тебя бросил. Согласись, у нас все было хорошо. Нам с тобой было хорошо, ведь так? А потом я все запарол. И теперь... черт...

Где-то в глубинах моего живота начинает шевелиться нехорошее предчувствие. Себ резко отпускает мою руку. Я теряю равновесие и, чтобы не упасть, хватаюсь за кофейный столик. Когда же снова смотрю на Себа, он поднимает руку и закрывает ею глаза. Я вопросительно смотрю на Тома. Тот озадаченно качает головой.

– Себ, что такое? – осторожно спрашиваю я. – В чем дело?

– Отвальная, – невнятно бормочет он. Его губы сегодня какие-то неприятные, толстые, как оладьи. – Моя отвальная.

– Но ведь ты только что вернулся из Нью-Йорка. Никогда не поверю, что тебя уволили сразу после того, как ты...

– Не уволили... Я сам уволился. Никто меня не увольнял. Мой начальник... дал мне право выбора... – Он так и не убрал руку от лица.

– Что такого ты натворил? – что называется, в лоб спрашивает его Том.

– Как обычно. Я все запарол. – Себ наконец убирает руку. Трудно сказать – свет тусклый, – но, похоже, в его глазах слезы. – Ведь куда мне до тебя! Ты у нас всегда был образцом во всем. *Том хорошо учится в школе. Вы слышали, Том получил стипендию? Том быстро идет вверх по карьерной лестнице, он уже начальник отдела биржевых операций. Ну почему ты не хочешь брать пример со своего кузена?*

Я в шоке. У меня перехватывает дыхание. Мне даже в голову не могло

прийти, что в Себе столько горечи и озлобленности, которые сейчас, по пьяни, полезли наружу. Мне даже в голову не могло прийти, что он сделает это в моем присутствии. Меня как будто вывалили в грязи. Я словно стала свидетельницей интимной сцены. Лицо Тома ничего не выражает. Интересно, он уже слышал это раньше или просто догадался по реакции Себа?

– Что ты натворил? – спокойно повторяет Том свой вопрос, как будто не слышал оскорбительной тирады.

Себ трет лицо. Внезапно боевой дух выходит из него, как воздух из лопнувшего шарика.

– Я был пьян, – хрипло говорит он. – На работе. Просто навалилось все сразу – и эта гребаная француженка, и Алина, и ребенок, а потом Каро, которая вечно что-то нашептывает мне на ухо... И я сорвался... – Себ прижимает ладони к глазам и не убирает их. – Черт! – повторяет он с пугающей яростью.

Том качает головой. Мне видно, как в нем борются злость и жалость.

– Эх, Себ, – вздыхает он.

«Эта гребаная француженка». В данном случае его фразу можно понимать буквально, потому что кто, как не он, с ней трахался. Увы, одного взгляда на страдания Себа достаточно, чтобы у меня отшибло всякое желание смеяться. Ибо смеяться здесь не над чем.

– Сочувствую, – говорю я, понимаю всю пустоту моих слов и смотрю на Тома: – Позвони Алине и скажи, что он здесь. Вдруг она от волнения уже не находит себе места...

Том кивает, берет со стола мобильник Себа и ищет номер Алины, а найдя, выходит в коридор, чтобы позвонить. И наверное, заодно проверить, сколько раз звонила Каро. Я бы точно проверила.

Между тем Себа уже почти сморил сон. Похоже, он останется здесь на ночь, так что нам с Томом поговорить никак не удастся. В общем, мне пора домой. Если честно, мне не терпится уйти. Видеть пьяным бывшего бойфренда – не самое приятное зрелище, тем более что Северин уже смоталась отсюда. Я уже делаю шаг к двери, когда Себ внезапно снова хватает меня за руку. Оказывается, он не спит. Во второй раз тянет меня к себе, но на этот раз я успеваю упереться другой рукой в диван.

– Это не я, – шепчет Себ, умоляюще глядя на меня своими налитыми кровью глазами. – Ты должна это знать. Это не я. Будь это я, ты наверняка запомнила бы... Подумай сама. Я тогда вернулся к тебе. Так что это не я.

– Э-э-э... – Я не нахожу слов. Гипотетически обсуждать Себа как подозреваемого в убийстве, сидя в кухне Тома с куском пиццы, – совсем не

одно и то же, что видеть его в таком виде перед собой.

За моей спиной раздаются шаги Тома. Ну, слава богу, думаю я и оборачиваюсь. Но Том при виде нас резко останавливается с каменным лицом. Внезапно до меня доходит, что мое лицо в считанных сантиметрах от лица Себа.

Я пытаюсь вырвать руку, но Себ бормочет:

– Кажется, я сейчас блева... – Он отпускает мою руку и резко поднимается. Я быстро отползаю назад. Статуя по имени Том моментально оживает. Схватив Себа за шкурку, он тащит его в туалет. В следующие мгновения мне слышно, как желудок Себа извергает свое содержимое.

Я снова поднимаюсь на ноги и отправляюсь на поиски пальто и сумочки. И то и другое по-прежнему в кухне. На кухонном столе стоят грязные тарелки из-под пиццы. Будь я по-настоящему благодарной гостьей, я помыла бы их, но поскольку уже за полночь, то благодарной гостьи из меня не получается. Мне хватает сил лишь на то, чтобы сложить их в раковину, поскольку посудомоечная машина уже забита под завязку. Мои мысли мечутся от несчастных, умоляющих глаз Себа к каменному лицу Тома и обратно. Вряд ли это самый главный вопрос, но он не дает мне покоя: кто была та девушка, ради которой Том притащился с Себом на вечеринку. Раньше я назвала бы только одно имя, теперь же у меня имеется альтернативный вариант.

Взяв пальто, я выхожу в коридор. Там одиноко стоит Том, освещенный лишь узкой полоской света, выбивающегося из-под двери ванной комнаты, и тусклым светом кухни-гостиной.

– Ну как, дозвонился до Алины? – спрашиваю я, маскируя неловкость. Мы с ним снова вдвоем в том самом коридоре. Неудивительно, что мне не по себе.

– Да. Он останется у меня до утра. – Том стоит, прислонившись к стене, и зевает. В полумраке я едва различаю его белые зубы. – Алина в курсе того, что его уволили. Она первой упомянула это, что даже к лучшему, потому что я не знал, сказал ей Себ об этом или нет.

– И как она тебе, судя по голосу? – Я ставлю на пол сумку и начинаю надевать пальто.

– Трудно сказать. Думаю, приятного мало.

Из ванной комнаты доносятся звуки очередного приступа рвоты. Мои глаза понемногу привыкают к полумраку. Тусклого света достаточно, чтобы я различила на лице Тома смесь отвращения и сочувствия.

– Господи, представляю, каково ему будет завтра.

– Кто была та девушка, Том? – спрашиваю я.

Он прекрасно знает, о чем я. И даже не пытается увилить. Лишь устало качает головой:

– Какая разница.

Огромная!

– Это Лара? – Мы говорим вполголоса. Полумрак обволакивает нас, обнимает, утешает. Он как одеяло, под которым можно произнести то, что язык никогда не повернется сказать при дневном свете.

– Что? Нет, не Лара. – Я знаю, что он смотрит на меня. Я чувствую на себе его взгляд, хотя могу смутно различить лишь белки его глаз. Мне кажется, что он стоит, наклонив голову. Но возможно, я лишь проецирую его привычки на этот холст темноты. – С чего ты это взяла? Тогда, во Франции, это было несерьезно. И ничего не значило для нас обоих.

Значит, не Лара. Не только не Лара, но, похоже, никогда не Лара. Я откладываю этот факт в ментальную папочку для будущего анализа.

– Так все-таки, кто это? – упрямо спрашиваю я. Не отступлюсь, пока не узнаю правды.

Том отвечает не сразу. Замер неподвижно, отчего кажется, будто он стоя спит.

– Сама знаешь, – произносит он в конце концов едва различимым шепотом.

Да. Теперь знаю. Есть в этом некая неизбежность, постоянство, даже если раньше я этого не знала. Я чувствую в горле комок.

– Теперь знаю, – шепчу я. – Но раньше не знала.

Внутри меня копится то, чего мне всегда жутко хотелось, то, на что я надеялась и в чем боялась признаться самой себе. Они рвутся наружу, их давление нарастает – того гляди, я вот-вот взорвусь.

Том протягивает руку. Я чувствую на щеке легкое прикосновение его пальцев. Ловлю себя на том, что мне страшно сделать даже вдох.

– Извини, я был последним дерьмом. Просто той ночью был момент, когда я подумал, что наконец получил все, о чем всегда мечтал. А потом... о себе напомнила реальность. – Он опускает руку и отворачивается. Зато у меня в животе затягивается тугий узел. Я знаю без тени сомнения, что мне придется снова захлопнуться словно ракушке, подавить в себе все, что в эти мгновения рвется наружу. – И я был страшно зол – главным образом на самого себя – за то, что допустил это, поставил себя в такое положение. Ведь я знал, как нужно поступить. Можешь говорить все, что угодно, можешь притворяться, сколько тебе захочется, но я вижу это в тебе, вижу сегодня и видел всегда. Для тебя существовал только Себ. Ты никогда даже не замечала меня. И я всегда буду это помнить.

Он все понял превратно – точно так же, как и я тоже многое понимала превратно.

– Неправда, – протестую я и даже повышаю голос: – Это несправедливо, это нечестно...

Но Том этого даже не замечает и продолжает говорить – вкрадчиво, проникновенно:

– Когда все это закончится, когда Модан все закончит, я намерен вернуться в Бостон...

В ванной комнате раздается грохот. Похоже, что Себ там что-то обрушил. Судя по металлическим реверберациям – радиатор.

– Черт... Извини, Кейт, тебе лучше уйти, – бросает Том через плечо и, шагнув к двери ванной, распахивает ее. В желтом свете, который моментально выскакивает оттуда, мне на миг видно его лицо. Оно хмурое, у рта залегли суровые складки. – Черт! – повторяет он, после чего исчезает внутри и резко захлопывает за собой дверь. Я остаюсь в коридоре одна.

Пару мгновений стою, не зная, что мне делать. Я готова помочь разрулить катастрофу, которая сейчас происходит, но затем понимаю: дело не в этом. Том не хочет видеть меня здесь, и это вежливый способ избавиться от моего присутствия. Я пару мгновений колеблюсь, затем делаю судорожный вдох, беру с пола сумочку и тихо выхожу из квартиры.

В такси по дороге домой я пытаюсь воспроизвести в памяти ту ночь, когда мы штурмом брали Линакр. Ночь, когда я познакомилась с Себом, а также с Томом. Я думаю о том, как Том потащил с собой Себа, лелея свои тайные планы познакомиться с девушкой – как выяснилось, со мной. Интересно, а где он мог видеть меня раньше? Думаю, этого мне никогда не узнать. Меня неотвязно преследует мысль, насколько бы все было иначе, если б я, спрыгнув со стены, снова повернулась к юноше с таким замечательным выдающимся носом. Впрочем, я тотчас гоню ее от себя, чтобы не разреветься. Затем, непонятно откуда, в моей голове всплывают слова Тома, сказанные им когда-то давно. *Себ любит одерживать победы.* Я соотношу их с хитрым выражением на лице Себа. *Да, кто была та девушка? Ты так ни разу мне и не сказал.* Меня тотчас охватывает такая дикая ярость, что я готова зайти в крике.

Я понимаю: моя жизнь летит вверх тормашками. Как жаль, что отца больше нет в живых... Увы, его нет, зато вот она я, еду в такси по пустынным лондонским улицам. И я возвращаюсь домой в пустую квартиру – действительно пустую, потому что Северин нигде не видно, – и, не раздеваясь, заползаю в постель, чтобы забыться во сне.

Когда я росла, моя мать обычно говорила, что утро вечера мудренее. Но я всегда была папиной дочкой, ему же был чужд этот слепой оптимизм. Утром я по-прежнему нахожусь под подозрением в убийстве, и моя личная жизнь представляет собой все тот же бардак. И самое главное, я так и не выяснила, что же такого видел Том.

На работе обстановка не лучше. Потенциальный клиент – крупная фирма, которая хотела бы численно увеличить свой персонал, причем в данном случае нашими соперниками выступают два других рекрутинговых агентства, – интересуется у меня, «все ли в порядке в личной жизни ведущих сотрудников фирмы “Ченнинг и Ко” и не было ли чего-то такого, что способно ударить по их репутации», если они подпишут с нами контракт. Все понятно: слухи не ограничиваются лишь Марком Джефферсом.

– А! – Я изображаю понимающий смех. – Вы имеете в виду этот совершенно смехотворный слух, что меня вот-вот отправят за решетку по обвинению в убийстве?

– Видите ли... – мнется мой собеседник.

– Скажу честно, все это весьма печально. Когда я десять лет назад с друзьями проводила отпуск во Франции, пропала девушка с соседней фермы. Ее тело было недавно найдено. Разумеется, полиция разговаривает со всеми, кто там тогда был, и, разумеется, мы готовы оказать следствию всяческое содействие. – Я выдерживаю паузу и многозначительно добавляю: – Уверена, на моем месте вы поступили бы точно так же.

– Да-да, разумеется. Но мы должны проявлять осмотрительность. Как фирма, мы гордимся нашей безупречной репутацией...

Ну как тут не распсиховаться? Что бы я уже ни сказала, что еще ни скажу, этот клиент для нас потерян. В любом случае гонка была напряженной, и правы или нет, но они имеют полное право поставить на другую лошадку. Разумеется, мне клиенты этого не скажут. Но мне интересно, какой предлог они придумают. Готова поспорить, что-то вроде «ваша фирма существует относительно недавно и еще не имеет соответствующей репутации».

Не успеваю я положить трубку, как входит Пол – естественно, с хмурым лицом.

– Я знаю, – говорю я, упреждая любые реплики с его стороны, и, обойдя стол, сажусь на него. – Я только что прослушала лекцию на тему

важности репутации от Штрихмана.

Его губы плотно сжаты; сегодня они бледнее даже его бровей.

– Что ты им сказала?

– Правду. Но они все равно для нас потеряны.

– Они это сказали?

Я качаю головой:

– Нет, но наверняка скажут.

Пол вытягивает стул и уныло шлепается на него.

– Увы, Кейт, слухи не стихают.

– Стихнут – не сегодня, так завтра, – говорю я, слыша сомнение в собственном голосе.

– Неужели нельзя никого арестовать?

– Я не против, лишь бы не меня.

Пол соскакивает со стула как ужаленный.

– Что за фигня, Кейт! Ты говоришь...

– Это шутка, Пол. Я всего лишь пошутила.

– О таких вещах не шутят, – натянуто говорит он, но, по крайней мере, снова опускается на стул. – Это серьезно, Кейт.

– Сама знаю. Мы только что потеряли Штрихмана. Хотя, возможно, контракт с ними не светил нам с самого начала.

– И что ты теперь намерена делать?

Это «ты» в его вопросе звучит словно колокол, громко и звонко отдаваясь в моей голове. Пол отстраняется, готовясь к худшему.

– Мы будем и дальше делать свою работу, и делать ее хорошо, – отвечаю я, стараясь не акцентировать местоимение множественного числа.

– Разумеется, – вяло соглашается он, затем, положив локти на колени, подается вперед и тупо смотрит в пол.

– Пол! – резко говорю я и выпрямляюсь. Он не реагирует. – Пол! – Мой второй окрик приводит его в чувство. – Не делай из мухи слона. До краха нам еще далеко. Я наняла тебя потому, что ты не любитель сидеть сложа руки. Вот и не сиди. Суетись. Иначе от тебя никакой пользы.

Вместо ответа он молча смотрит на меня. Я не намерена первой разрывать зрительный контакт. К тому же я в более выгодном положении, потому что стою, а он сидит. Мне невольно приходят на ум правила поведения волчьей стаи, схватки за право быть вожаком. В его светлых глазах вспыхивает огонек.

– Промывка мозгов окончена? – сухо интересуется он. – Или ты намерена еще разок пнуть меня под зад?

Я кривлю губы:

– На сегодня хватит. – Но тут меня посещает одна мысль: – Кстати, дай мне файл Марка Джефферса, хорошо?

– Я пока не загрузил его полностью в Сеть. У тебя по-явились какие-то идеи?

– Это мы посмотрим, – уклончиво отвечаю я.

– Она понадобится мне к концу дня. Или тебе срочно?

– Нет, не срочно, – бодро отвечаю я и, обойдя стол, собираюсь вновь занять свое рабочее место. Но там уже расположилась Северин. Однако я в любом случае должна сесть на свой стул. То есть я знаю, что должна, но вместо этого говорю Полу: – Хочу выскочить за кофе. Тебе тоже принести?

– Нет, спасибо, – отвечает он, не поднимая глаз от компьютера. – Я пытаюсь не злоупотреблять. Хотя при такой работе это все равно что пытаться сдержать натиск лавины.

Это верно. У нас встреча за встречей, и мы делаем то, что делают наши кандидаты или клиенты. Если они пьют – мы тоже пьем. Если они едят – мы тоже едим. Мы – индустрия сервиса. Наш сервис – поставлять уверенность. Посредством горячительных напитков и пищи каждая такая встреча как будто нашептывает: *«Мы такие же, как вы. Нам понятны ваши проблемы, ваши потребности, мы чувствуем вашу боль и способны ее снять»*. Но как клиенты могут быть уверены, что я способна решить их проблемы, если не могу решить свои собственные?

Не успела я перейти дорогу, как звонит мой телефон. Лара.

– Привет!

– Мы могли бы встретиться за чашечкой кофе? Прямо сейчас? – В ее вопросе слышится слепая паника, которая грозит всколыхнуть неприятный осадок, уже давно лежащий тяжелым грузом где-то в глубинах моего желудка. Ларе не свойственна игра на публику. Не подвержена она и безудержным полетам фантазии. Такие вещи отнимают слишком много энергии; она же, по ее собственному признанию, слишком ленива для этого.

– Что случилось?

– У меня только что был ланч с Аленом. Расскажу при личной встрече. Ты свободна?

Я смотрю на часы и мысленно просматриваю свой график на вторую половину дня.

– Да, сейчас вызову такси – и к тебе. Где обычно, через десять минут?

– Да. – Ответ слишком краток, что совершенно не в ее духе. А еще в нем рвется наружу ее родной акцент. Я тотчас ищу глазами такси.

Не успела я расположиться на кожаном сиденье, как дурное

предчувствие становится осязаемым, принимая вид извивающихся змей, которым становится тесно в моем желудке. Покачиваясь, они тянутся вверх, обвивая мои легкие, проникают мне в горло, грозя задушить меня, лишит возможности произнести хотя бы слово. Дверь такси захлопывается, лязгают автоматические замки, машина рывком берет с места. Я испуганно дергаюсь, сердце бешено колотится в груди, адреналин изнутри покалывает кожу. Кстати, Северин сидит со мной рядом и смотрит на меня в своей обычной равнодушной манере. Я пытаюсь убедить себя в том, что ее присутствие – это знак солидарности. Я никогда не узнаю, так ли это, но, по крайней мере, ее близость дарит мне некую толику успокоения.

Водитель отказывается пересекать транспортный поток, поэтому я выпрыгиваю из такси на противоположной от кафе стороне и тотчас замечая Лару. Она уже сидит за столиком у окна, а перед ней стоят две высокие кружки. Даже через стекло с названием заведения мне видно, что она чем-то расстроена, однако, заметив, что я перехожу дорогу, вымучивает нечто похожее на улыбку и машет мне рукой. Когда я вхожу, Лара встает, чтобы обнять меня, и я чувствую в ее теле скованность.

– В чем дело? – спрашиваю я, как только мы обе садимся. Она в новом платье, которого я еще на ней не видела, – облегающее, с рисунком, напоминающим метель в темноте. Я подозреваю, что этот ланч был обговорен с Моданом заранее и Лара специально нарядилась для него. В любом случае она, как всегда, хороша, хотя и кажется чуть старше. Нет, не лицо, оно то же самое, а нечто неуловимое – осанка, манеры, некое внутреннее «я».

– У меня был ланч с Аленом. Он хотел извиниться. Был обижен и потому наговорил резкостей. Он по-прежнему хочет... ну, ты понимаешь. – Наверное, да, я понимаю, или мне кажется, что я понимаю, исходя из того, что мне известно. И если мне что-то известно про Алена Модана, так это то, что он не собирается отпускать от себя Лару. – Но я говорю ему, что не раньше, чем завершится... это расследование. Вот и сегодня я сказала ему то же самое, на что он ответил, что ждать осталось недолго, так как все скоро закончится. Правда, при этом он был каким-то хмурым. Я спросила его, означает ли это, что он бросает расследование, но Алекс покачал головой и спросил, есть ли у тебя адвокат.

– Что? – Кафе, в котором мы сидим, как будто исчезает, и передо мной остается только прекрасное, искаженное тревогой лицо Лары.

Она кивает:

– Да. Он так и спросил, есть ли у тебя адвокат. Я ответила, что не знаю

– не хотела ничего выдавать, – и тогда он сказал, что тебе непременно нужно найти себе адвоката.

– Господи! – Я смотрю на нее и не верю собственным ушам. Неужели это происходит со мной? – Но ведь...

– Погоди, я еще не закончила. На столе перед ним лежала папка, ну, такая желтая, картонная. На ней было ее имя – и твое. Я смогла рассмотреть. Ален постучал по ней пальцами, затем сказал, что ему нужно в уборную. Он ушел, а папка осталась. – Лара разводит руками: – Он как будто приглашал меня взглянуть, что там внутри.

– И ты взглянула? – Ну, пожалуйста, скажи, что да.

Лара снова кивает – да! Она делает это быстро-быстро. На лице ее написан стыд.

– Я знаю, что это некрасиво. Но у меня было такое чувство, что он оставил ее на столе нарочно. Я лишь быстро заглянула в нее. – Я киваю, мол, давай, говори дальше. – Там сверху лежал отчет. У меня не было времени прочесть его полностью, я только пробежала глазами. Но суть его в том... Кейт, это просто ужас какой-то... но он считает, что ее убила ты! – выпаливает она на одном дыхании, не в силах держать все это в себе. Ее акцент делается еще заметнее. – Мотив, возможность и все такое прочее. Он считает, что Себ вырубился в сарае вместе с Северин. Ты застучала их там и пришла в ярость. И двинула ее чем-то. Там якобы нашли старые садовые грабли со следами ее крови. Я впервые об этом узнала. А ты? Похоже, садовые грабли никто не моет. Как бы то ни было, теперь они проверяют их на следы других ДНК и отпечатки пальцев. В общем, ты огрела ее граблями, после чего бросила тело в колодец, поскольку знала, что его засыпят песком...

Она резко умолкает, и мы смотрим друг на друга. У меня отшибло способность соображать. Да что там! Я едва дышу. *Садовые грабли.* Постепенно кафе возвращается – мне слышны голоса посетителей, урчание кофейного автомата, хлопки входной двери. *Садовые грабли, на которых спустя десять лет сохранилась кровь.* Меня мутит, меня прошибает холодный пот. Рука, которая тянется за моей чашкой кофе, дрожит. А вот голова, похоже, возобновила работу.

– Ты считаешь, что он хотел, чтобы ты взглянула?

– Да, он постучал по ней пальцами. – Лара снова разводит руки; ее глаза словно молят меня о прощении. – Он постучал по ней пальцами, – повторяет она.

– Не бери в голову. Да, он оставил ее нарочно, чтобы ты посмотрела, – решительно говорю я. – Мы ведь с тобой говорим о Модане. Вряд ли он

стал бы «случайно», – пальцами изображаю кавычки, – оставлять важные документы с той, что так или иначе причастна к этому расследованию. – Что влечет за собой новый вопрос – с какой целью он это сделал. Стоит мне занять голову работой, как мне тотчас делается легче. *Только не думай о том, что тебя арестуют. Только не думай о том, что тебя арестуют.*

– Он использует меня, – с внезапной яростью заявляет Лара. Накал эмоций столь велик, что ее бьет дрожь. – Он не имеет права это делать. Не имеет права ставить меня в такое положение.

– Знаю. Но вряд ли он поступил бы так, будь у него выбор. – Увы, многое зависит от того, так это или не так. Если Лара ему действительно небезразлична, он пошел бы на этот риск лишь затем, чтобы попытаться спасти ее подругу. Вывод: похоже, я действительно вляпалась в большие неприятности. Но если Лара – это лишь ничего не значащая интрижка, в таком случае он вполне может задействовать ее для того, чтобы выудить нужную ему информацию.

То есть я ставлю под сомнение то, что еще несколько мгновений назад казалось мне неопровержимой истиной. Разве не думала я всего пару секунд назад, что Модан никогда не откажется от Лары? Любит – не любит, любит – не любит... Я вновь исподтишка разглядываю сидящую напротив меня женщину, словно контуры носа, очертания губ, округлость щеки способны поведать мне правду о чувствах Модана. *Садовые грабли.* Интересно, как можно кого-то случайно убить садовыми граблями? *Только не думай о том, что тебя арестуют.*

– Либо он считает, что мне известно нечто большее, чем я сказала ему... – говорю я вслух. Но что, если то была вовсе не случайность? Я представляю, как воздух прорезает длинная деревянная рукоятка, чтобы опуститься прямо на висок Северин. *Садовые грабли.*

– Либо так, либо этак? – Лара задумчиво морщит нос.

– Ладно, проехали, – быстро говорю я.

Ларе явно даже не приходит в голову, что ею могут пользоваться отнюдь не в благих целях. Она ничуть не сомневается в чувствах к ней Модана. Это что-то значит? Интересно, а как к этому отнесется Том? Потому что я непременно ему расскажу. Пусть в его планы и не входит завязывать со мной отношения, но, по крайней мере, я могу доверять тому, кто когда-то меня любил. Он наверняка займет мою сторону. Поверит ли Том в чувства Модана к Ларе? До меня внезапно доходит: я ошибалась в том, что касается Лары. Ошибалась долгие годы.

– Лара, когда...

Внезапно что-то с громким стуком ударяется в окно рядом с нами. Мы

обе вскакиваем. Стол качается. Кофе выплескивается из кружек. Я вновь ощущаю знакомое покалывание адреналина.

– О господи, что это было? – испуганно спрашивает Лара. Ее лицо бледно как полотно.

На оконном стекле ни трещинки. Я встаю и, прижавшись к нему лбом и вытянув шею, пытаюсь посмотреть на тротуар, хотя мне и мешает нарисованная на окне вывеска.

– Птица, – отвечаю я. – Голубь. – На тротуаре неподвижно лежит грязная серая тушка. – Врезался.

– О господи! – вновь шепчет Лара.

Я выпрямляю спину и обвожу глазами кофейню. Бариста продолжает обслуживать посетителей, разговоры за столиками, где сидят преимущественно парочки, идут своим чередом, одиночки плятятся в свои мобильники. Похоже, никто ничего не заметил. Я выглядываю в окно. Прохожие как ни в чем не бывало спешат мимо. В их толпе я замечаю Северин в черной тунике, из правого виска сочится кровь. Впрочем, это никак не мешает ей сохранять равновесие и даже самообладание.

– Какое-то наваждение. – Я беру салфетки и начинаю промакивать расплескавшийся кофе. – Наверное, в окне было какое-то отражение, и он подумал, будто летит к небу.

– Такое бывало у нас в Швеции, когда я училась в школе.

Я снова сажусь за стол и пью остывший кофе.

– Лара, а почему у вас с Томом потом ничего не было?

Она растерянно поднимает глаза от чашки:

– Ты имеешь в виду, после Франции?

– Да. – Внезапно мне становится жутко неловко. Как лучше, смотреть ей в глаза или нет? Заметно ли по мне, насколько для меня важен ответ на этот вопрос? – Мне всегда казалось, что он был только «за». А вот ты почему-то – нет.

– А! – Лара слегка краснеет. Это еще сильнее подчеркивает, какая она сегодня бледная. – Вообще-то скорее все было с точностью до наоборот: я была бы только «за» – в смысле, тогда, не сейчас. Но ему этого точно не хотелось.

– Понятно, – задумываюсь я. – Тогда почему я всегда считала наоборот?

– Не знаю. – Но Лара слишком честна, чтобы поставить на этом точку. – Возможно... ты так подумала из-за меня. Если честно, я чувствовала себя отвергнутой. Но после Франции мы с тобой виделись редко. Вы тогда расстались с Себом, затем у тебя умер отец, и ты какое-то

время оставалась дома с матерью, а когда вернулась, то тебе было не до нас. Наверное, поэтому ты так и подумала; я же не стала тебя разубеждать, из гордости, как мне кажется. – Я вижу, что она стыдится говорить об этом, и представляю Лару, какой она была десять лет назад. Тогда ей и в голову не могло прийти, что кто-то откажется лечь с ней в постель. – Надеюсь, это никак не отразилось на ваших отношениях с Томом? – спрашивает она с искренней озабоченностью.

– Между нами нет и не было никаких отношений. – Точно так же, как их никогда не было между ним и Ларой. Я ошибалась все эти годы. Как, впрочем, ошибалась почти во всем. Интересно, ошибаюсь ли я по поводу чувств Модана к Ларе? Что, если меня разыгрывают? – Ты бы возражала, если б они были?

– Нет, – без особой уверенности отвечает она, будто проверяет на истинность собственный ответ. – Это немного странно, но... – С грустной улыбкой пожимает плечами: – Даже если б и возражала, разве я имею на это право?

Интересный ответ. По крайней мере, честный. Я вздыхаю.

– В любом случае какая разница, если мне, похоже, светит тюрьма. – Французская, если быть до конца точной. Я абстрактно размышляю о том, лучше это или хуже тюрьмы британской. Но тут до меня доходит, что вообще-то теперь это вовсе не абстрактные размышления.

– Кейт, это не смешно, – строго говорит Лара.

– А разве я смеюсь? – Внезапно меня вновь прошибает холодный пот. Нет, мне однозначно не до смеха. Прекрати, до тюрьмы еще как до небес, одергиваю я себя. *Только не думай ни о каком аресте.*

Я наклоняюсь к окну и вновь смотрю сквозь стекло на тротуар. Серой тушки больше не видно.

– Тебе нужно поговорить с Аленом. Ты должна пойти на сотрудничество, рассказать ему...

– Что? Что мне ему рассказать? Я не знаю ничего такого.

– Неправда. Знаешь. Ты можешь рассказать ему про Каро. Про наркотики.

Я поднимаю глаза. Лара как ни в чем не бывало смотрит на меня. Я гляжу на нее через стол, через разделяющий нас коридор воздуха, и мне кажется, что на самом деле мой взгляд устремлен в туннель, ведущий сквозь годы туда, где все это началось, – во Францию, к Северин. Какой же долгий путь проделали мы, прежде чем достигли этого момента – момента, когда вы готовы толкнуть под автобус свою подругу... Правда, Каро мне не подруга, но это уже второстепенные детали. Я судорожно подыскиваю

нужный ответ и не нахожу.

– И что ты намерена делать? – спрашивает Лара.

Садовые грабли.

– Позвонить своему адвокату.

Глава 17

Я выхожу из кафе и на ходу набираю номер моего адвоката. Но она не берет трубку – очевидно, чем-то занята. Разумеется, занята, ведь она профессионал самого высокого уровня. Ее услуги нарасхват. Такого адвоката хотят заполучить многие. Мне же хочется совсем другого: чтобы она сидела у себя в офисе, крутя большими пальцами, глядела на телефон и больше ничего не делала, лишь с нетерпением ожидала моего звонка. Я уже готова прыгнуть в такси и поехать к ней, однако сдерживаю себя и вместо этого пешком возвращаюсь к себе в офис.

Увы, даже свежий воздух бессилён меня взбодрить. Мысли, как безумные, вертятся в моей голове и не могут вырваться из спирального трека, неумолимо ведущего в темную бездну, полную тех вещей, которым я еще не готова посмотреть в лицо. Наверняка должен быть какой-то выход, сделка с неким богом, в которого я не верю... Ведь как такое может происходить со мной?

– О господи! – восклицает Пол, когда я вхожу в кабинет, и даже не поднимает глаз. – Неужели им привозят кофе прямо из Южной Америки?

О чем это он? Смысл его слов доходит до меня не сразу; я смотрю на часы. Я отсутствовала более полутора часов. Странно... туда я брала такси, плюс время, проведенное с Ларой, плюс дорога пешком назад... Нет, что-то здесь явно не сходится. Однако мои внутренние часы и часы у меня на руке отказываются прийти к консенсусу. У меня такое чувство, что время несется мимо меня, сквозь меня, как если бы я была не плотнее призрака; я же бессильна остановить его бег.

– Я забыла, что должна созвониться с Гордоном. – Черт, как же трудно придумать предлог, не говоря уже о том, чтобы придать ему правдоподобие. – Он позвонил мне, когда я сидела в кофейне.

В ответ на мою ложь Пол отрывает взгляд от компьютера.

– Надеюсь, там нет никаких проблем? – с тревогой спрашивает он. – Мне казалось, теперь у них начальницей Каролин Хорридж.

– Всё в порядке. Просто Гордон любит быть в курсе всех дел. – Мой ответ звучит вполне разумно, но для меня он лишен смысла. Ведь буквально через считанные минуты Пол, моя фирма, все эти мелкие заботы, которые, вместе взятые, составляют *жизнь*, поймают меня на крючок и вытянут назад, в реальный мир. Пока же для меня не существует ничего, кроме ужаса перед французской тюрьмой. Это шок, понимаю я. Это шок.

– Кстати, я тут загрузил три файла по Джефферсу; если ты захочешь взглянуть...

– Спасибо.

– И еще, чуть не забыл. Пока Джулия была на обеденном перерыве, тебе звонили и спрашивали, когда ты вернешься, но никакого сообщения не оставили. Вернее, не оставила. Голос был женский и такой аристократический...

– О, это резко сокращает список. – Наконец-то я вновь обрела иронию. А значит, вернулась в реальный мир. Вот только – я быстро оглядываюсь по сторонам – Северин здесь нет. Или нет, я ошиблась. Северин – не часть реального мира, Северин – наваждение. Моя голова раскалывается, и я спешу сесть.

– С тобой всё в порядке? – Голос Пола доносится как будто издалека.

– Да, – быстро отвечаю я. – Просто немного мутрно. Наверное, что-то не то съела. – Я ловлю себя на том, что превращаюсь в профессиональную лгуню. Том мной гордился бы. Или нет? Когда все это закончится, я буду ему не нужна. Но закончится ли все это? По крайней мере, для меня вряд ли... Но где же, черт возьми, мой адвокат? Я хватаю компьютерную мышь, стараясь сосредоточиться на чем-то еще. Монитор оживает.

Спустя какое-то время – кстати, какое? пять минут? или двадцать пять? – мое зрение проясняется, кузнечный молот в голове стихает. Вскоре до меня доходит, что довольно странно сидеть и тупо таращиться в компьютер. За неимением лучшего я просматриваю файл Джефферса. Он такой, каким ему и положено быть, и – тут нужно отдать должное Полу с его скрупулезностью – содержит самую свежую информацию. Я просматриваю ее, отмечаю про себя его нынешнюю роль, анализирую. Хорошо знакомый процесс постепенно успокаивает мои расшалившиеся нервы: сильные стороны, слабые... Куда он лучше впишется. В «Стоклиз»? Или в «Хафт и Вейл»? Нет, лучше не туда, потому что... Внезапно я ощущаю прилив адреналина. Только не в «Хафт и Вейл». Джефферс уже работал там, начинал там карьеру, если быть точной. Причем в группе Каро...

Я не верю в совпадения.

Я пытаюсь понять, что может за этим крыться. Но тут раздается стук в дверь, и входит Джулия. Судя по выражению лица, не с самой лучшей новостью.

– Извините, Кейт. Тут к вам какая-то Алина, – она смотрит на бумажку в своей руке, – Харкорт.

Харкорт... но ведь это же фамилия Себа! Кроме него, никто не может

ее носить. И вдруг до меня доходит. О господи, что здесь забыла жена Себа?

Джулия продолжает что-то говорить, ее глаза за стеклами очков полны недоумения и тревоги.

– Я сказала ей, что у вас плотный график и...

Неужели? Я сверяюсь с экраном монитора, понимая, что это первое, что я должна была сделать, вернувшись в офис. Кстати, так оно и есть, я жду несколько важных звонков. Если честно, я даже не знаю, как мне отреагировать на это внезапное вторжение. Как вообще можно нормально на это отреагировать, когда чувствуешь себя далеко не нормальным образом? Наверное, я имею полное право послать Алину подальше. Думаю, я так и сделаю. Увы, мне не дает покоя вопрос: что вынудило ее прийти ко мне на работу? Вряд ли она, поддавшись внезапному импульсу, решила нанести мне без всякого предупреждения этакий дружеский визит. Для этого она слишком хорошо воспитана.

– Всё в порядке, Джулия. Это жена одного моего знакомого.

Я неохотно поднимаюсь из-за стола и выхожу, чтобы поздороваться с незваной гостьей. Алина стоит и смотрит в окно. На ней узкое серое шерстяное пальто, застегнутое под самое горло, пояс подчеркивает пока еще тонкую талию. Длинные белокурые волосы собраны над воротником в гладкий узел. Она поворачивает голову на звук открывшейся двери, и на ее лице мгновенно появляется маска улыбки. Ее косметика безупречна. Она наверняка потратила на нее не пять минут.

– Алина! – говорю я. Выудив откуда-то ответную улыбку, после пары секунд колебаний – надеюсь, она этого не заметила, – целую ее в обе щеки. В этом весь смысл этикета: задать некие рамки вашим действиям, которых следует придерживаться, даже если ваш мир летит ко всем чертям. Мне ничего другого не остается. – Вот это неожиданность! Как ваши дела?

Мой вопрос остается без ответа.

– Прошу извинить меня за то, что я предварительно не позвонила. – Алина оглядывается по сторонам, и по лицу ее пробегают тени. Однако она тотчас берет себя в руки.

– Вы ведь не адвокат? – спрашиваю я, чувствуя у себя за спиной присутствие Джулии.

– Нет-нет, боже упаси. Я – фандрейзер^[10] в одной частной компании. – Алина снова оглядывается по сторонам. Похоже, ее глаз тотчас выхватывает все детали. Она наверняка не ожидала, что я делю свой кабинет с кем-то еще.

– Значит, это визит вежливости, – говорю я. Она тотчас поворачивается

ко мне. У нее светло-карие глаза, почти желтые. – Тогда предлагаю выйти куда-нибудь, где мы сможем спокойно поболтать за чашечкой кофе. – Что бы ей ни хотелось мне сказать, я уверена, вряд ли она захочет сделать это в присутствии Пола или Джулии.

Алина быстро кивает.

– Прекрасно, – говорит она и как будто облегченно вздыхает. – Мне, право, неудобно вас беспокоить, но я тут случайно проходила мимо и подумала, почему бы не заглянуть к вам?

А она сообразительная, раз решила подыграть мне.

Попросив Джулию перенести звонки на другое время, я хватаю пальто. Правда, по сравнению со стильным пальто Алины мое смотрится просто по-нищенски. Вместе мы переходим дорогу к ближайшей кофейне. Мне приходится напрягать мозги, чтобы придумать нечто уместное для такой ситуации. Следуй правилам, соблюдай этикет: самые простые шаги наверняка окажутся самыми правильными.

– Как вы себя чувствуете? – спрашиваю я. – Все еще мутит по утрам?

– Это последняя из моих проблем, – отвечает она, не глядя на меня, и снова плотно сжимает губы. Затем, поняв, что позволила себе резкость, спешит добавить: – Пока еще да. Одному Богу известно, за счет чего только он там растет. Что бы я ни съела, все просится назад.

Мы входим в кафе. Я усаживаю Алину за стол, а сама иду к стойке, чтобы купить ей чашку чая и простого печенья, не обращая внимания на ее протесты, что, мол, она за все заплатит сама. Когда я возвращаюсь к столу, Алина уже сняла свое стильное пальто. Теперь на ней шелковая блузка и аккуратная узкая юбка. Эффект прост и ясен: элегантно, красиво, но не соблазнительно. Собственно, то, что ей и нужно. Она тотчас тянется за печеньем.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности.

Я наблюдаю за ней, пока она вскрывает упаковку, и пытаюсь мысленно присоединить ее к Себу, словно этакую разрезную картинку, состоящую из двух половинок, рассматриваю ее волосы, ее одежду, то, как она себя держит. Словно почувствовав на себе мой взгляд, Алина поднимает глаза.

– Не иначе как вас мучает вопрос, что я здесь делаю, – доев печенье, говорит она без тени улыбки. Ее худые ключицы напоминают мне крылья, вырастающие из ямочки у нее под горлом. У Алины изящные запястья, длинные тонкие пальцы. Впечатление такое, будто каждая косточка в ее теле создавалась в расчете на общий эффект, чтобы ни у кого не оставалось сомнения, что перед вами элегантная представительница высшего класса.

– Да, – соглашаюсь я и смотрю на свой мобильник, что экраном вверх лежит на столе. Моя адвокат так мне и не позвонила.

– Когда-то вы встречались с моим мужем.

Я растерянно моргаю:

– Да.

– Вам неприятно говорить на эту тему? – Ее глаза необычного орехового цвета немигающе смотрят на меня.

Я почти смеюсь. На какой-то миг меня так и подмывает ответить ей ее же собственными словами – мол, *это последняя из моих проблем*. Вместо этого я просто отвечаю:

– Ничуть.

Алина пару мгновений пристально на меня смотрит, затем тянется за вторым печеньем. Похоже, мой ответ ее удовлетворил.

– Прекрасно, – говорит она, как будто я подтвердила нечто для нее важное. – До позавчерашнего дня я не знала про вашу историю с Себом. Мне рассказала Каро. – При имени Каро Алина кривит губы. – Вообще-то мне казалось, что вы были с Томом.

Я пока еще не готова слышать его имя. Вместе с тем мне страшно хочется услышать нечто такое, чтобы объединило бы нас обоих, как если бы мы действительно были вместе. Я с трудом удерживаюсь от вопроса, почему она так подумала. Вместо этого говорю как можно вежливее:

– Вы пришли, чтобы спросить меня именно об этом?

– Нет, – отвечает Алина и кладет печенье, так и не надкусив. Я в очередной раз ощущаю на себе ее пристальный взгляд. Она как будто ставит ментальные галочки в ментальные клеточки, какие наверняка имеются у нее как у жены Себа. При этом она не такая, какой я ее себе представляла. Более сдержанная, более проникательная, более уверенная в себе. Подозреваю, Себ даже не догадывается, какая у него жена. – Мне кажется, Каро пытается увести у меня мужа, – говорит она без всяких экивоков и извинений. – Сейчас в его жизни не лучший период: работа, запой... Я знаю, вчера вечером вы были в гостях у Тома, поэтому не мне вам что-то объяснять. – Лишь два красных пятнышка на этих идеальной лепки скулах говорят о том, как же унизительно для нее обсуждать недостатки мужа с практически незнакомой ей женщиной. – Дело в том, что Каро донимает его своими звонками. С тех пор как заново открыли расследование по той девушке, она звонит ему не переставая, лишь бы только опутать его своими щупальцами. – Алина резко умолкает, перекрывая выход эмоциям, которые готовы прорваться в ее слова.

Я растерянно смотрю на нее. Это совсем не то, что я от нее ожидала.

Я, конечно, сама не знала, чего мне ждать, но точно не этого. Мысленно толкаю себя, понимая, что должна что-то сказать в ответ.

– Никакого романа между ними нет, – наконец мямлю я. Возможно, оно даже к лучшему, что мы ведем такой странный разговор. По крайней мере, мне не нужно волноваться по поводу того, что я такой тугодум. Не говорить же мне ей, что я думаю на самом деле. *Меня, того и гляди, арестуют по обвинению в убийстве, которое, по всей видимости, совершил ваш муж, поэтому вы уж извините, но судьба вашего брака мне по барабану.*

– Я тоже так думаю – по крайней мере, пока. Но мне интересно знать, почему вы так говорите... – Какая-то часть меня не может не воздать должное ее хладнокровию.

– Каро постоянно названивала вчера вечером. Но он не брал трубку. Том спросил, почему она звонит, на что Себ ответил, что он с ней не спит, если это именно то, что подумал Том. И добавил, что никогда не спал. – Мне тотчас вспоминаются слова, сорвавшиеся с его губ в тускло освещенной гостиной, да и не только они. *Я почти не целовался с ней.* Значит, все-таки целовался... по крайней мере, один раз. Интересно, когда. Наверное, когда они с ней были еще подростками. Впрочем, какая разница. Лично мне нет до этого никакого дела. Но сейчас передо мной сидит Алина, и я, хочешь не хочешь, должна пройти через не совсем приятные для меня вещи.

– Если вы верите в старую поговорку *in vino veritas...* истина в вине...

– Вообще-то верю, – задумчиво произносит Алина. Я замечаю, что она слегка успокоилась. Хотя кто знает, вдруг мне это только кажется. Пару секунд моя гостыя пристально смотрит на печенье, как будто решает, стоит ли ей рискнуть. Печенье остается лежать на столе перед ней. Она вновь поднимает глаза на меня:

– Спасибо.

– Не стоит благодарности, – отвечаю я. Если честно, я так и не поняла, к чему мы ведем весь этот разговор.

– Том сказал, что вы с Каро не ладите.

Том.

– Да, когда-то в прошлом не ладили, но это было давно.

– Я подумала, что мне есть смысл поговорить с вами.

– Враг моего врага – мой друг? – Но я вновь мысленно представляю Каро, представляю, как она осуждает собственную мать, и на какой-то миг между нами устанавливается нечто похожее на взаимопонимание. Каро мне не враг. Но и не друг. Не знаю, есть ли подходящее слово, чтобы описать то,

кто она для меня. Впрочем, если выяснится, что Марк Джефферс получил информацию от нее, я уверена, что такое слово тотчас найдется.

– Именно, – говорит Алина и улыбается искренней улыбкой, а не просто из вежливости. В другой день я сочла бы это сушим подарком. Сомневаюсь, что Алина каждый день раздает искренние улыбки. – Я действительно не знаю, что случилось во Франции. Себ не любит говорить на эту тему. Повторяет, что не хочет, чтобы я волновалась. – Хмурится. – Но, что бы там ни произошло, мне кажется, это дает Каро некую *власть* над ним. И если честно, это беспокоит меня даже больше, чем само расследование. Ведь вряд ли Себ там кого-то убил. Лично я себе такое не представляю. Так что ему не из-за чего волноваться. Она вечно заводит его. Он постоянно разговаривает с ней, а не со мной. И я должна найти способ, чтобы положить этому конец.

Я в легком недоумении смотрю на нее. Ведь как жене Себа ей, по идее, должно быть известно гораздо больше? Но на ее лице нет никакого притворства. Лишь досада и антипатия к Каро. Да, похоже, Себ ничего ей не рассказывал. Думаю, я тоже не имею на это права, и все же, несмотря на свои собственные проблемы, невольно проникаюсь к ней сочувствием. Со стороны Себа некрасиво оставлять ее в неведении.

– Алина, – осторожно говорю я, – вы в курсе, что Себ спал с Северин? Той девушкой, которую убили? Что он последним видел ее живой?

Она резко поднимает на меня глаза.

– Это не... Я не... – Качает головой, затем останавливается, и ее обычно гладкий лоб собирается складками. – Мне казалось, что тогда он встречался с вами, – растерянно признается она.

– Встречался, – в свою очередь кисло усмехаюсь я.

– А-а-а! – По ее лицу мелькают самые разные эмоции, прежде чем на нем остается лишь покорность судьбе. – Думаю, будет лучше, если я услышу обо всем этом от вас.

И я излагаю ей голые факты, без каких-либо собственных домыслов. Опускаю лишь эпизод с садовыми граблями, так как, по идее, мне это не положено знать. Алина слушает внимательно, не сводя с меня своих желто-карих глаз.

– Черт тебя побери, Себ! – в сердцах бормочет она, когда я умолкаю, и сокрушенно вздыхает. Ее слова мгновенно переносят меня на годы назад, в то время, когда такая же досада звучала и в моем собственном голосе.

– Простите, я не хотела вас огорчать, – честно признаюсь я.

Алина не отвечает. Она наконец взяла печенье и теперь грызет его.

– Нет, это все же не Себ, – решительно заявляет женщина, доев

печенье. – Ведь с какой стати ему было ее убивать? Вряд ли полиция подозревает его.

– Это могло произойти случайно.

Алина отмахивается от моего предположения.

– Вы сами знаете, какой он, когда выпьет. Стоит ему перебраться, как он тут же вырубается. Сам едва стоит на ногах, не говоря уже о том, чтобы дотащить кого-то до колодца.

– Это мог сделать кто-то другой.

– Кто именно? – резко спрашивает Алина. – Том? Каро?

В следующее мгновение до нее, похоже, доходит. Кровь отливает от ее лица, губы беззвучно пытаются что-то сказать. Поняв бесполезность этих попыток, она закрывает рот. Потому что сказать ей нечего.

– Власть, – наконец произносит Алина, вернее шипит, и скорее себе, чем мне. – Чертова сучка! – Она снова смотрит на меня: – Так считает полиция?

Нет, к счастью для вашего мужа, полиция подозревает меня. Так считаю я, Кейт Ченнинг.

– Не знаю.

– Нет, это просто какое-то наваждение, – снова бормочет Алина, затем, подняв на меня глаза, с яростью добавляет: – Этому следует немедленно положить конец.

В этот момент звонит мой мобильник. Я хватаюсь за него как за спасательный круг.

– Мой адвокат. Извините, мне нужно срочно ответить, – говорю я и, прежде чем Алина успевает что-то сказать, выскакиваю из кафе.

– Любопытно, – говорит мисс или миссис Стритер, когда я выкладываю ей добытые Ларой сведения. – Маловато, конечно, даже если на этих граблях будет ваша ДНК или кого-то еще. И тем не менее...

– И тем не менее достаточно для суда? – Как назло, я забыла в кафе пальто и потому, дрожа от холода, пытаюсь обнять себя свободной рукой. Под тонкой тканью платья нащупываю свои ребра. Они кажутся мне почти бесплотными. Я слишком хрупкая, чтобы выдержать удары судьбы.

Стритер молчит. Пауза затягивается, и мне еще больше становится не по себе.

– Как правило, нет, – наконец произносит она. – Но в данном случае имеет место политическое давление, так что трудно сказать что-либо точно. Кстати, вы придумали что-нибудь по части сотрудничества?

– Да. – Сотрудничество. Какое обманчивое слово. На первый взгляд такое дружеское и теплое, а на самом деле – хитрое и эгоистичное, со

своими собственными корыстными целями. Пойти на сотрудничество с полицией – значит кого-то предать. Но кого? Себа? Каро? Я даже в страшном сне не могла представить, что до этого докачусь, и вот...

– И?..

Я зажмуриваюсь и на одном дыхании выпаливаю:

– У Каро был кокаин. Она тайком от меня провезла его во Францию в моем чемодане. Именно из-за этого в последний вечер между нами и вспыхнула ссора. После того, как я об этом узнала. Я не думала, что это имеет какое-то отношение к расследованию, и потому никогда никому об этом не рассказывала. – Вновь открываю глаза. Все эти годы я как рыба молчала про этот кокаин и никогда не заговорила бы о нем сейчас. Увы, мне хватило всего нескольких секунд, чтобы нарушить этот обет молчания. Дело сделано. Интересно, что теперь про меня подумает Том... Я вновь крепко зажмуриваюсь, лишь бы не видеть сурового осуждения на его лице.

– Вы в ту ночь сами принимали наркотики? – сухо, по-деловому, спрашивает Стритер.

– Нет.

– Или хотя бы раз во время вашего пребывания во Франции?

– Нет. Это совершенно не мое. Спросите кого угодно.

– Уверяю вас, полиция спросит. Вы когда-нибудь принимали наркотики? – не унимается она.

– Когда-нибудь за всю мою жизнь?

– Да. Сейчас в прошлом. Без разницы.

– Раз или два, еще в универе курила «травку». Но от нее меня лишь клонило в сон. К тому же я не любительница курения.

– Раз или два? Точнее нельзя?

– Значит, дважды. Но точно не трижды.

– Понятно. – Судя по голосу, адвокатша слегка успокаивается. – Понятно. Очень хорошо. С этим уже можно работать. Что-то еще?

– Разве что...

Я не знаю, во сколько вернулся Себ.

В окно кафе мне в профиль видна Алина, одиноко сидящая там, где я ее оставила. Однако рука лежит на коленях, большим пальцем отбивая барабанную дробь. *Я не знаю, во сколько вернулся Себ.* Фраза готова в моей голове и ждет, когда я выпущу ее в большой мир.

– Слушаю.

Я снова смотрю на Алину. Большой палец она успокоила, положив на него вторую руку, зато теперь дергает ногой.

– Извините, меня что-то отвлекло... Нет-нет, больше ничего.

– Ну что ж, ладно. Я договорюсь о встрече с детективом и перезвоню вам. Спасибо, Кейт, вы мне действительно помогли.

– Отлично. – Мой ответ звучит не слишком убедительно.

– Да, и еще одна вещь.

– Что именно?

– Если у вас есть что-то еще, не тяните. Подумайте хорошенько, – говорит она, и в трубке слышатся гудки.

Я не спешу возвращаться к Алине, но холод берет свое, заталкивая меня обратно в кафе. Она поднимает на меня глаза.

– Еще раз извините, – говорю я и сажусь напротив нее.

– У вас есть адвокат. – Ее слова звучат как обвинительный приговор.

– Да.

– А у Себа есть адвокат? – Теперь она явно держится враждебнее. До меня доходит, что я – тот самый гонец с плохой вестью и что она готова меня пристрелить. Впрочем, догадываюсь я, также и Себа – за то, что он поставил ее в такое положение: жена, а все узнает последней.

– Не знаю. Но если нет, то он срочно должен им обзавестись.

– Он этого не делал, – натянуто повторяет Алина. – Я его знаю. Вы его знаете. Вам прекрасно известно, что он здесь совершенно ни при чем. – Я молчу. Мне нечего ей сказать. Она в упор смотрит на меня и испуганно шепчет: – О боже! Вы думаете, что это все-таки он?

– Послушайте, я ничего не знаю, честное слово, – вяло протестую я, но она непреклонна:

– Но как вы могли такое подумать? Вы ведь встречались с ним. Вы его знаете.

Мне видно, как ее потрясение сменяется яростью. Я мысленно радуюсь ее верности, хотя одновременно это меня коробит.

– Я лишь... Поймите, тот Себ, которого знаете вы, это не совсем тот Себ, с которым встречалась я. Мы все с тех пор изменились.

– И все же, – с жаром настаивает Алина. – Он этого никогда не сделал бы. – Она ждет, что я ей на это отвечу. Мне ничего не остается, кроме как кивнуть. Алина тоже резко кивает, без всякой радости признавая свою победу, после чего продолжает: – Думаю, Каро пытается внушить ему, что он как-то к этому причастен, а возможно, и вообще виноват. Возможно также, она делает вид, будто выгораживает его. Чтобы он зависел от нее. Был в ее власти. Думаю, этим она занималась уже многие годы – он всегда начинал пить, как только рядом оказывалась она.

Я вскидываю голову. Алина наверняка права. Это очень даже в духе Каро – извлекать для себя выгоду из любой ситуации. Ей нужен именно

такой, растерянный, считающий себя виновным Себ, чтобы она могла вить из него веревки. Алина считает, что его должок скорее вымышленный, нежели реальный, но в любом случае извращенная логика Каро мне понятна. Я легко могу представить себе, как поздно ночью она шепчет по телефонной линии в ухо Себу отравленные фразы, как те заползают в его сознание и, свернувшись там клубком, начинают точить его изнутри. По крайней мере, это было бы вполне в духе той Каро, которую я знаю. Но теперь меня гложут сомнения. В моей голове рождается альтернативная интерпретация. Что, если Каро названивает Себу потому, что безнадежно влюблена в него и не может ничего с собой поделать? Это в духе Себа – беззаботно, без всякой задней мысли вселять в нее надежду. Это он шепчет ей на ухо разные нежности, за которыми на самом деле не стоит никаких чувств, а лишь желание подпитать собственное раздутое эго. Что, если он пьет, мучимый раскаянием? Но затем я вспоминаю про Марка Джефферса, и отравительницей вновь становится Каро.

– В любом случае, – внезапно с уверенностью заявляет Алина, – у полиции наверняка имеется альтернативный подозреваемый.

Я молча жду. Она имеет в виду меня? Нет, вряд ли бы она заявила такое мне прямо в лицо. Хотя, с другой стороны, я ведь только что бросила тень подозрения на ее мужа...

– Тео.

Я качаю головой:

– Никто не думает, что это был Тео.

– Почему нет? У него было алиби?

– Нет... в смысле, да, было. Мне кажется, он был с Каро, но потом в какой-то момент отправился спать...

– Он мертв, – обрывает меня Алина. – Это, конечно, ужасно. И для него, и для его родителей, и всех, кто его знал и любил. Вы же, все остальные, живы, у вас впереди еще целая жизнь. И если подозрение падет на кого-то из вас, этот человек наверняка сделает все для того, чтобы спихнуть вину на него.

От ее слов я лишаяюсь дара речи.

– Вы хотите сказать, что...

Я умолкаю. По идее, я должна закончить свою мысль словами *это безнравственно*, или *это незаконно*, или *это препятствует правосудию*, но не могу заставить себя произнести это вслух. Тео как главный подозреваемый. Алина считает, что пытается избавиться от Каро, но ведь тем самым она поможет снять с крючка и меня. На меня накатывается волна желаний – желаний сбросить с себя тяжесть, которая давит на меня,

прижимает к земле, делает меньше ростом и слабее с каждым днем. Желания вырваться из бурлящего моря страха у меня в животе, что угрожает прорваться наружу через горло и поглотить меня с головой.

– Да, – говорит Алина, в упор на меня глядя, хотя румянец на щеках выдает ее волнение. – Я знаю, что говорю. – Я смотрю на холодный огонь в ее желто-карих глазах – и ничуть в этом не сомневаюсь. Себу крупно повезло, что у него есть такая жена, которая будет грудью стоять за него, даже если в душе она готова прихлопнуть его на месте. Однако этот ее ход кажется мне хорошо просчитанным. Вряд ли он пришел ей в голову, пока я мерзла на улице, разговаривая с моей адвокатшей.

– Именно об этом вы и хотели со мной поговорить?

Сначала Алина, похоже, склонна это отрицать, но затем выбирает правду.

– Да. – Она пожимает плечами, и острые крылья ее ключиц на миг взмывают вверх. Ей следовало быть балериной. У нее для этого соответствующее телосложение и даже нечто большее – то, как плавно ее движения перетекают одно в другое, отчего кажется, будто она является частью некоего хореографического спектакля. – В принципе, не так уж и важно, права я насчет Каро или нет. Как только все это закончится, думаю, ее тоже больше не будет рядом.

И вы надеетесь вернуть себе мужа.

– Том никогда на это не пойдет, – наконец говорю я, перескакивая такой вопрос, как мораль. Для меня куда важнее, насколько осуществим ее план. И когда только я потеряла веру в систему правосудия, будь то французская или любая другая? Или же дело не в отсутствии доверия? Может, дело в другом, в том, что мне отлично известно: жизнь страшно несправедливая штука, а если несправедлива она, то как может быть справедлив закон? По моей спине пробегает холодок, и я поёживаюсь. *Только не думай ни о каком аресте.*

– Неужели? – Алина изумленно выгибает бровь. – Даже ради Себа?

– Я не... – Я действительно не знаю. Еще вчера я сказала бы, что Том готов ради него на что угодно, но сейчас... Горечь и обида в голосе Себа вчера вечером, каменное лицо Тома, когда Себ заявил, что с самого начала знал, что Том равнодушен ко мне... В общем, я не знаю, кого выбрал бы Том – Тео или Себа. – Я не знаю. Не могу сказать.

– А вы? – Она пристально смотрит на меня. Ее изящные, тонкие запястья поднимаются вверх и смыкаются под подбородком. Я же в очередной раз поражаюсь ее самообладанию, тем более что догадываюсь, что за ним скрывается.

Что нужно, чтобы столкнуть Модана на эту дорожку? Я представляю, как он в своем безупречном костюме шагает по пыльной сельской дороге мимо фермы, как солнце палит ему плечи, но он идет себе дальше, выстраивая в голове аргументы в пользу того, что убийца – это Тео. Наверное, такое очень даже возможно, если вложить ему в уши пару-тройку нужных фраз. Ложь, все до одной. Ложь и предательство Тео. Будет ли это предательство намного хуже, если я расскажу французу про Каро и ее кокаин? Я всегда могу заявить в свое оправдание, что она это заслужила, – ведь кто, как не она, через Марка Джефферса распускает обо мне слухи. Правда же заключается в следующем: как только почувствовала себя загнанной в угол, я даже не колебалась. Я бы сделала это, даже не будь никакого Джефферса. Опять-таки, что сказал бы по этому поводу Том?

– Кейт? – Голос Алины вырывает меня из задумчивости.

– Я подумаю об этом, – говорю я. По крайней мере, я ей не солгала. Вряд ли я стану думать о чем-то другом.

Глава 18

Какое счастье, что мне ничего не нужно рассказывать Тому. Лара уже сделала это за меня. Он звонит мне тем же вечером, и его голос полон отчаяния.

– Господи, Кейт... Садовые грабли. Я только что проверил, как это будет по-французски. *Râteau!* Мне казалось, она сказала *bateau*. Но это было *râteau*^[11].

– Что? Кто сказал? Ты о чем? – ору я в мобильник у себя в гостиной и взглядом ищу пульт, чтобы убрать звук телевизора. Я включила его в надежде, что какая-нибудь передача отвлечет меня от бури мыслей в моей голове. Персонажи резко умолкают; до меня же доходит, что я не помню, что, собственно, я смотрела.

– Я видел Северин. Я видел, как они с Себом входили в сарай, но я видел ее потом, после того как они... ну, ты понимаешь. Она проходила мимо бассейна, и у нее на лице была кровь, немного, я бы даже сказал, чуть-чуть, явно не повод для того, чтобы из-за этого волноваться. – Я не уверена, слышала ли я хоть когда-нибудь от Тома – спокойного, хладнокровного Тома – подобный поток сознания. – Я спросил у нее, всё ли с ней в порядке. Если честно, я тогда ее плохо понял, она никак не могла подобрать правильное английское слово. Только твердила *bateau*. Вернее, я думал, что она говорит *bateau*, тогда как на самом деле это было *râteau*.

Я на миг представляю себе Северин в полутемном сарае, как ее изящная нога наступает на острые зубья садовых грабель, как длинная рукоятка тотчас взлетает вверх и бьет ее по лицу. По идее, это должно быть смешно. Но мне не до смеха.

– Я тогда подумал, что она несет какую-то ерунду, ведь в радиусе десятка миль от нас не было никакой лодки, но, с другой стороны, все мы тогда были изрядно пьяны, и я приписал ее слова действию алкоголя. Она махнула мне рукой – мол, отойди – и пошла дальше. Я же решил, что она решила лечь спать, что с ее стороны было весьма разумно.

– Почему ты не сказал об этом полиции? Ни тогда, ни теперь?

В трубке раздается его вздох.

– Не хотел осложнять жизнь Себу. Подумай сама: я вижу девушку, у нее окровавленное лицо, затем она вообще исчезает... Оглядываясь назад, я начал подозревать, что, возможно, она не была пьяна, просто у нее было сотрясение мозга. Иначе с чего ей нести какую-то чушь про лодки! Вот

только это была не чушь... Но поскольку она вышла из сарая, где была с Себом, я не хотел осложнять ему жизнь и поэтому просто...

– Молчал, – заканчиваю я за него и, прижав к уху телефон, снова опускаюсь на диван.

– Да, молчал. – Похоже, из него вышел пар. Он делает глубокий вдох, затем шумно выдыхает в трубку. Это такой интимный звук. Я буквально ощущаю щекой его дыхание. – Но, по крайней мере, они не найдут на граблях твоей ДНК.

– Верно. – Я снова молчу, вспоминая, как тогда в первый раз полиция брала образцы наших ДНК с тем, чтобы снять с нас подозрения, как нам было сказано. У меня даже в мыслях не было возражать – наоборот, я пошире открыла рот, позволяя взять с внутренней стороны щеки два мазка. Интересно, сейчас я проявила бы такую же готовность? – Как там говорится? Отсутствие доказательств – это не доказательство отсутствия. Что-то типа того.

– Никогда не прощу себе, что так подставил тебя, – бормочет в трубку Том, скорее самому себе, чем мне.

Трудно сказать, подставил он меня или нет, я сама пока пытаюсь разобраться. У полиции появилось орудие преступления, которое на самом деле никакое не орудие – скорее бутафория из дешевой комедии.

– Так что, по-твоему, произошло с ней? – спрашиваю я наконец. – Вернее, что ты тогда подумал?

– Я подумал, что ее травма оказалась серьезней, чем на первый взгляд. Порой жизнь подбрасывает такие дурацкие случаи... бац, и человек получает граблями по лбу. А потом она потеряла сознание и умерла.

Он говорит, а я представляю себе эту картину. Северин в черной тунике, с сандалиями, болтающимися в одной руке. Едва различимая в темноте, она идет мимо бассейна, ее темный силуэт подсвечивает лишь дрожащее отражение лунного света в воде. Она делает шаг, спотыкается, свободной рукой хватается за окровавленный висок и, не издав даже звука, падает. Впрочем, нет, все было не так, потому что Северин здесь, со мной, сидит в моем кресле. Но и это тоже неправильно, потому что она мертва. Вот только то, что рассказывает Том... Я ловлю себя на том, что энергично массирую лоб. Голова моя раскаляется от боли. Я утратила нить повествования, но Том продолжает говорить:

– Я подумал, что Себ нашел ее и, запаниковав, решил спрятать тело. Вот только он был не в состоянии сделать это самостоятельно. Ему явно кто-то помог. Каро или Тео. Или они оба. Я подумал, что они отвезли ее куда-нибудь подальше и бросили.

– В моей машине? – Я выпрямляюсь. Почему-то я воспринимаю это как личное оскорбление, хотя отлично знаю, что этого никогда не было. Вернее, почти знаю. Но сегодня моя голова соображает плохо.

– Нет, не в твоей. Ты спала. Думаю, они не осмелились рыться в твоей сумке, пока ты спала, чтобы найти ключи. По всей видимости, они воспользовались «Ягуаром».

Я растерянно моргаю. «Ягуар» – предмет гордости отца Тео. Нам было строго сказано даже не приближаться к нему. В моих глазах это был музейный экспонат. Мне даже в голову не приходило, что на нем можно ездить.

– Насколько мне известно, полиция тогда не проверяла «Ягуар» – ведь считалось, что Северин отправилась на автовокзал. Мне всегда не давал покоя вопрос, не отыскались ли там следы ее ДНК. Когда же ее тело нашли в колодце, я решил, что тут действует та же логика, только без «Ягуара».

– погоди, ты никогда не думал, что та девушка на автовокзале – это Северин?

– Нет. Ты помнишь, чтобы за все то время, пока мы были там, она хотя бы раз пришла раньше одиннадцати утра?

Я задумываюсь и представляю себе Северин. Вот она в своем черном бикини выходит к бассейну. Через плечо – модная холщовая сумка, набитая всякой всячиной для серьезного загара. Одновременно я слежу за другой Северин – той, что сидит в моем кресле. Эта принимает позу поудобнее.

– Верно. Всегда ближе к полудню.

– Именно. А с похмелья и с разбитой головой? Сомневаюсь, что мы увидели бы ее раньше второй половины дня.

Я как-то об этом не подумала. Нет, мне следовало об этом подумать. Но я слепо уверовала в то, что Северин была на автовокзале, а значит, ее смерть не имеет отношения ни к одному из нас.

– Так что же все-таки с ней случилось? – спрашиваю я у Тома.

– Я думал об этом, – медленно отвечает он. – Модан сказал, что ее кости повреждены. Что может указывать на то, что ее сбила машина...

– «Ягуар»! – вскрикиваю я.

– Да, я тоже так подумал. Отец Тео сказал мне, что в поисках улики полиция осмотрела каждый квадратный дюйм машины. Он также сказал, что проверил в книжках, как долго распадается ДНК. Похоже, все зависит от условий. В идеальных условиях вроде льда процесс может занять миллионы лет, а вот в жару или на солнце он идет гораздо быстрее. С другой стороны, «Ягуар» всегда стоял в гараже, так что если на нем есть следы ДНК, то они должны неплохо сохраниться. Думаю, именно этим

сейчас и занимается Модан: проверяет машину на наличие следов ДНК. Причем каждого из нас.

– Если там что-то и будет, так это ДНК Каро, Тео или Себа, – медленно говорю я.

– Да. Не знаю, правда, кого именно... И вообще, на правильном ли мы пути. – В его голосе слышится сомнение. – Это полная бессмыслица! Чтобы сбить кого-то насмерть, нужно жать акселератор до упора, а значит, это уже не несчастный случай. – Я вновь вижу Северин, все в той же черной тунике, с сандалиями, болтающимися на пальце. Только теперь ее настигает свет фар. Она удивленно оборачивается, вскидывает руку, в попытке прикрыть глаза и... – Полиция вполне может подумать, что самый очевидный мотив был у тебя.

Приступ ревности. Отвергнутая возлюбленная. Теперь нам известно гораздо больше, чем раньше, и вместе с тем мы даже не сдвинулись с места. Я по-прежнему главная подозреваемая. В моей голове крутятся кадры: Северин, словно тряпичная кукла, взлетает в воздух, падает на ветровое стекло «Ягуара» и разносит его вдребезги. Я смотрю на Северин, сидящую в моем кресле. Она даже не пошевелилась. Глаза закрыты, голова откинута на подушку, как будто она принимает солнечные ванны в тусклом свете настольной лампы и мерцании телеэкрана. Может, так оно и есть, в ее реальности...

– Как по-твоему, на машине могли остаться какие-то вмятины?

– Думаю, да. Хотя иногда при аварии бампер остается цел и все повреждения находятся за ним. Так что трудно сказать. Себ был пьян, он вполне мог уснуть за рулем и сбить ее. С другой стороны, он не фанат автомобилей. Я с трудом представляю, чтобы он вдруг решил сесть за руль.

– Тео? – Я вспоминаю про план Алины. Я не хочу рассказывать о нем Тому.

Он отвечает не сразу. Когда же наконец говорит, в каждом его слове мне слышится усилия над собой.

– С трудом себе это представляю. С другой стороны, кто бы мог подумать, что он пойдет служить в армию... – Том снова вздыхает: – Впрочем, Каро я тоже не представляю. Никого, если честно.

– Только меня. – Я откидываюсь на спинку дивана и бормочу: – Вечно только меня.

– Кейт. – Это скорее вздох, чем мое имя. – С тобой всё в порядке? – мягко спрашивает Том. – Я за тебя волнуюсь.

– Нет.

– Я...

– Алина хочет свалить всю вину на Тео, – перебиваю я его первыми же словами, что приходят мне в голову, прежде чем он попробует меня утешать. Потому что в этом случае я разревусь, а стоит мне разреветься, как меня уже не остановить.

– Что?

Я рассказываю ему про ее визит ко мне.

– О господи, – шепчет Том, когда я завершаю свой рассказ. – Но она права, – задумчиво добавляет он. – Это был бы идеальный выход. Не для того, чтобы спасти Себа, а чтобы спасти тебя.

Если честно, я не ожидала от него такого прагматизма.

– Ты бы согласился... ты бы пошел на это? – растерянно спрашиваю я.

– Если б у меня не было иного выхода? – Он серьезно задумывается над моим вопросом. – Пожалуй, да, пошел бы. Ради тебя.

Тронутая до глубины души, я закрываю глаза. Я готова разреветься. Том только что сказал, что, выбирая между мной и Тео, он выбрал бы меня.

– Когда все закончится... когда все это закончится...

– Что?

– Я не хочу, чтобы ты возвращался в Бостон, – шепчу я.

Он молчит. Он прекрасно меня слышал. Молчание затягивается на секунду, затем на минуту, на год, на всю жизнь.

– Скажи что-нибудь, – шепчу я в трубку и зарываюсь лицом в диванные подушки.

– Ты выбрала Себа, – шепчет он в ответ. – Я всегда буду помнить, что ты выбрала Себа.

– Потому что я не знала. Ты ведь даже не пытался, а просто взял и отошел в сторону. Как ты можешь меня в чем-то упрекать, если даже не пытался... – Еще одна секунда, еще одна минута. Его молчание становится невыносимым. – Можешь ничего не говорить. Подумай об этом. Тем более что меня в любом случае ждет французская тюрьма...

– Неправда, этого не будет, – перебивает он меня, но я делаю вид, что не заметила, и гну свою линию:

– Возможно, бессмысленно об этом просить. Но ты все-таки подумай.

– Я... – начинает он и умолкает. – Хорошо, я подумаю.

– Спокойной ночи, Том.

– Спокойной ночи, Кейт.

Утром я почти не могу взяться за работу. Спала я ужасно – один Бог ведает, когда мне в последний раз удалось выспаться. Я понимаю: это первый признак постоянного стресса, но в данном случае дело усугубляется тем, что мне регулярно мерещится призрак. Как бы то ни было, в девять утра я все еще в постели, не сплю, не шевелюсь, ничего не делаю, просто существую – и, что еще хуже, даже не вижу в этом особого смысла. Из моей апатии меня выдергивает звонок Каро. Оказывается, гордость – сильнейший мотиватор.

– Джулия сказала, что тебя еще нет на работе, и посоветовала мне позвонить тебе на мобильник, – бодро заявляет она. – Решила поваляться в постели? Надеюсь, я тебя не разбудила?

В ее голосе слышится легкое злорадство. Но нет, я не подарю ей такое удовольствие.

– Вообще-то у меня только что завершилась встреча с одним важным клиентом, – не моргнув глазом, заявляю я. – Похоже, Джулия забыла свериться с моим графиком.

– Понятно. – На какой-то миг Каро выбита из колеи – ура! – однако быстро приходит в себя. – Вообще-то я хотела бы с тобой встретиться. Какой у тебя сегодня график? Не слишком плотный?

Я хватаю с тумбочки телефон и быстро сверяюсь с моим графиком.

– Боюсь, что сегодня не получится. – Так оно и есть. Даже без встречи с адвокатом и Моданом, грозно маячащей во второй половине дня, денек мне и впрямь предстоит довольно суматошный. – Давай перенесем на завтра.

– Но мне хотелось бы именно сегодня, – упирается Каро. – Может, в самом конце дня? Как тебе это?

Боюсь, мне от нее не отделаться.

– Ну хорошо. Думаю, к половине седьмого я освобожусь, – с неохотой говорю я. – У тебя какая-то проблема? Возникли сомнения по поводу предлагаемых кандидатур?

– Нет-нет, дело не в этом. Мне, скорее, нужен профессиональный совет. Ну, ты сама понимаешь, процесс утверждения партнеров...

Я сражена наповал. Каро нужен мой совет? Неужели?.. И все же ей удалось заставить меня врасплох.

– Хорошо, сделаю все, что смогу. Я в курсе, что тебе придется побороться за место. – Я провела небольшое расследование, и мне известно, что на эту же вакансию метит Даррен Лукас. Я представляю себе Даррена: невысокий, жилистый, на голове шевелюра темных волос, нос, который составит конкуренцию носу Тома, и отличное чувство юмора, в

том числе и по отношению к самому себе. Клиенты любят его, коллеги обожают, и вообще он хороший, дельный адвокат. Даже если вычесть из уравнения мою личную к нему симпатию, сомневаюсь, что место партнера достанется Каро, если только их фирма не уступит давлению концепции гендерного равенства.

– Ты имеешь в виду Даррена? Можешь даже не волноваться. – Я растерянно моргаю. Каро не настолько наивна, чтобы недооценивать своего конкурента. – Нет, я объясню все позже. Увидимся у меня на работе в шесть тридцать.

Я кладу телефон и обвожу взглядом спальню. На электронном будильнике 9.11. Если быстро принять душ, то я успею на работу к десяти, потому что в десять у меня деловой звонок... Впрочем, черт с ним. Я уже почти натягиваю на голову одеяло, но мысль о Каро – старая или новая? – злорадствующей по поводу моей депрессии, заставляет меня выскочить из постели и ринуться в ванную комнату. *Придерживайся распорядка дня, соблюдай этикет*, говорю я себе. Это все, что приходит мне в голову.

Стоя под горячими струями душа, я не сразу вспоминаю, что мне следует делать. *Нанеси на волосы шампунь. Взбей пену. Ополосни. Нанеси кондиционер. Ополосни. Намыль тело. Ополосни.* Еще одна последовательность действий, которой я должна придерживаться. Я беру в руки бритву. Однако у меня нет ни малейшего желания касаться ею ни одной части тела. И подумаешь, что там у меня на ногах или в подмышках. Сейчас мне не до бритья. Зато я вспоминаю Тома, как тот сказал в трубку: «*Ну хорошо, я подумаю*». Кладу лезвие. Сегодня я не в том настроении.

Вытираясь полотенцем, замечаю в зеркале Северин. Она стоит у меня за спиной, прислонившись к стене ванной, но когда я оборачиваюсь, ее уже нет. Мне не дает покоя вопрос: почему Каро не видит в лице Даррена угрозы для себя? Я что-то явно упустила. Теперь, что касается Каро, меня беспокоят две вещи: эта – и та, что она выиграет, распространяя обо мне слухи, если их действительно распространяет она. От этого мне становится не по себе, – вернее, становится еще сильнее.

Я уже забыла, когда в последний раз меня ничто не тревожило.

* * *

Выяснить, почему Каро не видит в лице Даррена угрозы для себя, не составляет большого труда. Это первое, что говорит мне Пол, пропустив даже традиционное «доброе утро».

– Даррен подозревается в мошенничестве. Нет, ты можешь поверить?

Я пристально смотрю на него. На его лице написан шок и также нечто похожее на самодовольство. Еще бы! Ведь он первым сообщил мне эту новость.

– Вообще-то нет, – задумчиво отвечаю я, расстегивая пальто. – Не могу. Это какая-то ошибка. А что за мошенничество?

– Какие-то махинации с расходами... – Пол качает головой; похоже, он сам верит в это с трудом. – Никогда бы не подумал.

– Его собственными расходами? Господи, сколько можно на этом выкроить? Пару тысяч в год, не больше. – «Каро, – думаю я. – Каро». Но тотчас одергиваю себя. Пошла бы она на подлог? Если да, то она играет в крайне опасные игры. Если же это не Каро, то это просто странное совпадение. Может, мне стоит с кем-то поговорить? С кем? С Гордоном? Вряд ли отец Каро спокойно отнесется к моему предложению провести расследование в отношении собственной дочери, ибо есть подозрение, что та нагло подставляет своего конкурента.

– Пара тысяч – самое большое, – говорит Пол. – Если не меньше. Тем более, если он станет партнером, ему полагается повышение в несколько сот тысяч фунтов. Зачем ему этот риск? Он ведь не настолько глуп. С другой стороны... – Пол хмурит брови. – Если это просто какая-то ошибка, там это сразу поняли бы. Теперь же ему никакое повышение не светит. По крайней мере, в этом году.

Да, Каро достаточно одного года.

– Это какая-то подстава, – говорю я без тени сомнения.

Пол пристально смотрит на меня:

– Смелое заявление.

Я пожимаю плечами и, чтобы не смотреть ему в глаза, выдвигаю стул и включаю монитор.

– Я лишь хочу сказать, что у меня такое впечатление.

Пол продолжает смотреть на меня. Я замечаю в его взгляде нечто странное.

– Ты утром успела сходить в спортзал или типа того? – неожиданно спрашивает он. – У тебя мокрые волосы.

Я машинально трогаю голову. Он прав. Неужели забыла высушить после душа? Взгляда в окно достаточно, чтобы понять: на улице светит солнце. Значит, по пути на работу я не попадала под дождь. И тут до меня доходит, что я не помню, как добиралась до работы.

– У меня сломался фен, – говорю я первое, что приходит мне в голову.

– Понятно, – отвечает Пол, но я по-прежнему чувствую на себе его

взгляд.

– Что такое? – спрашиваю я и поднимаю от экрана глаза.

– Ничего. – Он как-то подозрительно пожимает плечами. – Просто... Джулия волнуется за тебя. Она говорит, что в последнее время тебя не узнать. – На пару секунд умолкает, а затем выдает все, что думает: – Просто хотелось бы знать, всё ли у тебя в порядке. Я имею в виду расследование.

– А, вот ты о чем! Да, всё в порядке. Никаких поводов для беспокойства. Просто я... немного устала. Может, подхватила какой-нибудь вирус или что-то еще. – Похоже, мои слова его не убедили, требуется добавить что-то еще. Я вымучиваю улыбку. Она делает свое дело. Его лицо проясняется.

– Тогда ладно. Главное – не зарази меня. А то я на выходных приглашен на свадьбу.

Пока я достаю папки, нужные мне для телефонного звонка, его слова не идут у меня из головы. *Она говорит, что в последнее время тебя не узнать.* Не узнать. Но разве притворство – не часть человеческой природы? Мы только и делаем, что притворяемся, строим из себя кого-то другого, кто со временем становится нашим вторым «я»...

Я машинально трогаю мокрые волосы и хмурюсь. Да, если от меня требуется притворство, то в данный момент оно явно оставляет желать лучшего.

* * *

И снова Модан.

Я сижу на стуле перед хорошо знакомым мне поцарапанным столом и наблюдаю за тем, как он пускает в ход против моего адвоката свой коварный французский шарм. Невольно стискиваю зубы. Когда все это закончится, смогу ли я найти в себе хотя бы капельку симпатии к этому человеку, который хочет стать мужем моей лучшей подруги? Если честно, не знаю. Я уважаю его, даже восхищаюсь им, но вряд ли когда-нибудь смогу разговаривать с ним без ощущения того, что при этом он наблюдает за мной, анализирует мои слова, откладывает что-то из сказанного мной «на черный день». Впрочем, вряд ли это станет для меня большой проблемой, ибо, похоже, в будущем мое общение будет сводиться к разговорам с другими заключенными.

Я вздрагиваю. Даже мой собственный черный юмор сегодня бессилён вызвать у меня улыбку.

– Мисс Ченнинг? – Судя по тому, как внимательно смотрят на меня Модан и мой адвокат, француз явно обращается ко мне не в первый раз. Он с любопытством смотрит на меня, и мне кажется, будто я замечаю в его шоколадных глазах что-то вроде сочувствия. С другой стороны, откуда ему там быть? Как можно работать следователем и одновременно сочувствовать тем, кого вы считаете виновными? Почему-то это заставляет меня вспомнить Каро и мои собственные смешанные чувства к ней. Мне ее жаль, временами я почти симпатизирую ей, но чаще всего на дух ее не переношу. Мне опять на ум приходят русские матрешки. – Итак, начнем?

И мы начинаем. На губах у мисс Стритер сегодня другая помада, такая же кричаще вульгарная, но, слава богу, не такая жирная. Сама она с помощью блестящей словесной эквилибристики кладет начало беседе. Похоже, Модан по достоинству оценил ее профессиональные умения. В конце ее монолога у любого должно возникнуть непреодолимое желание канонизировать некую Кейт Ченнинг по причине ее искреннего и бескорыстного стремления оказать всяческую помощь следствию. Правда, нам всем прекрасно известно, что я здесь для того, чтобы кое-кого продать с потрохами. Что я и делаю, когда наступает моя очередь.

Нет, я отлично понимаю: я не чета мисс Стритер по части словесных талантов и не намерена тягаться с ней. Но, как оказывается, в этом нет необходимости. Адвокатша всякий раз незаметно подталкивает меня в нужном направлении: то фразой – сюда, то комментарием – туда. Ее слова обтекают меня, берут в кольцо, будто уже сами по себе способны меня защитить. Со своей стороны Модан сегодня неожиданно тактичен и добр. Если честно, я в легкой растерянности. Каков подтекст этой встречи? Когда я смело заявляю, что Каро тайком провезла кокаин, молчание длится лишь долю секунды, после чего Модан как ни в чем не бывало говорит дальше. Он не ставит под сомнение тот факт, что Каро провезла наркотик в моей сумке, лишь – как и предупреждала меня адвокат – спрашивает меня, баловалась ли я им сама. Я отрицаю это – мол, ни сейчас, ни в прошлом. И вообще, он может спросить кого угодно, и все это подтвердят. Модан быстро кивает. Мне трудно сказать, что это значит. То ли он соглашается со мной, то ли действительно у кого-то спросит. А может, и то, и другое. Затем он спрашивает у меня про другие наркотики. Я честно признаюсь, что пару раз курила «травку», но это ему явно не интересно. Затем он расспрашивает меня о пристрастии Каро к кокаину, но мне почти нечего ему сказать. Я не знаю, насколько сильно она увлекалась «коксом» тогда и нюхает ли его сейчас. Хотя подозреваю, что время от времени Каро позволяет себе такое удовольствие. Но основания для подозрений у меня

нет, о чем я и говорю Модану. Затем мы обсуждаем остальных, кто был тогда на ферме, – принимал ли кто из них наркотики. Но даже если и да, то я не в курсе. Не мог ли кто-то из них в ту ночь поделиться кокаином с Каро? Я задумываюсь. Точно утверждать не могу, но, пожалуй, вряд ли. Все остальные предпочитали алкоголь. Я думаю про Себа, про его взгляд, прикованный к изящной загорелой лодыжке. Секс – он ведь тоже наркотик.

Затем наша беседа резко перескакивает на наш обратный путь в Англию. Я ведь наверняка страдала от похмелья и недосыпа, предполагает Модан. Скорее всего, мы менялись за рулем. Я отрицательно качаю головой и повторяю, что страховка была только у меня. К тому же я не так уж и устала, потому что из всех нас отправилась спать первой. Я не помню, чтобы по пути назад страдала от похмелья. Скорее всего, как только накануне вечером между нами вспыхнула ссора, я больше не взяла в рот ни капли алкоголя. Я помню расстояние между мной и Себом на пассажирском сиденье – оно было гораздо больше, чем расстояние между самими сиденьями. Помню, как Каро и Лара спали сзади. Помню, как я разозлилась на Каро, потому что из-за нее мы выехали позже. Помню, что, пока я вела машину, моя ярость постепенно улетучилась; осталось лишь ощущение, что мой мир рухнул к чертовой матери. Но об этом я Модану не говорю. Лишь объясняю, почему никакого похмелья не было.

Ни один из вопросов напрямую не касается Тео. Он остается где-то на периферии нашего разговора. Время от времени я косвенно упоминаю его, но Модан как будто не обращает на это внимания. Даже если б я задалась целью подбросить ему несколько рыжеволосых зацепок в образе Тео, я не уверена, что это получилось бы у меня с необходимой степенью ловкости.

Наконец запас вопросов Модана, похоже, иссякает. Я смотрю на мисс Стритер. Она едва заметно кивает мне, из чего напрашивается вывод, что я все сделала правильно. Оказывается, мы проговорили более полутора часов – неудивительно, что я чувствую себя как выжатый лимон. Модан и за десять минут выжмет соки из кого угодно, не говоря уже о девяноста.

– *Bien*, – говорит Модан, захлопывает блокнот, встает и поправляет рукава пиджака. – *Merci*. Спасибо, что согласились помочь нам, мисс Ченнинг. – Он улыбается мне, и – внезапно! – его улыбка полна обаяния. Я готова расхохотаться над собой. Интересно, как такое может быть: с одной стороны, я страшусь исходящей от него угрозы, с другой – не могу устоять перед его шармом? – На сегодня всё.

На сегодня. Я смотрю на мисс Стритер. Она, похоже, уже рвется в бой.

– Моя клиентка с самого начала была готова к сотрудничеству со следствием.

– Ваша клиентка несколько раз забыла упомянуть про наркотики класса А, – улыбается Модан, но его взгляд холоден как сталь.

– Что вполне объяснимо, поскольку это не имеет прямого отношения к расследованию убийства. К тому же ей не хотелось подставлять подругу. Не вижу причин считать это препятствием правосудию. А вот ваш повышенный интерес к моей клиентке без каких-либо улик, которые связывали бы ее с убийством, граничит с запугиванием. Это наносит ущерб ее работе и держит ее в постоянном состоянии стресса. Я сочту своим долгом в мельчайших подробностях доложить об этом судье. Поэтому я предлагаю вам: либо вы предъявляете ей конкретные обвинения, либо оставляете ее в покое.

В состоянии стресса. Я удивленно моргаю и даже готова возразить, однако, толком даже не раскрыв, спешу закрыть рот. Если задуматься, стресс – это еще мягко сказано. Да и вообще, сейчас не тот момент, чтобы это оспаривать. Я быстро оглядываюсь: где же Северин? Ага, вон она, возле двери, лениво покуривает сигарету. Колечки дыма поднимаются вверх, заслоняя собой табличку «Не курить» на стене. Я знаю, она нарочно встала под ней, и стараюсь подавить улыбку.

Яростная атака мисс Стритер не произвела на Модана впечатления.

– Принято к сведению, – говорит он, и две глубокие морщины берут в скобки уголки его рта. Затем поворачивается ко мне. Улыбки уже нет, а вот морщины остались. Я чувствую, как его глаза оценивают меня. Доброта в его взгляде сбивает с толку. – Надеюсь, вы не слишком... – он щелкает языком, пытаюсь найти нужное слово, – *взбудоражены* ситуацией. И, да, спасибо вам за вашу помощь.

Ничего не понимая, я снова смотрю на Стритер. Она улыбается мне в ответ. Адвокатша явно удовлетворена, как будто всё это игра, сыгранная точно в соответствии с теми правилами, какие она предвидела. Похоже, Модан тоже удовлетворен. Я единственная в этой комнате, у кого нет сценария. Нет его и у Северин, но ей наплевать. Ей вообще больше не о чем волноваться. Мне же в очередной раз приходит в голову вопрос: почему она вечно ходит за мной хвостом?

* * *

После разговора с Моданом я не возвращаюсь к себе в офис, хотя, по идее, должна. Работы у меня целый воз, но я не могу сосредоточиться. Мне даже все равно, одержит Каро сегодня победу или нет. Я звоню Джулии,

чтобы сказать ей, что мне нездоровится – что так и есть, – и прошу ее отменить все мои сегодняшние встречи и звонки. После чего иду к метро. Северин шагает рядом со мной. Сегодня она не отстает от меня ни на шаг. Не знаю, хороший ли это знак, принимая во внимание мое душевное состояние, однако есть в ее присутствии нечто успокаивающее. Поэтому я не жалуясь. Я думаю о том, как мне добраться домой. Я не должна быть рассеянной. В переполненном вагоне метро рассматриваю пассажиров и по их одежде, по сумкам, по лицам, что уткнулись в газеты, «читалки» и телефоны, пытаюсь догадаться, кто они такие. «Этот, что читает “Файненшл таймс”, наверняка банкир, – думаю я, – а вон тот, похоже, бухгалтер». Но это всего лишь ярлыки. Я не могу представить себе их жизнь. Я вообще не могу думать ни о чем другом – лишь о том, что моя собственная жизнь летит под откос.

Как жаль, что со мной сейчас нет Тома. Это не физическое желание, хотя его сильная рука, обнимающая меня за плечи, была бы не лишней. Нет, я хочу, чтобы Том был со мной в метафорическом смысле. Чтобы я могла заглянуть внутрь себя и твердо знать: Том всегда там, и он мой. Но Том возвращается в Бостон – передумай он, я бы уже об этом знала. Так что я сейчас еду в метро одна.

Впрочем, не совсем одна. Вместе с Северин.

Когда я вхожу в квартиру, меня с порога встречает холод, хотя стрелка термостата находится в своем обычном положении. Холодно не в квартире. Холодно мне. Наверное, я и вправду подхватила какой-то вирус. Самое разумное – принять ванну и лечь в постель. Но ведь я не усну. Впрочем, поскольку ничего другого придумать не могу, я открываю горячий кран, чтобы набрать ванну, а сама отправляюсь в кухню, приготовить себе чашку чая. Не сразу обращаю внимание на жужжащий звук, прорывающийся сквозь бульканье чайника. Еще дольше у меня уходит на то, чтобы опознать в нем дверной звонок. Я осторожно открываю дверь. На лестничной площадке стоит коренастый мужчина из квартиры напротив – если не ошибаюсь, его имя Бен – и смотрит на меня с легким нетерпением.

– Это принесли вам, – говорит он и сует мне в руки высокую картонную коробку, в какие обычно упаковывают цветы. – Извините, я тороплюсь.

Я растерянно моргаю.

– Спасибо! – кричу ему вслед, придя в себя, но он, перепрыгивая через ступеньки, уже бежит вниз и, не поворачивая головы, лишь на ходу поднимает руку.

Я закрываю дверь и, поставив коробку на стол, надрываю верх,

рассчитывая найти внутри визитку. Ага, вот она – незаметно устроилась между белых лилий, перемежающихся симпатичными зелеными листьями. На конверте – мое имя, написанное явно женским почерком – наверное, владелицей цветочного магазина. Пару секунд я смотрю на него и не решаюсь открыть. Есть только один человек, от которого я хотела бы получить такой подарок, – и пока конверт не вскрыт, такая вероятность существует.

«Будь собой, – мысленно укоряю я себя. – Не в твоих привычках что-то откладывать».

И я просовываю палец и вскрываю конверт. Внутри – небольшая квадратная карточка с логотипом цветочного магазина. На обратной стороне знакомым витиеватым почерком написано:

Кейт.

Я подумал. И хочу попробовать.

Том х

Внутри меня что-то радостно подпрыгивает. Я несколько раз перечитываю записку, и по моему лицу начинает расплываться улыбка. Меня наполняет незнакомое мне парящее чувство, некая легкость. Я как будто взмываю вверх.

Наверное, это счастье, думаю я. Наконец-то!

Я тянусь за телефоном, чтобы позвонить Тому и поблагодарить его за прекрасные цветы, но в дверь снова звонят. Неужели сам Том? Нет, это было бы слишком. Вряд ли он знает, что я сейчас дома, и в любом случае наверняка предварительно позвонил бы. Когда я подхожу к двери, там уже, загораживая мне путь, стоит Северин. Я жестом велю ей отойти, но она даже не сдвигается с места, лишь смотрит на меня в упор своими темными глазами. Звонок жужжит снова. Я вздыхаю и, протянув сквозь Северин руку, открываю дверь. Сначала ее лицо сменяется темным деревом двери, а то, в свою очередь, лицом той, которую я меньше всего хотела бы видеть на пороге моей квартиры.

Каро.

Глава 19

Каро.

Да, это Каро, но я на миг сбита с толку промелькнувшей рядом Северин, затем дверью, затем... кем? На какой-то миг это мог быть... Но нет, это Каро, в стильном темном пальто и еще более стильной шляпке, скрывающей ее пепельные волосы. Для блондинки у нее слишком темная кожа и брови. Поскольку ее светлые волосы скрыты шляпой, ее можно принять за брюнетку. Затем в глубине моего сознания шевелится Северин. Оказывается, это я смотрю на нее.

– Ну, так что? – говорит Каро. Стоило ей заговорить, как я понимаю: это точно она. Все иные предположения тотчас отпадают. Я стараюсь овладеть собой. Есть в ее глазах нечто, некое злорадное удовлетворение, что мгновенно заставляет меня насторожиться – вернее, насторожиться еще сильнее. – Так ты пригласишь меня войти или как?

– Вообще-то я не слишком хорошо себя чувствую. – Я приоткрыла дверь лишь на пару футов, чтобы не показаться грубой, но не настолько широко, чтобы ей войти. – Разве Джулия не предупредила тебя?

Скорее всего, предупредила, иначе бы в это время Каро ждала моего прихода к ней на работу.

– Предупредила. Но я решила, что сочетание вот этих вещей тебе наверняка поможет. – Она поднимает бутылку вина, пакетик «Лемсипа»^[12] и большую упаковку бумажных носовых платков.

– О, это так любезно с твоей стороны. – Ввиду щедрых подарков правила хорошего тона требуют, чтобы я открыла дверь шире. К тому же я дала себе обещание им следовать. – Входи!

Каро входит. Я беру у нее из рук подношения. Она тем временем снимает пальто и бордовую шляпку и с хищным прищуром осматривается по сторонам, буквально пожирая глазами даже самые незначительные мелочи, чтобы затем сложить их в кладовые своей памяти. Я тоже осматриваюсь, пытаюсь взглянуть на вещи ее глазами. Вполне милая квартирka в доме георгианского стиля, небольшая, но уютная, с симпатичными старинными деталями, как, например, эркер. Впрочем, до шикарных апартаментов самой Каро ей как до небес. Или даже до квартиры Тома.

Том... Мысль о нем – это мой сладкий секрет, который никому не положено знать. В моей руке все еще зажата визитка флориста. Я тихонько

сую ее в карман.

– Прекрасные цветы! – говорит Каро. – Тайный поклонник? – Она буквально впивается в меня взглядом, голодным и жадным. Но есть в ее глазах и что-то еще, что-то вроде злости. С другой стороны, с какой стати ей злиться на меня за то, что мне подарили цветы?

– Это вряд ли, – отвечаю я с беззаботной усмешкой.

– Нет? Тогда от кого же? – Ей непременно нужно знать правду.

– От одного довольного клиента... Ладно, давай, проходи в кухню, – быстро добавляю я, стыдясь собственной лжи. Все, что связано с Томом, для меня в новинку, и я не уверена, что умею это хорошо прятать. Я веду Каро за собой по квартире. Сказать, что я не рада ее вторжению в мое личное пространство, – значит не сказать ничего. От Северин тоже никакой помощи. Она идет следом за Каро на расстоянии примерно в полметра. Такой реальной, такой решительной я ее еще ни разу не видела.

– Чай? Кофе? – предлагаю я, но Каро с вожделием смотрит на бутылку вина, которую вручила мне и которую я поставила на кухонный стол. – Вина? – неохотно добавляю я, перехватив ее взгляд.

– Да, пожалуйста. У тебя, часом, не грипп?

Я нахожу стакан, вытаскиваю из ящика штопор и отвечаю:

– Похоже на то. Жутко ломит тело и болит голова. – Кстати, это чистая правда. Вернее, было правдой, пока не прибыли цветы и уровень эндорфинов в моей крови мгновенно взлетел. Впрочем, грипп тут вообще ни при чем. А что до цветов... Внезапно я вспоминаю. – Черт, ванна!

Пулей выскакиваю из кухни. Каро, растерянно разинув рот, остается стоять в кухне. Слава богу, ванна еще не наполнилась до краев, однако вода уже достигла уровня сливного отверстия, а сама ванная комната укутана облаком пара. Я быстро выключаю кран и с тоской смотрю на полную кипятка ванну. Может, мне повезет побыстрее избавиться от Каро и вода к тому времени еще не остынет окончательно... Но затем я замечаю на дне ванны Северин. Она одета и лежит совершенно неподвижно. Глаза закрыты, волосы лениво извиваются вокруг головы. Хотя я и привыкла постоянно видеть ее рядом с собой, этот новый ее образ гипнотизирует меня. А также наполняет ужасом. Затем она резко садится, мокрые волосы плотно прилипают к ее голове. Она открывает глаза и смотрит на меня. Я подавляю в себе негромкий крик.

И в это мгновение в моем мозгу как будто щелкает некий замок. Внезапно я точно знаю, что произошло во Франции десять лет назад. Пару мгновений стою, глядя на Северин, и в моем сознании постепенно возникает картина – подобно тому, как лепестки цветов разворачиваются с

первыми лучами утреннего солнца... *Да-да, все было именно так, и никак иначе...* передо мной уменьшенный план фермы, вид сверху, как будто я заглядываю в кукольный домик. Вот крошечная версия меня самой в спальне, которую я делила с Себом. Вот мое заплаканное лицо, погруженное в спасительный сон. Вот спальня Тома и кукольных размеров Лара, которая дремлет в ворохе простыней, насквозь пропахших сексом. Вот в сарае, вырубившись, лежит Себ. Там же рядом с дверьми валяются брошенные кем-то грабли. Рядом с бассейном – фигурки Северин и Тома. Остается последний вопрос – где расположить Каро и Тео. Впрочем, ответ на него мне уже известен.

Увы, тотчас же возникает еще один вопрос: что мне со всем этим делать? А еще внутри меня нарастает холодный, ледяной страх. Но это другой страх; совсем не тот, с которым я жила последнее время. Тот был парализующим, унижительным. Он как будто делал меня меньше, чем я есть на самом деле. Этот новый страх холоден как сталь и столь же тверд, но он делает меня похожей на нее. Или же освобождает меня от наносных пластов, возвращая к тому, что всегда таилось под ними: к той Кейт, которая нравится мне больше всего: Кейт, которой не страшны никакие трудности, Кейт, готовой встретиться с ними лицом к лицу, готовой бросить им вызов.

Северин сидит в ванне, и вода стекает по ее длинным волосам. Черная туника намочла и прилипла к ее навечно идеальной груди. Она сидит и смотрит на меня, пока я размышляю, и строит планы; ее бесстрастные черные глаза, как всегда, пусты.

Я резко выхожу из ванной и крепко закрываю за собой дверь. В гостиной хватаю сумочку и на самом ее дне нахожу то, что мне нужно. Кладу это нечто в карман, рядом с визиткой флориста. Теперь все мои секреты надежно спрятаны в одном, темном и теплом, месте.

Возвращаюсь на кухню. Каро уже открыла бутылку вина и налила два стакана. Когда я вхожу, она вопросительно смотрит на меня.

– Извини, забыла закрыть кран. Когда ты позвонила, я набирала ванну, – говорю я не своим голосом, но, похоже, Каро этого не замечает. Кстати, Северин тоже решила составить нам компанию, и, слава богу, с нее больше не стекает вода. Она бродит по кухне. Раньше я не замечала за ней такой активности.

Каро снимает жакет от костюма и поворачивается, чтобы осторожно положить его на столешницу. Я замечаю, что на одной ноге у нее на чулке поехали петли – постепенно сужаясь от широкой дырки у самого края ее лакированных лодочек, стрелка тянется вверх, исчезая под подолом юбки.

Знай она про это, тотчас бы пришла в ярость, ведь это *трещина в ее броне*. Впрочем, я думаю об этом без злорадства, хотя совсем недавно наверняка упивалась бы им. Я знаю, что прячется под ее лощеной поверхностью, и не могу заставить себя это *развидеть*.

Каро начинает с пустой, светской беседы – в основном разговор вращается вокруг кандидатов, которых мы пытаемся перетянуть в «Хафт и Вейл», но все равно это пустой светский разговор. Мы потягиваем вино и ходим вокруг друг друга словесными кругами. Так проходит минут пять. Даже десять. Мне непонятно, почему она тянет время. Мне стоит немалых усилий держать мою руку как можно дальше от темных, уютных секретов в моем кармане.

– Готова поспорить, тебе наверняка не дает покоя вопрос, что заставило меня неожиданно явиться к тебе под дверь, – говорит Каро с легкой усмешкой, усаживаясь на один из моих высоких табуретов. *Наконец-то*, думаю я. Моя рука незаметно скользит в карман, а затем столь же незаметно – обратно. Сама я при этом остаюсь стоять, прислонившись спиной к кухонному столу.

– Да.

– Это не столько имеет отношение к процессу отбора партнеров...

– Неужели?

– Вернее, имеет, но... дело в том, что у меня на работе стало известно про расследование... народ в курсе слухов, которые о нем ходят. Вернее, о тебе. Кто-то даже напрямую спросил у Гордона, и тот обмолвился, что я там тоже была... – По ее лицу мелькает тень раздражения. – Как бы там ни было... Кое-кто уже начал думать, что это слишком, что, если это будет меня отвлекать, мне будет крайне сложно с блеском пройти этот важный для меня период. – Каро закатывает глаза. – Но ведь это курам на смех. Я целиком и полностью сосредоточена на партнерстве. Однако с такими вещами очень трудно бороться. – На ее скулах проступают красные пятна. Она шумно выдыхает и затем, не осмеливаясь посмотреть мне в глаза, нехотя признается: – Меня хотят вычеркнуть из списка. Придержать мою кандидатуру до следующего года.

Я на миг лишаюсь дара речи. Хотя, если честно, есть в этом некая приятная, хотя и злобная, ирония. Если Каро действительно распускала обо мне слухи, то, похоже, она подорвалась на собственной mine. Несмотря на холодную сталь во мне, я предпочла бы ошибаться. Мне хочется, чтобы внутренние слои Каро были лучше, чем этот твердый, жестокий поверхностный слой. Я пытаюсь подобрать нейтральные слова:

– Понятно. Учитывая проблемы, с которыми, как я слышала,

столкнулся Даррен Лукас, ты думала, что путь для тебя открыт...

– Именно, – тотчас соглашается Каро. – Это мой год. Мой. – Наконец она смотрит мне в глаза. Я поражена. Я не ожидала увидеть в ее взгляде столько отчаяния. Оно такое же сильное, как и холодный ужас где-то в глубине моего живота. – Меня не могут отодвинуть, – говорит она с тихой яростью в голосе. – Это мой год.

Ее слова тверды, весомы и окончательны. Я пару секунд беспомощно смотрю на нее, затем предпринимаю еще одну, обреченную на провал попытку.

– Каро, я знаю, что тебе неприятно это слышать, но ведь есть и другие юридические фирмы...

– Нет, – отрезает она. Для Каро существует лишь «Хафт и Вейл»: или партнерство, или ничего. За эти годы я насмотрелась на честолюбивых кандидатов. Всех их роднит эта непоколебимая целеустремленность, но в Каро она доведена до крайности. Она сидит передо мной, опустив голову. Я ловлю себя на том, что смотрю на нее в упор и, потягивая вино, пытаюсь разгадать ее мысли. Затем качаю головой и напоминаю себе, что у меня тоже есть план. И решать проблемы партнерства Каро в него не входит.

– Ты все еще общаешься с Марком Джефферсом? – как бы невзначай спрашиваю я, прерывая молчание.

Каро тотчас поднимает голову.

– Нет, – осторожно отвечает она. Но мне даже малой доли секунды достаточно, чтобы убедиться: я не ошиблась. Это она. Чтобы скрыть досаду, делаю глоток вина. – А почему ты спрашиваешь? – интересуется Каро с легким любопытством.

– Последнее время он только и делал, что распускал слухи по поводу этого расследования. В частности, о том, что некую Кейт Ченнинг вот-вот арестуют, – спокойно говорю я. – Даже мои перспективные клиенты интересовались у меня, правда ли это.

– Марк – мой старый знакомый, – глазом не моргнув, отвечает Каро. – Да, он жуткий болтун и сплетник, но я могу поговорить с ним, чтобы он не слишком чесал языком.

– Мне почему-то кажется, что ты уже говорила с ним. – Каро в упор смотрит на меня. Я замечаю в ее глазах лихорадочный блеск, как будто у нее температура, однако лицо ее остается каменным. – Он знал мое имя, хотя оно ни разу не упоминалось в газетах.

– Да это курам на смех! – возмущенно восклицает Каро. Надо отдать ей должное: она прекрасная актриса, и какая-то часть меня готова по достоинству оценить ее игру. – Какая лично мне от этого выгода?

Хороший вопрос. Я тоже не прочь это знать. Оставив ее вопрос без ответа, продолжаю:

– А теперь еще эта ситуация с Дарреном Лукасом... Да, он мощный соперник, но теперь и его имя запятнано. Причем благодаря твоим стараниям, и именно тогда, когда его карьера должна была пойти в гору. Просто удивительно, как все складывается в твою пользу...

Каро щурит глаза и поджимает губы – от них остается едва заметная тонкая линия.

– Довольно намеков. Если тебе есть что сказать, не юли, а говори напрямик, – цедит она сквозь зубы,

– Мне казалось, я уже сказала. – Я делаю глоток вина. Это «Совиньон блан», совсем не то, какое выбрала бы я сама. После него во рту остается неприятный привкус, явно не способствующий моим симпатиям. – Думаю, Даррен Лукас стоял у тебя на пути, и ты нашла способ устранить его. А теперь тебе нужно извлечь из этого максимальную выгоду, что, в свою очередь, означает: этому расследованию нужно положить конец.

Каро берет в руки бокал и, медленно поворачивая его содержимое, снова в упор смотрит на меня жадными, горящими глазами. В ее взгляде сквозит отчаяние.

– Я бы не советовала тебе разбрасываться обвинениями, которые ты не можешь доказать.

– Ты права. – Я убираю руку прежде, чем та скользнет в мой карман – потом, – и вместо этого тоже делаю глоток вина. – Да, я не могу этого доказать. Ладно, вернемся к нашему разговору. Ты пришла сюда просить меня о том, чтобы я взвалила всю вину на Тео.

Ее бокал на миг застывает на полпути к губам.

– Ты разговаривала с Алиной.

– Да, – подтверждаю я. Каро в очередной раз поражает меня своей догадливостью. Ее быстрый, изворотливый ум моментально все вычислил.

– В таком случае я не стану ничего отрицать. Я действительно пришла сюда, чтобы просить тебя взвалить всю вину на Тео. – Она пожимает плечами: – Собственно говоря, почему нет? Твоя фирма едва держится на плаву, а все из-за...

– С моей фирмой все в порядке.

– Неужели? – Каро недоверчиво выгибает бровь. В ней как будто что-то изменилось. Моя лобовая атака поначалу выбила ее из колеи, но теперь она вновь собрала себя в кулак. Я замечаю в ней некое напряжение, почти вибрацию, дрожь предвкушения. Ее глаза – лишь верхушка айсберга. Что же я пропустила? – А что, если «Хафт и Вейл» откажется от твоих услуг?

Более того, я не удивлюсь, если «Стоклиз» последуют их примеру...

Ага, так вот что я упустила... Интересно, как давно Каро планировала этот удар? Похоже, она привыкла воспринимать жизнь как партию в шахматы: двигать по доске фигуры и, в случае чего, защищать свою позицию. Впрочем, не удивлюсь, если никакого изначального плана у нее не было; она просто хватается за возможность, когда та открывается ей. Я смотрю на нее, ожидая, когда меня охватит паника или отчаяние, но ничего не чувствую. Лишь твердый, холодный страх, неумолимо подталкивающий меня вперед. А потом откуда ни возьмись волной накатывается усталость. Страшная, сокрушающая усталость. Ноги не держат меня. Я вытаскиваю табурет и тяжело опускаюсь на него.

– У меня есть контракт...

– Там есть пункт, допускающий его расторжение по причине репутационного риска, – заявляет Каро. – Пунктик, конечно, спорный, но у тебя кончатся деньги еще до того, как ты попытаешься обжаловать наше решение в суде.

Она права, но признания своей правоты от меня не дождется. И я молчу. Каро же пристально смотрит на меня, затем позволяет себе ехидную улыбочку:

– В общем, да. Именно это я и хотела сказать – вали все на Тео.

– Нет! – наотрез отказываюсь я. Еще до моего озарения в ванной комнате я сказала бы то же самое. Будь здесь Том, он страшно разозлился бы на меня. Начал бы призывать меня отгрести назад, подумать о себе, о моей фирме... но нет. Я хочу быть выше этого. Я *должна* быть выше этого. По крайней мере, в глазах Тома я должна быть той Кейт, какая мне больше всего нравится. И я не позволю ему стать тем Томом, которого спустя некоторое время он сам будет по ночам стыдиться. Даже ради меня.

– Нет, – повторяю я.

– Нет, – задумчиво повторяет Каро и пожимает плечами. В вырезе джемпера видно, как движется кожа на ее костлявой груди. Ни жиринки. У нее нет времени на излишества. – Я так и думала, что ты это скажешь. Хотя, если честно, мне не понятно почему. В конце концов, ведь это мог быть Тео, разве не так? В смысле, откуда нам знать?

– Откуда нам знать? – едва слышным шепотом вторю я. Мои веки слипаются. Мне стоит невероятных усилий не закрыть глаза. Теперь моя очередь сделать ход. Именно этого я и ждала. Но даже когда меня посещает эта мысль, я понимаю: увы, слишком поздно. Мне трудно заставить себя произнести то, что я хочу сказать, не говоря уже о том, чтобы выстроить слова в логичный, убедительный аргумент. Что-то не так, со мной явно что-

то не так, но у меня нет сил, чтобы понять, что именно...

– Кейт? Кто прислал тебе эти цветы, Кейт? – Ее голос звучит слишком громко, я заставляю себя приоткрыть веки. Похоже, она уже не в первый раз задает мне этот вопрос.

– Цветы? – глупо переспрашиваю, еле ворочая распухшим языком, и смотрю на Северин. Увы, похоже, помощи от нее ждать не приходится. Тогда я смотрю на свой бокал. Он почти пуст, но вряд ли всего один бокал вина заставил бы заплетаться мой язык. Голова такая тяжелая, что мне хочется положить ее на стол. Вместо этого я подпираю подбородок ладонями. Наверное, я все же заболеваю. Иначе чем объяснить эту странную сонливость...

– Посмотри на себя, – хладнокровно говорит Каро, решительно ставит свой бокал на стол и отодвигает табурет. – Ты всегда считала себя такой умной, не так ли, Кейт? Признайся, что да. Умница Кейт, которая всегда пыталась доказать окружающим, что она выше, лучше нас всех, потому что ходила в *государственную* школу. Никаких частных школ, никаких привилегий. Она всего достигла сама, своим умом и старанием. – Внезапно лицо Каро совсем рядом с моим, хотя я не помню, чтобы она подходила ко мне. Или я опять закрывала глаза? – Только теперь без разницы, умная ты или нет. Даже цветы и те теперь равным счетом ничего не значат. Они не от клиента. Клиент прислал бы их тебе на работу. – Я качаю головой, не понимая, к чему она это, но Каро продолжает гнуть свою линию: – Они ведь от Себа, не так ли? Теперь он вернулся в Лондон, и ты пытаешься вновь заманить его в свои сети.

– От Себа?

Нет, что-то явно не так. Меня ведет в сторону. Но нет, я сижу у стола, а вот мир вокруг меня движется, крутится, как если б я была пьяна. Северин рядом со мной, в ней чувствуется некое напряжение. Я не могу понять выражение ее лица. С другой стороны, разве я когда-нибудь его понимала?

– Да, от Себа, – нетерпеливо повторяет Каро. – Ведь это он прислал тебе цветы, не так ли? – Теперь в ней чувствуется что-то еще. Острие рапиры, которое раньше было спрятано от посторонних глаз, теперь извлечено на свет, блестит и наносит колющие удары с невиданной ранее злобой. Каро как будто сбросила с себя плащ, под которым скрывался клинок. Зачем ей это? Что я пропустила?

С невероятным усилием поворачиваю к ней голову. Остальная кухня представляет собой размытое пятно, но лицо Каро резкое, в фокусе.

– Нет, Каро, не он. – Он любит свою жену, по крайней мере, мне так кажется. Он ведь должен ее любить. Затем: о боже, что это происходит со

мной?

– Чушь! – фыркает Каро. Это долго не продлится. – Она хмурится. – С какой стати ему посылать тебе цветы, когда мы с ним в отношениях?

Я разинув рот смотрю на нее.

– В отношениях? Разве ты не знаешь? Алина... – Я так и не произнесла того, что хотела сказать. Мне требуется слишком многое преодолеть, чтобы эти слова появились на свет; приложить огромные усилия, чтобы породить их, заставить работать мой рот и язык, задействовать дыхание. На этот раз я все же кладу голову на стол.

– Что Алина? – уточняет Каро, придвигаясь ко мне еще ближе, и наклоняет голову, чтобы та была на одном уровне с моей. Ее глаза так близко, что я замечаю одну странную вещь: их радужки совершенно лишены точек или переходов цвета, такая сплошная внеземная голубизна. – Что там с Алиной?

– Она беременна, – косноязычно бормочу я и закрываю глаза. *Спать, спать, думаю я. А затем: Нет-нет, только не спать. У меня есть план. Все не так. Что я пропустила?* Приложив гомерическое усилие, открываю глаза. Лицо Каро по-прежнему передо мной. – Что ты со мной сделала? – шепчу я.

Но она пропускает мой вопрос мимо ушей.

– Беременна? – шипит Каро, явно отказываясь мне верить. – Не может быть. – В кои веки все ее мысли читаются на лице. Мне видно, как они стремительно носятся туда-сюда в поисках альтернативной правды. – Никогда не поверю.

И все же она верит. Я даже замечаю момент, когда это происходит... и это больно видеть. Внешняя оболочка спадает, обнажая скрытые под ней обиду, ярость, горе. Теперь они видны как на ладони. Вместо Каро передо мной несчастная тринадцатилетняя девчонка, в очередной раз обиженная до глубины души. Вот только видят все это лишь я и Северин.

– Что ты со мной сделала? – снова шепчу я. Мои веки как будто налиты свинцом.

– Беременна! – Каро едва не выплевывает это слово. – Беременна! – повторяет она, на этот раз задумчиво. Вновь берет себя в руки. Защитная оболочка залатана и возвращена на место. Вновь надежна и непробиваема, хотя и отдает безумием.

Я пытаюсь заставить себя открыть глаза. Есть один важный вопрос, который я просто обязана ей задать. Причем в очередной раз.

– Каро, что ты со мной сделала?

Взгляд ее устремлен куда-то в пространство, однако, услышав мой

вопрос, она тотчас оборачивается ко мне:

– «Флунитразепам». Дозы хватит, чтобы свалить слона. Он же «Рогипнол» или «Руфиз». Главным образом снискал себе дурную славу как «друг насильника». Но известно ли тебе, что, согласно исследованиям шведских ученых, это самый популярный снотворный препарат самоубийц? Думаю, Ларе это было бы интересно узнать... – Каро снова хмурится, хотя, кто знает, может, и нет. Перед глазами у меня все плывет. Я не понимаю, что она мне говорит. Зато вижу перед собой ее злорадную, торжествующую улыбку. – Я тебя знаю. Умная Кейт наверняка думает: никто не поверит в самоубийство...

Самоубийство?

Самоубийство. Каро убивает меня. Она уже какое-то время убивает меня, наблюдая за действием препарата, который подмешала мне. Я должна что-то чувствовать по этому поводу, и я чувствую, но оно такое крошечное, это чувство, – малюсенький светящийся сгусток паники, спрятанный глубоко-глубоко под слоями ваты усталости и апатии. Я понимаю, что происходит. Я понимаю, что произойдет, но бессильна что-то с этим сделать и могу лишь наблюдать словно сторонний наблюдатель. Хладнокровной, выкованной страхом Кейт больше нет. Химическая формула не оставила от нее ничего, будто ее вообще не существовало.

Но... убийство? Как давно Каро замышляла убийство? Пока я пыталась понять... Я не уверена, что произнесла это вслух, но голова Каро поворачивается ко мне. Значит, наверное, все же произнесла:

– Я пыталась понять... если б мы были друзьями... если б я не была с Себом... И все это время, – это даже забавно, но у меня вырывается смешок, – ты планировала убить меня.

Мне кажется, что Каро на миг застывает, а на лице ее возникает растерянность. Но я не могу этого утверждать. Глаза мои полузакрыты, а в следующее мгновение закрываются окончательно. Интересно, что было бы, если б я тогда прыгнула со стены не в объятия Себу, а повернулась бы к Тому. Как в этом случае сплелась бы паутина?

Но Каро что-то говорит, и я вновь заставляю себя приоткрыть глаза. Она говорит и одновременно что-то делает со своим бокалом. Все понятно: моет его и ставит в сторону, стараясь не прикасаться к нему голыми пальцами. Затем протирает полотенцем бутылку и продолжает говорить:

– ... вообще-то все в это поверят. Даже твоя секретарша Джулия говорила, что ты сегодня была сама не своя... да что там, уже какое-то время! Тебя мучило чувство вины, потому что ты убила ту девушку. Именно так и скажут. Твоя смерть станет тому доказательством. Нет

никаких улик, которые указывали бы на кого-то конкретного из нас. Мы обе с тобой знаем, что расследование Модана шито белыми нитками, зато самоубийство – чем не признание? Согласись, что я права. А потом все это забудется... И да, я знаю, ты наверняка думаешь, что никто не поверит, что у тебя имелся доступ к этому препарату. Но в твоём телефоне уже давно имеется номерок одного наркоторговца. С моей вечеринки, если быть точной.

Лицо Каро озаряется самодовольной улыбкой. Она тянется за моим телефоном, благо тот лежит на столе. Ловко прокрутив список моих контактов в телефонной книге, сует телефон мне в лицо. Впрочем, я вижу лишь размытое пятно.

– Зря ты не установила на «Айфон» пароль, – говорит Каро.

И тут я понимаю, что должна что-то сделать. Я должна что-то сделать сейчас, пока еще не поздно, пока я еще могу успеть. Собрав в кулак последние силы, я пытаюсь вырвать у нее телефон. Увы, я в очередной раз прошлапила момент. Я просто наобум пытаюсь поймать воздух. Она же легко отскакивает назад, исчезая из моего ограниченного поля зрения. Я же теряю равновесие и тяжелой, неуклюжей грудой падаю на пол. Лежу, щекой ощущая прохладу кафельной плитки.

Я не двигаюсь. Непонятно, могу ли я вообще пошевелиться, даже если б попыталась. Лежу и смотрю на плитку, на контраст между гладкой матовой поверхностью и шершавыми черным швами между ними. Затем даю глазам расслабиться, и мне кажется, будто я качаюсь на волнах моря из бледного, цвета слоновой кости кафеля, которое тянется до самого горизонта.

Каро же продолжает говорить. Правда, я слышу лишь обрывочные фразы и вижу лишь отдельные картины. Мне стоит немалых усилий держать глаза открытыми, и я не могу понять, зачем пытаюсь это сделать. Было в том, как Себ целовал ее, что-то такое... но я не помню, когда это произошло – недавно, или во Франции, или когда они оба были подростками? Впрочем, не важно. Время растягивается, каждое событие видится мне бусиной на нитке, которая неумолимо тянется от одного к другому. Себ был Себом, он и сейчас Себ, он не мог быть никем иным. И своей беззаботной симпатией к Каро – порой едва заметной, а иногда чересчур – он что-то разжег в ней. Каро же может быть только Каро. И поэтому мы имеем то, что имеем... Но Каро продолжает говорить, причем только про Себа – мол, прежде чем остепениться, тот вел разгульную жизнь, и только Каро, по его словам, единственная понимала его, единственная, кто существовал для него...

В какой-то момент я снова открываю глаза и вижу свой «Айфон» в считанных дюймах от моего носа. Не припомню, чтобы он был там раньше. Мои глаза закрываются снова.

Что или кто-то нетерпеливо и настойчиво трясет меня, и в конечном итоге я вновь открываю глаза. Передо мной возникает лицо Каро. Она хватается меня за волосы. Возможно, что-то говорит – ее губы движутся, но смысла слов я не улавливаю, и она это понимает. Тогда она говорит снова, с вызовом в голосе, и на этот раз я ее понимаю.

– Все было бы иначе. Мы не были бы друзьями.

Я вижу ее глаза, их горящий взгляд, и невольно поражаюсь – этой ее страсти, этой настойчивости, стремлению во что бы то ни стало добиться своего. Наверное, когда-то я тоже была такой, но наркотик украл у меня эту способность.

Затем раздается стук. Я не сразу понимаю, что это моя голова – Каро отпускает мои волосы, и та со стуком вновь падает на пол.

Проходит какое-то время. А может быть, не проходит. Теперь я ненадежный свидетель течения жизни.

В какой-то момент я замечаю рядом с собой Северин. Элегантно скрестив красивые загорелые ноги, она сидит рядом со мной на холодных плитках пола, пристально на меня глядя, и... я что-то чувствую. Я не сразу понимаю, что это такое, как вдруг до меня доходит: это благодарность. Благодарность за то, что она постоянно со мной. Теперь, когда я понимаю, что это такое, это чувство обдаёт меня теплой волной. Не уходи... Я не произношу эти слова вслух, но вижу, что она не уходит. Впервые за все это время я проникла под ее непроницаемый взгляд. Я могу прочесть, что таится в глубине ее темных глаз. Она не бросит меня. Не оставит. Она будет со мной здесь до тех пор, пока я цепляюсь за этот мир. Теперь мне наконец понятно, почему все это время она ходила за мной тенью: ради этого. Ибо именно сюда меня вела лента времени. Никаких эмоций по этому поводу – все это было предопределено заранее. Потому что Себ – это Себ, Каро – это Каро, Кейт – это Кейт, а Том... это...

Том, хочу сказать я, но язык не подчиняется мне. Есть только мысль, мысль о нем, мечта о нас с ним, которая только-только начала обретать форму, но она пронзает вату внутри моего сознания. Северин что-то говорит и настойчиво жестикулирует. Раньше она этого не делала. Увы, я не слышу ее слов и не понимаю, чего она хочет.

Да и в любом случае уже поздно. Похоже, Северин пытается поднять телефон. Но ведь она призрак, слишком крепко связанный лентой времени. Материальные вещи не для нее. Однако она не сдаётся. Я даже готова

улыбнуться, будь у меня способность улыбаться, этой ее настойчивости заставить меня сделать... что именно? Что-то. Я не знаю.

Том. Мне нужна еще одна лента, другая. Мне нужны *мы*. Я хочу шагнуть в сторону, в поток времени, где Кейт – это Кейт, а Том – это Том, и ни он, ни я не будем пойманы в бусину на нити времени. О неторопливых воскресных утрах, о суматошной спешке на работу в метро, о выходных и рабочих днях, дома и в офисе, о днях... Мне нужны просто дни. Дни, которые начинаются и заканчиваются Томом. *Том...*

Я соскальзываю еще глубже. Я бессильна бороться с этим, а Северин прекратила меня подбадривать. Я снова хочу сказать ей, что знаю, как все случилось, что теперь мне все понятно. Хочу сказать, как мне жаль, что я не могу поведать об этом миру. Но, думаю, она все это знает и без меня, и вряд ли ее это волнует. Ведь она здесь не поэтому. Северин по-прежнему сидит рядом со мной, скрестив загорелые ноги посреди кремового кафельного моря – как всегда красивая и неулыбчивая.

Как же хочется увидеть ее улыбающейся!

Глава 20

Я просыпаюсь.

Это так... неожиданно.

И болезненно. О господи, как же это мучительно... Моя голова, мое горло, мой живот, мои глаза, но главным образом моя голова... моя голова... моя голова. Она пульсирует так, будто приливы и отливы крови внутри ее – это яростный шторм, бушующий у побережья мозга. Где оно, прохладное кремовое море, к которому можно припасть пульсирующим от боли виском? Куда оно пропало?

– Кейт? Кейт, ты с нами? – Затем на меня обрушивается свет. Сначала он волчком вертится вокруг меня, но затем мой мозг берет его под контроль и заставляет превратиться в блоки цвета и тени. Я в комнате. Светлой, лишенной красок комнате, незнакомой, хотя я мгновенно узнаю в ней больничную палату.

Надо мной склонилась пухлая женщина в синей больничной форме и повторяет мое имя. Но я смотрю мимо нее, выискивая глазами Северин. Но ее здесь нет. Я нигде ее не вижу, и меня охватывает паника. Она не может бросить меня, не может, я это точно знаю. Но почему же тогда ее здесь нет? Что это значит?

– Кейт? Нет, тсс... лежи тихо. Всё хорошо, с тобой всё в порядке. Ты в больнице. – В комнату кто-то входит, и она оборачивается. Мне не видно, кто это. Неужели Северин? Нет, это вряд ли она, хотя у меня никак не получается вспомнить, почему ее здесь не может быть. – Она только что пришла в себя, – говорит женщина вошедшим и снова поворачивается ко мне: – Кейт, ты узнаешь, кто это?

И тогда я вижу, что рядом со мной он, протягивает руку, чтобы взять в нее мою ладонь, и от моей паники не остается и следа.

– Том... – Мой голос сиплый и похож на хрип, но я вижу, как тревога моментально покидает его лицо.

– Ты вернулась, – говорит он и кладет мне на щеку ладонь. Мне хочется прижаться к его руке, но я не уверена в собственном теле, я не знаю, что оно может, а чего – нет. Как только что сказала медсестра, мне лучше лежать спокойно.

– Я была далеко? – хрипло спрашиваю я.

Вид у Тома кошмарный. Он явно не брился несколько дней и, возможно, столько же ночей не спал. У меня такое чувство, будто меня

бросили на сцене посреди пьесы, не дав мне в руки сценария и даже не сказав, что было в предыдущем акте. Как я попала сюда?

– Да, ты была далеко... целых два дня. – Он делает судорожный вдох и начинает что-то говорить, но медсестра прерывает его:

– Попей водички, Кейт, а мне пока нужно кое-что проверить. – Она приподнимает изголовье моей кровати и подносит к моим губам стакан воды. Я делаю несколько глотков, а она светит фонариком мне в глаза и задает мне бесконечные вопросы. Как меня зовут? Когда я родилась? Какой сейчас год? Знаю ли я, где нахожусь? С каждым ответом слова даются все легче и легче, как будто путь от мозга к языку постепенно очищается от завалов.

– Я ударилась головой? – внезапно спрашиваю я, поняв, что вопросы не сводятся только к сбору информации, а затем вспоминаю... вспоминаю ли? Мои воспоминания сбивчивые, противоречивые, у них странные краски. – Кажется, да, так и было...

– Да, боюсь, вы основательно приложились головой. Мы тут все из-за вас изрядно переволновались, – произносит новый голос.

Я слегка поворачиваю голову. На меня накатывается новая волна боли, и я стискиваю зубы. Тем не менее успеваю разглядеть источник этого голоса: в дверях палаты стоит высокая женщина лет сорока с небольшим и сдержанно улыбается мне. Ее темные волосы убраны в элегантный узел. На ней тоже больничная форма, поверх которой словно наброшена мантия, символ ее статуса как врача, что также подчеркивают огромные бриллиантовые клипсы. Такие вряд ли увидишь в ушах бедной медсестры.

– Добро пожаловать обратно. Я доктор Пейдж. – Она входит в палату, берет мою карту и быстро просматривает ее. – Думаю, с вами все будет хорошо, а пока отдыхайте и набирайтесь сил. Скажите только, что вы помните? – спрашивает доктор Пейдж. Правда, я замечаю в ее лице нечто такое, что никак не соответствует ее игривому тону. Перевожу взгляд на медсестру. Та занята тем, что меняет мне капельницу, но явно внимательно слушает наш разговор. Напряжение есть даже на лице Тома. И снова у меня такое чувство, будто я не знаю сценария.

– Я не... я не уверена. Я была дома, в своей квартире... – Это я помню точно. – Я не очень хорошо себя чувствовала и решила набрать ванну. – В ванне сидела Северин. Я как сейчас вижу, как она привстает и вода стекает с ее волос. – Каро... о господи...

– Каро? – Том вздрагивает. – Там была Каро?

– Да, она пришла ко мне. Мне кажется, она что-то подсыпала в вино.

– Каро что-то подсыпала в твое вино. – Его слова звучат скорее как

утверждение, а не как вопрос. Голос Тома спокоен, но где-то в его глубине затаился гнев. Это почему-то тотчас заставляет меня вспомнить накал его ярости во время нашей ссоры у бассейна во Франции.

Каро. Каро и Себ. Себ и Алина.

– О господи, Алина... С ней все в порядке?

– «Рогипнол», – говорит доктор Пейдж, не обращая внимания на мой вопрос. Тон ее голоса бодр, лицо прояснилось. – Боюсь, довольно большая доза. – *Такая убьет слона.* Том никак не отреагировал на ее слова. До меня доходит, что это для него не новость. – Пришлось сделать вам промывание желудка. Кроме того, у вас было субкраниальное кровотечение, поэтому мы...

– Понятно, но Алина, с ней всё в порядке? – перебиваю я ее.

– А почему с ней что-то должно быть не так? – спрашивает Том, вытаскивая из кармана телефон. Медсестра пытается протестовать, мол, в больнице пользоваться мобильниками запрещено, но доктор Пейдж качает головой, и она умолкает.

– Потому что Каро помешана на Себе. Потому что все было из-за этого. Северин... все на свете. Все из-за Себа.

Но Том уже разговаривает по телефону:

– Алина? Привет, это Том. – Мне слышно, как она отвечает ему, но я не могу разобрать слов. – Да, я сейчас у нее в больнице. Слава богу, она пришла в себя. Врач говорит, что с ней будет все в порядке.

– Каро приходила к ней? – нетерпеливо спрашиваю я.

Том кивает, затем пару мгновений слушает и говорит:

– Нет, это явно тут ни при чем. – Что тут ни при чем? – Мы как раз пытаемся выяснить, что, собственно, произошло. Извини, хочу задать тебе один странный вопрос: Каро приходила к тебе? – Он внимательно слушает, затем смотрит на меня и качает головой.

– Не разрешай ей... – говорю я, но Том уже кивает мне и поднимает руку. – Послушай, я пока не совсем уверен, что происходит, но мне кажется, что ты девушка сообразительная, – говорит он в трубку. – Я тебе позвоню, как только выясню что-то новое. Сообщи мне, когда вы с Себом вернетесь в Лондон.

Он нажимает на кнопку отбоя и смотрит на меня.

– Она неважнецки себя чувствовала, поэтому взяла недельный отпуск, и они с Себом вчера уехали в Корнуолл, погостить у ее матери. Каро звонила ей пару раз вечером накануне их отъезда. Алине показалось, что та разговаривала как-то странно. Поэтому сказала ей, что до отъезда у нее не будет времени, чтобы встретиться с ней.

Я мысленно произвожу математические расчеты. Моей гудящей от боли голове это стоит больших трудов. Одновременно меня посещает мысль, что болеутоляющие лекарства, которые мне дают, тоже этому не способствуют. Алина сказала, что Каро позвонила ей накануне их отъезда, а также что они с Себом уехали вчера. Значит, Каро звонила ей два дня назад. Я тоже пробыла без сознания два дня. Похоже, как только Каро ушла от меня, она принялась названивать Алине. Интересно, что заставило Алину насторожиться? Но что бы это ни было, она, будучи особой сообразительной, прислушалась к сигналу тревоги. Я вновь откидываюсь на подушку, но тотчас вспоминаю, что не поняла одной фразы Тома.

– Что тут ни при чем? – спрашиваю я.

– Ты о чем?

– Ты сказал «нет, это ни при чем». Что ты имел в виду? – Я в очередной раз замечаю, что медсестра и доктор Пейдж с головой ушли в свои дела, а значит, на самом деле внимательно все слушают. И тут до меня доходит. – Все понятно. Вы думали, что это попытка самоубийства. – По лицам всех до единого видно, что я права. В моей голове мелькает воспоминание. – Она сказала, что вы так и подумаете, – шепчу я.

– С таким количеством препарата в крови это вполне резонное предположение, – говорит доктор Пейдж и пожимает плечами: – Удивляюсь, как вы сумели позвать на помощь. – Я озадаченно смотрю на нее. Я позвала на помощь? Кого я позвала? Но доктор Пейдж уже готова задать следующий вопрос. Если я хочу поддерживать разговор на моих условиях, мне следует ускорить мыслительные процессы. – Как он вообще попал в ваш организм?

Не пойму: то ли она мне не верит, то ли просто такая дотошная.

– Каро принесла бутылку вина, – просто говорю я, хотя, наверное, не так невозмутимо, как хотелось бы. Моему голосу еще далеко до нормы, а когда я думаю о том, что произошло или могло произойти – кстати, а что произошло? – мое горло как будто сжимает клещами. – Меня не было в комнате, когда Каро открыла ее и налила мне бокал. Я не пыталась свести счеты с жизнью, я никогда этого не сделала бы. Никогда. К тому же я понятия не имею, где можно раздобыть «Рогипнол».

В голове тотчас всплывают слова: *зря ты не установила на «Айфон» пароль*. Тот же самый «Айфон» на полу, экран ярко светится разноцветьем красок.

– Это серьезное обвинение, – осторожно говорит доктор Пейдж.

– Это была серьезная попытка убить меня, – отвечаю я. Моей голове далеко до ее спокойствия.

Она кивает, но скорее не в знак согласия, а тщательно взвешивая мои слова.

– Послушайте, я никоим образом не пытаюсь влиять на вас, но вы должны понимать, что «Рогипнол» способен смешать ваши воспоминания в кучу. – Том стоит не шелохнувшись. Не знаю, о чем он сейчас думает, но Том внимательно слушает докторшу. – Если честно, в глазах закона вы будете ненадежным свидетелем. Вы уверены, что хотите заявить об этом в полицию?

Хочу ли я?.. Заглядываю внутрь себя, в поисках холодного страха, который я хорошо помню; в поисках ярости, которую хочу там найти; в поисках Кейт, которой хотела быть, но не уверена, что все они там. На меня накатывается тоска по Северин, я вновь хочу увидеть ее прекрасный, молчаливый призрак. Но ее здесь нет. Каро отняла ее у меня, более того, отняла дважды. Осознав это, я наконец нахожу сверкающее острие стали. Том смотрит мне в лицо.

– Если Каро заранее приготовилась к этому... – тихо говорит он, и его голос похож на сдавленное рычание. – Что еще она могла сделать?

Спасибо ему, что так быстро меня понял. Похоже, он уже расставил все точки над «i». И возможно, уже соединил между собой большую половину фактов. Он застыл и по-прежнему серьезно смотрит на меня, будто ожидает подтверждения своей правоты. Я молча киваю, и Том медленно выдыхает. Каменная маска на его лице сменяется разочарованием с примесью злости.

– Да, я хочу заявить об этом в полицию, – говорю я как можно более твердо, насколько это позволяет мне мой ватный язык.

– Понятно, – вздыхает доктор Пейдж. – В таком случае мы со своей стороны подготовим все необходимые документы. – Она смотрит на Тома и меня, и ее взгляд смягчается. – Кстати, примите к сведению, этот ваш друг с самого начала не верил, что вы пытались наложить на себя руки, – говорит она с улыбкой. – Всем, кто был готов его выслушать, он говорил, что этого быть не может. То же самое могу сказать про вашу подругу Лару. – Я снова смотрю на Тома. В какой-то момент он исхитрился снова взять мою руку в свою, даже если она пока что не до конца принадлежит мне. Я смотрю в его глаза, его замечательные глаза над таким же замечательным носом, и внезапно мне делается страшно, что я вот-вот разревусь.

– Могу я теперь сообщить вам подробности вашего состояния? – кисло спрашивает доктор.

Я улыбаюсь и киваю. Она же пускается в пространные объяснения,

требующие использования жутко высоколобых научных терминов, которые я пропускаю мимо ушей, потому что, вопреки всем рискам, я сейчас здесь и со мной всё в порядке или, по крайней мере, скоро будет в порядке. К тому же Том держит мою руку, которая с каждым ласковым поглаживанием его большого пальца все больше и больше становится моей. Время напоминает ленту, и эта лента разматывается и уходит передо мной вдаль. Несмотря на медикаменты, которыми меня накачали, до меня постепенно доходит, что едва не произошло со мной, что у меня едва не было отнято. Внезапно я чувствую, как по моим щекам катятся слезы.

– Не переживайте, – мягко говорит доктор Пейдж. – Это обычная реакция на медицинские препараты.

– А по-моему, – хмуро говорит Том, – это скорее реакция на попытку убийства. – Он снова трогает мое лицо, и его прикосновение полно нежности. Я прижимаюсь щекой к его ладони, и на этот раз моя голова не стучается об нее.

– На попытку убийства? – доносится от дверей знакомый голос. – А вот об этом я хотел бы услышать подробнее.

Модан. Сегодня он не в костюме, однако все равно одет с иголочки. На нем джинсы, рубашка и джемпер – то есть то, в чем миллионы мужчин ходят каждый день, – и все равно от него исходят поистине французский шарм и элегантность. Или же это впечатление происходит от того, как он, вопросительно выгнув бровь, в небрежной позе застыл в дверном проеме?

– *Bonjour, monsieur*, – еле слышно шепчу я. Внезапно на меня накатывается страшная усталость. Надеюсь, он не арестует меня, пока я лежу на больничной койке? – Вы всегда найдете дорогу куда угодно.

– Верно, но сегодня я скорее выступаю в роли курьера, – отвечает Модан и со смущенной улыбкой поднимает руку. Я тотчас узнаю болтающуюся в ней сумку Лары и делаю из этого вывод: мир восстановлен. – Лара в туалете. Хотя, возможно, нам следует поменяться ролями.

– Возможно, но не сейчас, – твердо заявляет доктор Пейдж. – Пациентке требуется сон. Как только ваша подруга Лара скажет ей «Привет!», мы должны будем дать ей снотворное.

– Вам повезло попасть сюда, – говорит Модан, бочком делая пару шагов в палату. Его голос серьезен, и в кои веки рот в обрамлении двух глубоких морщин как будто трезв. – За мою карьеру я насмотрелся немало... смертельных доз. Для меня великое счастье видеть вас снова.

От его простых, но искренних слов у меня в горле застревает комок. Я киваю – это все, на что я способна. А когда наконец вновь обретаю голос,

спрашиваю:

– Как я... как я оказалась здесь? Откуда пришла помощь?

– Ты позвонила мне, – отвечает Том. – Со своего «Айфона». Наверное, голосовой командой. Никогда не думал, что скажу такие слова, но спасибо Господу за такую вещь, как приложение «Сири». Я думал, ты звонишь по поводу цветов... – Цветов. Сколько же вокруг меня темных секретов. Что-то стучится в мое сознание, но затем вновь ускользает прочь. – По большому счету, ты ничего не сказала, за исключением одного слова, похожего на «помоги!». – Том на миг умолкает и хмурит брови. Мне тотчас становится не по себе. – Я с трудом узнал твой голос. – В его голосе тоже есть нечто странное, что-то вроде растерянности или недоумения. – Я был почти готов поклясться, что это...

– Кто? – спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Мне кажется, я знаю, кто меня спас. Но момент упущен. Том качает головой:

– Как бы то ни было, я сразу позвонил Ларе, поскольку знал, что у нее есть ключ, а она позвонила Модану, – Том кивком указывает на француза. Похоже, между ними имеется некое мужское взаимопонимание, которое я сразу не заметила. – Они оба тотчас помчались к тебе домой, нашли тебя и вызвали «Скорую». Я приехал через десять минут после них, а через несколько минут после меня...

– погоди, – внезапно говорю я. Мой затуманенный мозг напомнил мне, что я должна сказать что-то важное. – Модан, Северин убила Каро. Она сидела в «Ягуаре», принимала кокаин. Она отправилась на автовокзал, чтобы изобразить Северин. Она нарочно замотала голову шарфом, чтобы никто не понял, что она блондинка. – Модан пристально смотрит на меня и уже подвигает к моей кровати стул. – Вы должны поверить мне.

Полицейский серьезно кивает:

– В таком случае вы должны рассказать мне все.

– Но только не сейчас, – резко возражает доктор Пейдж. – Как я уже сказала...

– Очнулась!

Это в палату врывается Лара. Настроение тотчас взмывает вверх, несмотря на слезы, которые слышатся в ее смехе. Передо мной вновь солнышко-Лара, которая повсюду носит с собой это свое качество. Лара – это Лара. Том – это Том. Правда, пока не понятно, что представляет собой Модан, но время – это лента, и она тянется вдаль передо мной. Так что это я еще наверняка сумею выяснить.

Моя голова цела, но в ней есть трещины. Трещины в моей памяти, трещины в понимании того, что случилось, трещины в опыте времени.

Трещины. Одни вещи кровоточат сквозь них, другие спешат ускользнуть прочь. В отдельные моменты в одну из них бесшумно прокрадывается хитрый зверь усталости, чтобы запрыгнуть мне на плечи и, впившись в них когтями, повалить меня на пол. Последующие несколько дней состоят из редких периодов бодрствования, резко сменяющихся забытием, таким глубоким и полным, что мне делается страшно, но я бессильна ему противостоять.

Иногда в светлые промежутки со мной беседует полиция. Не берусь утверждать, сколько раз. Похоже, всем заправляет Модан, хотя внешне он постоянно оказывает знаки уважения как будто высеченному из гранита местному полицейскому (похоже, в Британии полицейских добывают в каменоломнях?), к лицу которого намертво приклеена маска сомнения. Мне остается лишь надеяться, что это просто профессиональная привычка и мой случай здесь ни при чем. Под моим случаем я имею в виду попытку Каро отравить меня. Никто не говорит со мной о том, что Каро убила Северин, что, если честно, мне не совсем понятно и чему у меня нет логического объяснения. Модан и его британские коллеги приходят побеседовать со мной, затем уходят и возвращаются снова. Или же это я ухожу и возвращаюсь...

Лара тоже приходит, приносит журналы, которые я не могу читать, потому что слова ползают по странице. Она также приносит шоколад, виноград, цветы – и себя. Я получаю полный отчет о моем выздоровлении. Лара рисует картину, на переднем плане которой, сияя, стоит Модан. Я же невольно думаю о том, что моя несостоявшаяся смерть возродила к жизни их отношения.

– Если честно, – говорит Лара голосом, исполненным восхищения, – он просто гений. Я была в полной растерянности; он же точно знал, что нужно делать. Честное слово, тебе следовало там быть.

– Вообще-то я там была, – шутливо напоминаю ей я.

Ее лицо тотчас делается серьезным:

– Господи, знаю, знаю... Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду.

– Извини. – Полная раскаяния, я беру ее за руку, и мы улыбаемся друг дружке; впрочем, ее улыбка довольно кислая. – А что потом? Модан?

Лара краснеет.

– Как только жизнь твоя оказалась вне опасности, он отвез меня домой. Было часов шесть утра. Он купил круассанов в булочной на углу... ну, ты знаешь, по соседству с моим домом? Она открывается рано... В общем, мы с ним съели круассаны, и он уложил меня в постель, а сам собрался уйти. Но я не хотела оставаться одна, и тогда он тоже остался. Но

между нами ничего не было, ну, ты понимаешь, он просто заботился обо мне, ну и... с тех пор мы вместе. – В ее глаза и голос вернулось веселое головокружение. Лара как будто вся светится изнутри. – Он хочет подать прошение о переводе в отдел международных связей здесь, в Лондоне. Это что-то вроде Интерпола, насколько я понимаю. Он давно уже подумывал об этом, а теперь, по его словам, там открывается вакансия... Ладно, сейчас не об этом, – многозначительно добавляет она. – Скажи лучше, как там у вас с Томом?

Я чувствую, что краснею. Том где-то здесь, выскочил принести для Лары кофе. Том здесь. Том почти всегда здесь. Вчера я даже спросила у него, не ушел ли он с работы. На что Том мягко ответил, что сегодня – то есть вчера – воскресенье. Это значит, что сегодня понедельник. (Ведь так? Ну да, конечно, понедельник.) Но он по-прежнему здесь. Держит меня за руку, время от времени целует мои (все еще не мытые) волосы. Но мы с ним ни разу не говорили о том, что это значит. На мое счастье, не нужно отвечать на вопрос Лары, потому что Том возвращается, вооруженный тремя стаканчиками кофе, хотя мы все прекрасно знаем, что я усну, так и не допив свой.

Наконец ко мне приходят Модан и британский полицейский. Оба, как никогда, серьезны. Они еще не успели открыть рта, как я, несмотря на свою черепно-мозговую травму, уже догадалась, что это значит.

– Вы не станете предъявлять ей обвинения, – говорю я, хотя они еще даже не успели сесть. Сама я сижу в постели в отдельной палате. (Слава богу, учреждая собственную фирму, я не стала экономить на больничной страховке.) Том сидит на стуле рядом с моей кроватью, лениво перелистывая спортивный раздел газеты. Увидев, что входит Модан, он встает и по-мужски, но сердечно обнимает его. Я постоянно хочу спросить его об этом и постоянно забываю. Еще одна вещь, которая постоянно проскальзывает в трещину.

– Верно, – изрекает констебль Стоун. Вообще-то его фамилия не Стоун, и он не констебль, а скорее всего следователь, но эти детали для меня не важны. – Не станем. – Он разводит руками, но в его исполнении этот жест резкий, грубый, ему не хватает элегантности Модана. Затем подтягивает брюки, устраивается на стуле и, опершись локтями о колени, подается вперед. Его огромная голова с короткой рыжеватой щетиной напоминает мне голову приготовившегося к атаке быка. Чтобы такому мощному черепу треснуть, одного моря белого кафеля явно будет мало.

Модан остается стоять, как будто затем, чтобы еще сильнее подчеркнуть разницу между ними: коренастый британец и длинный, тощий

француз. Один резок и прямолинеен, второй – обманчиво обаятелен. Что ж, весьма эффективное сочетание.

– Дело в том, что все сводится к «он-сказал-она-сказала». – Может, все-таки «она-сказала-она-сказала»? Но он говорит дальше, и я должна сосредоточиться, чтобы поспевать за ним. – Нет никаких улик, которые свидетельствовали бы о ее пребывании в вашей квартире. На бутылке вина нет даже отпечатков пальцев.

– Даже отпечатков пальцев Кейт? – многозначительно спрашивает Том.

– Даже отпечатков пальцев Кейт. Согласен, это довольно странно, но это не доказывает вины мисс Хорридж. Дата, когда в телефоне Кейт появился номер телефона наркоторговца, совпадает с датой вечеринки, но это тоже не может служить доказательством. – Стоун чешет свою щетину. Видно, что он раздосадован.

– И вы не станете предъявлять ей обвинения, – повторяю я.

Молчавший до этого момента Модан делает шаг вперед. Лицо его серьезно как никогда.

– А что мы можем поделать? Улик ведь нет.

– По делу об убийстве Северин тоже не было никаких улик, но тем не менее вы всеми силами пытались повесить его на меня, – бесцеремонно говорю я.

Модан негромко ахает:

– Боюсь, вы отстали от жизни. Дело закрыто.

Я вопросительно смотрю на него:

– Вы арестовали Каро? – Я жду, что сейчас услышу положительный ответ, но боюсь, так и не дождусь.

Модан качает головой:

– *Noi*. Там тоже недостаточно улик. Но расследование закрыто. Скажем так, оно было непопулярно с политической точки зрения. И его было решено закрыть.

– Закрыто? Закончено? – Закончено... Мне не надо бояться, что меня арестуют. Впрочем, мне на ум тотчас приходят слова Лары. На самом деле ничего не закончено. *Даже если они отправят дело в архив как нераскрытое, где гарантия, что рано или поздно что-то не всплывет?*

Можно ли закрыть дело, так и не арестовав преступника? Я снова ищу глазами Северин и лишь затем вспоминаю, что ее здесь больше нет.

– Закрыто, – хмуро кивает Модан. Мне видно, что это его раздражает. – Я знаю, на ком лежит ответственность, но, не имея улик, ничего не могу доказать.

Улики. Он произносит это слово с особым нажимом и сильным

французским акцентом, пристально глядя мне в глаза. Улики. Такое ощущение, будто он бросает мне вызов.

– Я тоже знаю, на ком лежит ответственность, и это не я.

– Вы меня неправильно поняли, – говорит француз, качая головой. – Я никогда не думал, что это вы. – Я вопросительно смотрю на него. – Вернее, если и думал, то недолго, – уточняет он, и я ловлю себя на том, что улыбаюсь. Модан лукаво улыбается мне в ответ; его умные глаза светятся хитрым юморком.

– Вот как? Это почему же? – спрашивает Том, как будто это представляет для него чисто академический интерес.

– Потому что она вела машину. – Полицейский преподносит это Тому как нечто очевидное. – Всю дорогу назад.

Мы с Томом обмениваемся недоуменными взглядами.

– Но ведь, кроме меня, ни у кого не было страховки, – говорю я.

– *Exactement*^[13]. Не в ваших привычках нарушать правила, даже по таким мелочам. Это... это не вписывалось в мою версию. Я не мог поверить, что вы намеренно убили ее. И даже если б убили случайно, то наверняка бы вызвали *les gendarmes*, полицию, «Скорую помощь». Потому что по натуре вы не обманщица. *Et voilà*. Значит, это не вы.

Том и я обмениваемся еще одним недоуменным взглядом. Даже констебль Стоун, похоже, не ожидал от своего французского коллеги столь ненаучного объяснения.

– Мне кажется, инстинкт – неотъемлемая часть вашей работы, – изрекает Том спустя мгновение. В его устах это звучит как попытка не заглядывать в зубы дареному коню.

– Верно, – соглашается Стоун, хотя видно, что он тоже слегка растерян.

– Зато обман – часть природы Каро, – продолжает Том.

Каро. Вот как оно будет. Каро получит все, что ей нужно. Пусть не сразу, но она готова вести долгую игру. Рано или поздно Алина неким пока еще неведомым образом будет сметена в сторону, и тогда Каро заполучит Себа, партнерство в «Хафт и Вейл» и поле деятельности, свободное от всяких соперников. Я не удивилась бы, услышав, как она нашептывает Себу на ухо про то, как эта несчастная, съехавшая с катушек Кейт пыталась свести счеты с жизнью, а потом возложить вину за это на нее. Кстати, почему только Себу? *Я так переживаю за Кейт. С ней явно случился срыв. Она наглоталась таблеток и теперь обвиняет в этом меня. Нет, вы представляете? Полиция даже была вынуждена расследовать ее заявления, но вскоре стало понятно, что это ее большие фантазии, и дело*

было закрыто. Бедняжка.

В этот момент я с холодным ужасом понимаю: если чему-то и конец, так это моей фирме. Ничего хорошего мне не светит. И подумаешь, что полиция закрыла расследование по делу Северин. Каро не прекратит распускать про меня слухи. Я смотрю на Тома и по его расстроенному лицу понимаю, что он пришел к тому же выводу.

Модан мрачно кивает:

– Мы нашли в машине – в «Ягуаре» – кокаин. Внутри... как это по-английски? – внутри швов водительского сиденья. Подозреваю, она была влюблена в Себа, причем давно. Думаю, ей было приятно видеть, как Кейт и Себ ссорятся, и она решила, что теперь ее очередь занять место рядом с ним, *n'est-ce pas?* – Обычно Модан – человек жестов; но сейчас он застыл неподвижно, давая словам время произвести максимальный эффект. – По всей видимости, ее взбесило, что вместо нее он предпочел Северин. Предполагаю, по чистой случайности Северин попала ей, когда возвращалась домой. Сидя за рулем, Каро утратила контроль над собой и...

Я смотрю на Модана и как наяву вижу, как это случилось. Прижав руку к окровавленному виску, Северин стоит, пойманная светом фар приближающегося «Ягуара».

– Однако она мгновенно сообразила, что ей лучше не вызывать полицию. Ведь полицейские тотчас обнаружат в ее крови наркотик. Даже если ее не обвинят в умышленном убийстве, это будет означать конец ее юридической карьеры. Что, помимо Себа, было самой главной целью ее жизни. – Я продолжаю таращиться на Модана, слегка встревоженная его способностью свести человека всего к двум амбициям. Но он прав. Партнерство в «Хафт и Вейл» и Себ – это корень всего, что произошло. – И поэтому она решила избавиться от тела.

– Сама? – негромко спрашивает Том.

Модан мгновенно понимает, к чему он клонит.

– Точно утверждать не берусь, – так же мягко отвечает он. – Хотя, скорее всего, без посторонней помощи не обошлось.

Том, глядя в пол, кивает. Модан одно мгновение смотрит на него и говорит дальше:

– У машины вмятина в передней части, однако установить, как давно она там, невозможно. Как невозможно и доказать, что мисс Хорридж была в машине, даже с кокаином. У нас даже нет возможности доказать, что Северин погибла в результате совершенного на нее наезда. – Модан разводит руками и в гримасе сожаления кривит губы. – Увы, слишком поздно что-то доказывать.

– Но ведь она отправилась на автовокзал, чтобы сбить всех с толку. Именно поэтому и опоздала, когда мы все собрались уезжать. – И все то время, пока я, терзаясь по поводу размолвки с Себом, напряженно сидела за рулем моей крошечной машины, Каро как ни в чем не бывало удобно расположилась на заднем сиденье, как будто до этого не пыталась замести следы убийства... Как так получилось, что я тогда ничего не заподозрила?

– Как я уже сказал, поскольку у нее на голове был тюрбан, какой обычно закручивала Северин, никто не понял, что она блондинка.

Перед моим мысленным взором снова всплывает Каро в стильной красной шляпе – ее образ наложен поверх силуэта Северин.

– Но разве нельзя доказать, что это она, по пропорциям тела?

Модан кивает:

– *Oui*. Я уже думал над этим. Кстати, весьма полезная вещь. Но как улика не слишком надежная. В принципе, можно было бы доказать, что Каро *могла быть* на автовокзале, но мы никогда не доказали бы, что это точно она. Никто не хочет брать на себя риск оказаться проигравшей стороной. Возможно, будь этот случай менее политизированным...

– Целиком и полностью согласен с вами в том, что касается мисс Хорридж, – подает голос констебль Стоун, машинально водя рукой по рыжей щетине. С такой нужно бриться как минимум дважды в день, особенно если у него есть планы на вечер. – Учитывая, что мы не можем предъявить ей обвинение в убийстве француженки, мы очень надеялись, что сможем привлечь ее к ответственности за покушение на ваше убийство. Есть ли у вас что-то еще, что вы могли бы рассказать нам? Вдруг ее кто-то видел или слышал ваш с ней разговор? Мы опросили всех ваших соседей, но, увы... ничего.

– Вы говорили с Беном? Из квартиры напротив?

– Его имя Кен, – поправляет меня Модан. – Кен Морланд. – В его голосе нет осуждения, но я все равно его чувствую. Моя память или отсутствие таковой в тесной больничной палате сродни слону. Правда, говорят, что у слонов прекрасная память.

– Никогда не могла разобрать его имя, – бормочу я в свое оправдание.

– Гм, – констебль Стоун прочищает горло. – В любом случае мы его допросили. По его словам, когда он принес вам цветы, вы были дома одна, после чего он пошел прогуляться. А когда вернулся, увидел, что от дома отъезжает «Скорая».

Цветы. Я смотрю на Тома, готовая разреветься от обиды.

– Твои цветы уже наверняка завяли!

– Ничего страшного, – улыбается он. – Я куплю еще, с более

романтической карточкой, если ты не против.

И все же при упоминании цветов в моей памяти как будто что-то шевельнулось, и из трещины наружу вылезло щупальце некой мысли. Цветы, карточка, все мои секреты в одном темном кармане...

– Моя одежда! – внезапно восклицаю я.

– Доктор Пейдж тебя еще не отпустит, – предостерегает меня Том.

– Да нет, я имею в виду одежду, которая была на мне. Где она?

– В пакете с уликами, – отвечает констебль Стоун.

– Там, в кармане, кое-что лежит.

– Полагаю, вы уже устали, – говорит Модан. – Мы придем к вам позже, хорошо?

– Нет-нет, это как раз важно! – спешу возразить я ему. – У меня в кармане две вещи. Карточка от флориста. И диктофон. Не знаю, много ли на него записалось, но вдруг... – Я вспоминаю, как моя рука незаметно скользит в карман и так же незаметно выскальзывает оттуда.

Внезапно на лицах Модана и констебля Стоуна возникает интерес.

– Диктофон? Вы уверены? – переспрашивает констебль. Я киваю. – Но среди улик его нет, – возражает он.

– Вы сказали диктофон? Он еще похож на маленький кассетник? Он в верхнем ящике вашей тумбочки, – доносится с другого конца палаты бодрый голос. Медсестра. Я даже не заметила, как она вошла, чтобы проверить мой запас туалетных принадлежностей. – Правда, боюсь, он слегка треснул...

Я поворачиваюсь к тумбочке. Но Модан проворнее меня: он уже надевает на руку резиновую перчатку. Порывшись в ящике, извлекает оттуда небольшой черный предмет и осторожно переворачивает его. Один угол разбит, а через всю крышку пролегла трещина. Похоже, о кафельный пол ударилась не только моя голова. Но ведь я в рабочем состоянии. Почти.

– Он лежал у меня в кармане, – с волнением объявляю я. – Не знаю, насколько это приглушало звук. К тому же он старый, даже не цифровой...

Том берет меня за руку. До меня доходит, что я скорее говорю сама с собой, и я умолкаю. Модан между тем осторожно перематывает пленку. Та негромко скулит при перематке – я не припомню за ней такой звук. Время от времени механизм заикается и даже скрежещет, и тогда я сижу, затаив дыхание, пока перематка снова не идет гладко. А затем резко обрывается. Модан пару мгновений смотрит мне в глаза, а затем нажимает кнопку воспроизведения.

Я говорю, но мои губы не двигаются:

– Заранее договорись о встрече с кандидатом, пока мало кто знает, что

«Стоклиз» ведут активную рекрутинговую политику... пусть Джулия договорится на понедельник...

Все так же глядя Модану в глаза, я качаю головой и говорю скорее самой себе:

– Нет, не то.

И вдруг на пленке слышится другой разговор. Сначала возникают какие-то неясные, приглушенные звуки, затем такие же неясные голоса. Голос явно женский, возможно, даже их два. Впрочем, что они говорят, разобрать практически невозможно. Модан вопросительно выгибает бровь. Я едва заметно киваю. Он смотрит на регулятор громкости. Тот уже стоит на максимуме.

– Я не могу, – пытаюсь сказать я, но Модан поднимает руку, приказывая мне молчать. И мы все вчетвером слушаем разговор, который как будто доносится из другого измерения и времени. Время от времени всплывают лишь отдельные слова. Я слышу: *Даррен Лукас*. Я слышу: *обвинение*. Я слышу: *цветы*. Мне проще, я была участницей этого разговора. А вот Том явно блуждает в потемках. Увы, даже мне понятно: качество записи таково, что от нее никакого толка. Все мои надежды идут прахом. Пленка продолжает напрасно крутиться. Мы молча сидим. И я вновь задумываюсь над своим будущим. Вряд ли у меня получится начать все сначала. Слухи будут тянуться за мной постоянно. Господи, что же мне делать?

Спустя какое-то время запись сходит на нет, слышны лишь обрывки слов и какие-то неясные шорохи. Не знаю почему, но меня от них клонит в сон. Затем запись резко смолкает, причем с громким хрустом, как будто что-то разбило микрофон. Я отлично помню этот хруст, а также море белого кафеля, устремившееся мне навстречу. Модан театральным жестом нажимает кнопку «стоп».

– Бесполезно, – убитым голосом говорю я.

– Отнюдь, – возражает полицейский. Как ни странно, вид у него довольный. Внезапно до меня доходит, что констебль Стоун почти улыбается. – Мы слышим, как разговаривают двое, две женщины. И даже если мы не можем разобрать их слов, техники наверняка сумеют это сделать, *oui*? – Констебль согласно кивает, и Модан вновь поворачивается ко мне: – Bravo, *madame*.

Madame. Я вздрагиваю. Теперь я *madame*, а вот Северин навсегда останется «мадемуазель, ваша соседка». Это слегка остужает мою надежду, что не все, однако, потеряно.

– Хотя должен заметить, – с явной неохотой подает голос констебль, и

лицо его вновь превращается в гранитную маску, – закон запрещает делать подобные записи без согласия всех участников разговора.

– Это произошло случайно, – невозмутимо заявляет Том. – Кейт часто носит с собой диктофон, и его легко включить по чистой случайности.

Я энергично киваю в знак согласия, хотя, если честно, я пользуюсь диктофоном от силы пару раз в месяц.

– Это так? – сухо уточняет констебль Стоун и смотрит на Модана.

– Да, по чистой случайности, – говорит тот. Его глаза светятся хитрецей. Он разводит руками: – Я бы даже сказал, по счастливой. Согласитесь, ведь такое бывает, *oui*?

– Думаю, да, – нехотя соглашается его британский коллега, поднимаясь на ноги. Впрочем, я вижу, что в уголках его рта затаилась улыбка. – Ладно, поручим это дело нашим техникам. Ничего пока не обещаю, однако надеюсь... если мы хотя бы докажем, что она там была...

Детективы уходят. Мы с Томом провожаем их взглядами: сейчас, когда их настроение явно пошло вверх, они еще больше напоминают мне комедийную пару.

– Как ты понимаешь, это не сработает, – мягко говорит Том. Я недоуменно поворачиваюсь к нему. Его взгляд по-прежнему хмур. – Не хочу, чтобы ты тешила себя несбыточными надеждами. Даже если ее арестуют, ничего доказать они не смогут.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что это Каро. – Том вздыхает: – Она найдет себе лучшего адвоката, какого только можно купить за деньги. Ее отец наверняка постарается. Чтобы отправить ее за решетку, тебе нужны материальные доказательства и ее собственное чистосердечное признание. Ничто другое не прокатит. Первого у полиции нет, и я более чем уверен, что даже после того, как полицейские техники поколдуют над пленкой, она по-прежнему станет все отрицать. Конечно, я могу ошибаться, но...

Я смотрю на него, и мысли лихорадочно вертятся в моей голове. Призналась ли Каро? Я с трудом пробираюсь сквозь руины моей памяти. *Такая доза убьет слона*. Выходит, она все же призналась; иное дело, есть ли эти слова на пленке? Где она стояла, говоря эти слова? И где – я? Я не помню, память об этом выскользнула в одну из трещин.

– Понятно. То есть ты считаешь, что она уйдет от наказания.

Том печально кивает. Тогда я пытаюсь сложить фрагменты мозаики сама, в надежде прийти к другому выводу. Увы, бесполезно. Несправедливость этого бесит. Мне так и хочется сорвать злость на ком-то или на чем-то. На ком? На чем?

– То есть она останется безнаказанной, я же останусь ни с чем, – убитым голосом говорю я.

– Я бы не сказал, что совсем уж ни с чем. – Том бережно берет мою руку и пристально на нее смотрит. – Я надеюсь. – Он поднимает глаза, и от его взгляда у меня перехватывает дыхание. – Мое сердце обливалось кровью при мысли, что ты здесь. Не знаю, в какие дурацкие игры я играл, почему я тянул все эти годы... И я не намерен ждать второй раз.

Я смотрю на него. Том. Мой Том. Том, каким он всегда был, и мне следовало это знать.

– Все эти годы?

– Да, все эти годы. – В уголках его рта играет улыбка.

– Но ты ведь спал с Ларой! – Не знаю даже, затем я возвожу между нами лишние преграды. Ведь я просто обожаю его.

Том закатывает глаза.

– Мне был двадцать один год, и мой двоюродный брат спал с девушкой моей мечты. Разумеется, я терзался ревностью, но это не сделало из меня монаха. В любом случае ты спала с моим двоюродным братом. Много раз. А это будет гораздо труднее объяснить моим родителям за рождественским столом.

– Но ведь между нами ни разу ничего не было, – задумчиво произношу я.

Том выразительно приподнимает брови.

– Готов исправить это прямо сейчас, но, боюсь, персонал больницы этого не одобрит. Но наш первый поцелуй точно нес в себе обещание. – Он смотрит мне в глаза, и между нами как будто пробегает ток. Воздух густеет и становится плотным и упругим – на него можно даже опереться.

– Ну, так как? – шепчет Том, и его шепот переносит меня в тот самый темный сладостный коридор. – Ты согласна?

– Да, – шепчу я в ответ. Том целует меня, и после его поцелуя я чувствую себя гораздо, гораздо лучше.

Глава 21

Время идет. Я не могу уследить за ним, или сберечь, или сделать на нем пометку – лента проскальзывает у меня между пальцев. И время показывает, что Том, разумеется, прав. Пленка в диктофоне очищена от посторонних шумов, но все равно часть записи разобрать нельзя. И что обиднее всего, ту ее часть, где Каро признается в том, что подмешала мне в вино наркотик, – при условии, что такое признание вообще имело место, хотя оно и засело крепко в моей памяти. Несмотря на отсутствие признания, полиция допрашивает Каро. Надо отдать полицейским должное: они сделали все, что могли, даже вышли на ее наркоторговца (он единственный, кого арестовали в связи с этой историей). Я же страстно взываю к небесам, чтобы это расследование поставило жирный крест на шансах Каро получить в этом году партнерство. Безусловно, расследование – даже в большей степени, нежели расследование убийства Северин, – должно отвлечь ее от своей заветной цели. Однако перед лицом лучших адвокатов, каких только можно купить за деньги (в этом Том тоже был прав), решено не выдвигать против нее никаких обвинений.

Кстати, к этому моменту я уже на работе – щеки впалые, но голова ясная, а бо́льшая часть трещин в ней надежно заклеены. Пол молодец – отлично держал оборону форта «Ченнинг и Ко», пока меня не было. Для этого он принял на редкость разумное решение, а именно повысил в должности Джулию, а на ее место взял временную секретаршу. Как выяснилось, Джулия вошла в роль, и у меня рука не поднимается понизить ее. Теперь у меня увеличился штат, и это при том, что перспективы получить новый контракт у нас нулевые, поскольку слухи с каждым днем нарастают как снежный ком. Мы скрупулезно исполняем контракты, которые у нас уже есть, но всякий раз, разговаривая с Полом, я вижу в его глазах весы, на которых он взвешивает момент, когда ему лучше соскочить с тонущего корабля. С другой стороны, я даже рада, что у меня есть Джулия. Первые несколько недель на работе я чувствовала себя как выжатый лимон и от усталости едва волочила ноги. Ни Пол, ни Джулия толком не знают, что случилось, хотя я подозреваю, что Том мог рассказать Полу больше, чем мне кажется. Во всяком случае, в общении с клиентами Пол весьма мудро объяснял мою госпитализацию травмой головы, не вдаваясь при этом ни в какие детали.

К моему великому удивлению, контракт с фирмой «Хафт и Вейл» не

был отозван. В мое отсутствие Пол активно занимался им, тесно сотрудничая с кем-то помимо Каро, ибо та была поглощена процессом отбора кандидатов в партнеры. (По крайней мере, согласно официальной версии.) Я не стала возвращать этот контракт под свой контроль. Поэтому, выйдя днем из офиса, чтобы купить себе сэндвич, я застигнута врасплох: у входа меня ожидает Гордон Фарроу. Я тотчас застываю на ступеньках как вкопанная.

– Привет, – неуверенно говорит он, так как я молчу. – Полагаю, вы не ожидали меня увидеть.

– Нет, – осторожно признаюсь я. – Не ожидала.

– Купить вам кофе? – Вопрос из той серии, что не предполагает положительного ответа. Наверное, поэтому я киваю.

– Тут рядом есть кафе, где можно также перехватить сэнд-вич, если вы еще не ели.

Мы идем рядом, и я украдкой смотрю на Гордона. Вид у него вполне обычный, я бы даже сказала, заурядный во всех отношениях. Похоже, он тоже рассматривает меня, потому что говорит:

– Я рад, что вы хорошо выглядите. Как ваше самочувствие?

– Быстро устаю, – отвечаю я и как бы в подтверждение своих слов зеваю. – Думаю, при травме головы такое бывает.

Мы находим в кафе свободный столик и устраиваемся, отгородившись друг от друга меню. Это не то кафе, где мы с Ларой когда-то наблюдали за птицей, но я все равно смотрю в окно и почти вскрикиваю, увидев Северин. Та шагает в мою сторону в своей обычной черной тунике. Она поворачивает голову и холодно смотрит на меня, затем идет себе дальше, прочь от кафе. Что это значит? Она вернулась? Она остается – или это она прощается со мной?

– Я так рад, что вы согласились встретиться со мной, – внезапно говорит Гордон и откладывает меню. Я заставляю себя переключить внимание на него, хотя меня так и подмывает вытянуть шею и проверить, ушла Северин или нет. – Я не думал, что вы согласитесь. Мне следовало знать, что вы не станете винить меня за... за любые сложности между вами и Каро.

– Сложности, – я тоже кладу меню. – Сложности, Гордон? Вы это так называете? Она пыталась убить меня. Она подмешала мне в вино «Рогипнол» и почти достигла своей цели. Прошу меня извинить, но я нахожу слово «сложности» не совсем уместным.

– Никаких улик нет. – Он пытается смотреть мне в глаза, но даже его легендарная сталь подрагивает.

– Так мне сказали. Но это еще не значит, что этого не было. Если вы слышали запись...

– Я слышал, – говорит Гордон и отворачивается.

– Кто... – начинаю я, но тут к нашему столику подходит официантка – пухлая брюнетка. Даже когда она говорит, ее лицо светится улыбкой. Не понимаю, с чего это она такая счастливая на работе? Это действует на нервы. Как только она уходит, я вновь ловлю на себе пристальный взгляд Гордона.

– Вы сердитесь на меня? – мягко спрашивает он.

– Да.

– Потому что я защищаю ее? Но ведь она моя дочь. И пока нет доказательств обратного, я вынужден верить ей. – Гордон объясняет это так, как будто мы с ним обсуждаем тонкости юридического договора.

– Это так необходимо? – Я задумываюсь. – Возможно. Не знаю. Как бы вы поступили, если бы улики были, но она утверждала, что они сфабрикованы?

Гордон пожимает плечами. На его губах играет слабая улыбка, которая мне не совсем понятна.

– Впрочем, я сержусь на вас не из-за этого.

– Тогда из-за чего же?

Я поражаюсь его самообладанию.

– В том, как она себя ведет, есть ваша вина. Вас и вашей жены. Вы тоже частично несете за это ответственность. Иначе откуда в ней такая уверенность, что подобное поведение допустимо? Где были проведены границы, когда она росла? Вы развелись, а затем ощутили свою вину; вы позволили ей уйти от наказания за убийство, а потом безнаказанность перестала быть метафорой. – Я умолкаю и беру стакан с водой. После моей гневной тирады меня слегка трясет. Я понятия не имела, какие слова слетят с моих губ. Неужели это и есть то, что я чувствую по этому поводу? Неужели я действительно обвиняю его?

Гордон печально смотрит на меня и молчит. Молчание это начинает затягиваться. Я ловлю себя на том, что, затаив дыхание, жду, как он отреагирует. По идее, мне должно быть все равно, что Гордон думает обо мне, но, как видно, не все равно. Наконец он вздыхает:

– Не могу сказать, что я целиком и полностью с вами согласен, но я уважаю ваше право на свое мнение. В любом случае, если честно, мне вряд ли станет от любых ваших слов больнее, чем сейчас, – говорит он. И в этот момент я действительно вижу в его глазах боль.

– Видите ли, – отвечаю я, секунду помолчав, – я не уверена, что все

так просто.

Заметив, что я смягчилась, Гордон понимающе кивает. Между тем к нашему столу вернулась официантка с напитками. Ее лицо светится все той же улыбкой. Неужели у нее никогда не болят щеки?

– Есть одна вещь, которую я хотел бы сообщить вам прежде, чем она станет всеобщим достоянием, – говорит Гордон, помешивая молоко в своем кофе.

– Что именно?

– Каро временно отстранена от работы в фирме «Хафт и Вейл».

Я резко поднимаю на него глаза. Увидев мою реакцию, он грустно улыбается.

– Но почему? – устало спрашиваю я, так как он молчит.

Гордон делает глоток кофе.

– Как я уже сказал, мне дали прослушать запись. Вернее, дал французский детектив, очень даже проникательный тип. – Гордон пожимает плечами. Я же мысленно показываю Модану большой палец. – Наша фирма не может позволить себе игнорировать обвинения в адрес работников, тем более когда процесс отбора партнеров идет полным ходом. Я бы поступил точно так же по отношению к любому другому работнику. И не намерен делать для Каро никаких исключений.

– Вы поставили в известность управляющий комитет? – Подозреваю, что от неожиданности мои глаза вылезли из орбит.

– Да, я был обязан это сделать. – Подозреваю, что так оно и было, но ведь Каро... его собственная дочь... Я пытаюсь осмыслить тот факт, что Гордон доложил управляющему комитету об обвинениях в адрес дочери. Сколько же мужества нужно иметь! – Поэтому мы тщательно пересмотрели дело Даррена Лукаса, и на данный момент все обвинения с него сняты.

– А Каро?

– Против нее всплывают все новые и новые улики. И пока расследование не завершится, она временно отстранена от работы. – Гордон вновь на мгновение умолкает. – Она утверждает, что все улики сфабрикованы. Так что, думаю, через какое-то время у меня будет ответ на ваш вопрос.

Сама не знаю почему, но я смеюсь. А в следующий момент Гордон присоединяется ко мне с парой не совсем искренних смешков. В общем, мое самое заветное желание исполнилось: Каро как своих ушей не видит партнерства в фирме «Хафт и Вейл» – и, похоже, ни в одной другой. Не знаю даже, как она сумеет примириться с этим фактом. Впервые в жизни путь ей преградила граница, которую она не имеет права ни передвинуть,

ни переступить. Внезапно меня посещает мысль: запятнавший себя юрист вряд ли может надеяться на то, что грязным слухам, которые она распускает, кто-то поверит. Я пытаюсь представить опозоренную Каро, профукавшую свою звездную карьеру, лишившуюся возможности плести интриги, – и, к своему удивлению, представляю себе беззащитного птенца.

– Вообще-то это совсем не смешно, – печально говорит Гордон, когда наш смех стихает.

– Да, – серьезно говорю я. В моей голове крепко засели две этих картинки: Северин и птенец. – Я знаю.

* * *

Мы с Томом лежим в постели в темноте его спальни. У него здесь плотные, не пропускающие света жалюзи. Эта идея понравилась ему еще в Бостоне, и он привез ее с собой в Лондон. В комнате царит крошечная тьма. Но я комфортно чувствую себя в ней. Я привыкла воспринимать ее, как и просто существовать. Пальцы Тома лениво скользят по моей руке, от плеча до локтя. Те обещания ласки, которые всегда таили в себе его объятия, здесь, в спальне, становятся реальностью. Он прикасается ко мне так, как мне нравится больше всего: крепко и смело, но без излишнего нажима. От его прикосновений у меня кружится голова. Они также дарят мне ощущение безопасности.

Я знаю, что просто обязана сказать ему. И не могу придумать ничего другого, кроме как честно признаться ему.

– Я вижу Северин, – выпаливаю я. Рука Тома на миг замирает, затем возобновляет свой маршрут, хотя и чуть медленнее. – Не в том смысле, что я по-настоящему ее вижу. Только не подумай, что это что-то вроде «Шестого чувства»^[14]... но я ее вижу. С того момента, как ты сказал мне, что ее нашли в колодце. Вначале я видела ее кости, ее череп, но теперь я вижу ее всю. После того как я ударилась головой, она на какое-то время пропала, но затем снова вернулась. – Том молчит. – Ты считаешь меня сумасшедшей?

– Есть немного, – говорит он, но я слышу улыбку в его голосе.

– В таком случае Тео ты не видишь.

– Нет. – Том какое-то время молчит, а его пальцы застывают в неподвижности. Моя кожа тотчас просит их вернуться; даже мои кости. – Скорее... иногда я замечаю его отсутствие. И стоит это заметить, как от этого ощущения трудно избавиться: я вижу перед собой пустое

пространство, которое должен занимать он, – поясняет Том, и я скорее слышу, нежели вижу на его лице печальную улыбку. – Наверное, мне просто не хватает твоего воображения, чтобы его заполнить.

Мы лежим, завернутые в надежный кокон темноты, и я думаю о его словах. Неужели я просто заполняю пустое пространство? Но ведь Северин никогда не была частью моего мира, моего круга друзей. Объяснение Тома звучит не слишком убедительно, хотя крупица истины в нем наверняка есть.

– Она говорит с тобой? – внезапно спрашивает Том.

– Нет. – Разве только однажды, по одному крайне важному поводу. – Обычно она загадочно молчит.

Он негромко смеется:

– Думаю, Северин по достоинству оценила бы твое описание. Похоже, ты воспроизвела ее идеальным образом. – Его пальцы снова приходят в движение. – Хотя, если честно, это довольно странно. Я не замечал, чтобы вы с ней тогда подружились или типа того...

– Даже близко такого не было.

– Тем более странно, что именно ты из всех нас так зациклилась на ней.

– Думаю, для психоаналитика тут широкое поле деятельности, – говорю я с легкой усмешкой, хотя на самом деле жду, что он скажет в ответ. В конце концов – это главный момент разговора.

Том молчит. Подобная сдержанность не в его духе.

– Ты хочешь с кем-то поговорить об этом? – спрашивает он наконец.

Я не ожидала от него этого вопроса. Он заставляет меня задуматься.

– Вообще-то нет. Это, конечно, не нормально, но, с другой стороны, и не проблема. Я уже к ней... привыкла. – В смысле, я привыкла к Северин. Хотелось бы думать, что и она тоже привыкла ко мне.

Том задумчиво молчит. Теперь его пальцы скользят по моему бедру – вернее, вдоль всего моего бока, от подмышки и почти до колена.

– В таком случае не вижу проблемы. – Я молча улыбаюсь себе. Спасибо ему за его прагматизм. – Кстати, а сейчас она здесь?

– Нет, – говорю я, хотя, если честно, в такой темноте нельзя быть ни в чем уверенной.

– Отлично. – К движению его пальцев прибавляется движение его бедер. – Зрители мне не нужны.

Прекрасная лента времени постоянно скользит у меня между пальцами.

Мы встречаемся с Ларой и Аленом, с Себом и Алиной. Когда мы вместе, мы не вспоминаем о той неделе во Франции и не говорим о Каро. На какое-то время это становится весьма скользкой темой, которую мы все избегаем, таким пятном на наших воспоминаниях, от которого мы стыдливо отводим глаза. На нас всех лежит вина. Мы все подозревали друг друга, так что незапятнанных среди нас нет. Но жизнь продолжается, и со временем у нас появляются новые темы для разговоров. Кроме того, никто не видит Каро. Я вижу Северин, но точно знаю, что я такая одна. Время от времени я замечаю, что Том не видит Тео.

Мы с Томом разговариваем про Францию, про Северин. Нам обоим страшно, что когда-нибудь кто-нибудь по ту сторону Ла-Манша решит порыться в папках с нераскрытыми уголовными делами и возобновит расследование. Я точно знаю: у полиции никогда не будет достаточно улик, чтобы доказать вину Каро. Новое расследование – это лишь месяцы очередной нервотрепки и никакого удовлетворительного результата. Впрочем, нынешний результат тоже нельзя назвать удовлетворительным, но это какой-никакой результат: в конце концов Даррен Лукас обратился в полицию, и Каро признали виновной в мошенничестве. Правда, срок дали условный. Безусловно, это не срок за убийство и даже не за покушение на убийство. Но она больше никогда не сможет заниматься юридической практикой, ей никогда не стать партнером в фирме ее отца. Себ же порвал с ней всякие отношения. Так что некая, пусть даже косвенная, справедливость все же восторжествовала, что, по-моему, очень даже ей подходит. Не знаю, где она сейчас и чем занимается. Я больше не думаю про того птенца.

И вдруг однажды я вижу ее в зале ожидания аэропорта. Я сижу в кресле, склонившись над моим телефоном и пытаюсь поймать вай-фай, как вдруг Каро садится рядом со мной.

– Привет, Кейт! – говорит она. Я вскидываю голову и вижу ее.

– Каро...

От неожиданности я разеваю рот. Ее имя соскальзывает с моего языка, прежде чем я успеваю его прикусить. Каро хоть и не в деловом костюме – на ней джинсы и блейзер, – но выглядит стильно. Она как будто стала старше, но, как всегда, стройна. А ее волосы чуть более яркого оттенка, чем я помню.

– Ты, конечно, не хочешь говорить со мной... – начинает она. И на ее высоких скулах выступает румянец.

– Не хочу. Уходи.

– Я лишь...

Но я, прежде чем она успевает договорить, хватаю свою сумку и вскакиваю с кресла. Я не хочу тратить на нее даже крупицу моей душевной энергии. Я даже не говорю Тому, что видела ее. Не хочу, чтобы она отняла даже пару секунд моего времени. Больше я ее не вижу.

В отличие от Северин. Если я когда-то и надеялась на то, что, как только этот случай будет «раскрыт», она оставит меня в покое – развернется и, счастливая, уйдет прочь (нет, счастливая – это вряд ли, но, по крайней мере, довольная), навстречу яркому свету, или же медленно растворится в утреннем тумане, который исчезает вместе с восходом солнца, – так вот, даже если я на это надеялась, этого не случилось. Северин по-прежнему рядом.

Хотя, пожалуй, не так часто, как раньше. Любопытно отметить, что возбуждает в ней интерес. В целом наша с Томом семейная жизнь ее не трогает. Когда у нас появляются дети, ее рядом нет. Куда чаще ее появления можно ожидать, когда я на работе или там, где мне не хочется быть. Например, на родительском собрании в школе, куда ходят наши близнецы. Том считает, что это реакция на стресс, на что я с жаром возражаю, что рождение близнецов было самым большим стрессом в моей жизни, но где, черт возьми, она была в те мгновения? Однако Том лишь с улыбкой качает головой:

– Я имел в виду другой стресс.

У него многие вещи теперь вызывают улыбку. А порой даже смех. Мы с ним оба смеемся чаще. Не могу даже вспомнить, смеялась ли я когда-нибудь в моей жизни столько, сколько сейчас. Наверное, причиной всему близнецы и тот возраст, в котором они сейчас пребывают. Они все понимают буквально, для них не существует оттенков. Ирония и цинизм выше их понимания. Они заставили нас убрать эти вещи с глаз подальше, а вместо этого извлечь преувеличенную вежливость и готовность к смеху. Они сделали нас такими, какими мы хотели бы быть в их глазах, – добрыми, понимающими. От этого порой жутко устаешь, но мы точно стали добрее.

От фирмы «Ченнинг и Ко» я тоже жутко устаю. Теперь нас семь человек в просторных кабинетах. На всякий случай у нас в шкафу стоят бокалы для шампанского, чтобы всегда можно было отпраздновать новый контракт. Пол, похоже, доволен тем, что остался, хотя его знаменитые перепады настроения никуда не делись. Гордон Фарроу взял на себя обязанности неофициального ментора нашей фирмы. Хотя бы раз в месяц

мы с ним встречаемся за обедом или ужином, а иногда даже чаще. Мы не говорим с ним про Каро. Иногда я ловлю себя на том, что он стал мне кем-то вроде отца. Да, но видит ли он во мне дочь? Впрочем, мне хватает мудрости не стремиться к симметрии в отношениях...

Прекрасная лента времени скользит между моими пальцами – и на всем ее протяжении рядом со мной легкой походкой шагает изящная, загорелая девушка. Ее темные глаза как будто вбирают в себя все, но ничего не отражают. И я никогда не вижу ее улыбки.

notes

Примечания

1

Да (фр.).

Дериватив – договор (контракт), по которому стороны получают право или берут обязательство выполнить некоторые действия в отношении базового актива; обычно предусматривается возможность купить, продать, предоставить, получить некоторый товар или ценные бумаги.

3

Итак (фр.).

4

Пожалуйста (*фр.*).

5

Не правда ли? (фр.)

6

Фактически – запрет задержания без законного основания.

7

Нет (*φρ.*).

8

Абсолютно; точно (*фр.*).

Нэнси Дрю – литературный и киноперсонаж, девушка-детектив, известная во многих странах мира. Впервые появилась в книге «Тайна старых часов», опубликованной в 1930 г.

Фандрайзер – сотрудник компании (штатный или внештатный), ищущий пути привлечения финансовых ресурсов.

11

Râteau (*фр.*) – грабли, bateau (*фр.*) – лодка.

«Лемсип» – противогриппозное и противопростудное лекарственное средство.

Точно (*фр.*).

Имеется в виду знаменитый мистический фильм американского режиссера М. Н. Шьямалана (1999).